

У 1
282

Августъ Стриндбергъ.

Августъ Стриндбергъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ШЕСТОЙ.

Изданіе В. М. Саблина.

Августъ Стриндбергъ.

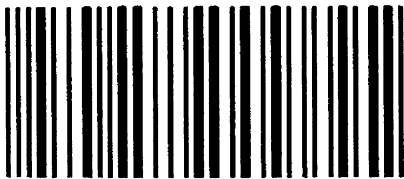
ШВЕЙЦАРСКІЯ НОВЕЛЛЫ.

ИГРА СЪ ОГНЕМЪ.

УЗЫ.

Москва. — 1909.

2007085848

Типографія В. М. Саблина.

Москва, Петровка, домъ Обидиной. Телеф. 131 - 34.

Содержаніе:

	<i>Стр.</i>
Возвратъ къ прошлому	1
Угрызенія совѣсти	63
Къ солнцу	119
Новь	129
Передъ смертью	223
Узы	247

Возвратъ къ прошлому.

Стоялъ свѣтлый и солнечный день на берегу Женевскаго озера, а солнце ярко горѣло на высотахъ надъ Уши и Лозанной. Павелъ Петровичъ, садоводъ въ Уши, поднимался по Avenue de la Gare съ маленькой тачкой, наполненной розами, пучками салата и артишоками. Онъ отправлялся на рынокъ въ Лозанну. Потъ текъ у него по лбу и не скатывался въ маленькіе честные глазки только благодаря густымъ бровямъ; но зато съ висковъ капли пота стекали на свѣтло-рыжую бороду, окаймлявшую его лицо. Розы начали уже вянуть подъ лучами солнца, и салатъ свертывалъ свои листочки, какъ бы защищаясь отъ жары. Павелъ остановился, снялъ синюю блузу и осторожно положилъ ее на тачку. Отеръ лобъ и продолжалъ свой путь дальше.

На Avenue du Théâtre солнце, казалось, палило еще сильнѣе. Здѣсь онъ снова остановился, бросилъ долгій взглядъ на Женевское озеро, какъ бы мысленно освѣжая свой горячій лобъ холодными дуновеніями съ снѣжной вершины Dent d'Oche, глубоко вздохнулъ, какъ бы накачивая въ себя свѣжій воздухъ, прежде, чѣмъ войти въ городъ, всегда такой душный для него. Когда онъ стоялъ,

снять шляпу, мимо него прошла дама съ молодымъ чело-
вѣкомъ.

— Посмотри, это русскій, — сказала она; и господинъ
остановился, глядя на Павла.

— Какой онъ смѣшной, — сказалъ молодой человекъ.

И лицо Павла дѣйствительно принимало смѣшное вы-
раженіе, когда на него смотрѣли чужіе. Оно все сжима-
лось въ мелкія складочки, какъ листъ подорожника, ког-
да дѣти вырываютъ стебель и дергаютъ за обнажившіяся
жилки листа. Это не было подергиванье одного мускула,
какъ при тикѣ, но всѣ нервы лица словно были соеди-
нены съ гальваническимъ токомъ. Павелъ почувствовалъ
это, надѣлъ шляпу и пошелъ дальше. Прошелъ черезъ
площадь св. Франциска на улицу св. Франциска, которая
въ рыночные дни закрыта для экипажей и занята торгов-
ками зеленью, сидящими вдоль тротуаровъ. Увидя Павла
съ тачкой, онѣ хотѣли загородить ему дорогу, но онъ
началъ имъ объяснять, что онъ не вьючное животное,
хотя и имѣетъ такой видъ, и потому онъ имѣетъ право
проѣхать здѣсь. Женщины позвали полицейскаго. Онъ
истолковалъ законъ не въ пользу Павла, такъ что ему
пришлось снова взбираться кверху и, пройдя черезъ пло-
щадь св. Франциска, спуститься къ почтѣ, по спуску Пе-
пинэ. Павелъ не былъ ни удивленъ, ни подавленъ. Онъ
уже давно пересталъ удивляться тому естественному явле-
нію, что конкуренты всѣми способами стараются затруд-
нить другъ другу проходъ. Когда онъ спустился на Цен-
тральную улицу, гдѣ было его мѣсто въ нѣсколькихъ ша-
гахъ отъ книжнаго магазина Бенда, онъ открылъ свою
тачку, снялъ дышло, надѣлъ блузу, которая съ темными

манчестеровыми брюками придавала ему видъ швейцарскаго рабочаго, и сталъ на свое мѣсто, поджидая покупателей.

Когда онъ стоялъ такъ въ толпѣ народа, одинъ, среди завистливыхъ конкурентовъ, которые не могли равняться съ нимъ въ его специальности розъ, одинъ на краю тротуара узкой вымощенной улицы, сточные желоба которой проходили подъ его тачкой, и когда онъ увидѣлъ этихъ шумныхъ, вспотѣвшихъ, запыленныхъ людей въ рабочей одеждѣ, проходящихъ мимо съ тяжестями и орудіями въ рукахъ, сердце его тоскливо сжалось и мысли понеслись далеко къ громаднымъ плоскимъ, некрасивымъ полямъ окрестностей Москвы.

Онъ не вѣрилъ больше ни въ церковный звонъ, ни во что подобное, но теперь ему не хватало этого. Сладкое благоуханіе его розъ, къ которому примѣшивается отвратительный запахъ лука и сельдерея изъ сосѣдскихъ корзинъ, вызывало тошноту, и онъ испытывалъ жгучую тоску по бѣлымъ березамъ и простому шиповнику. Ему не хватало маленькой церкви, выкрашенной въ красную и зеленую краску, съ золотымъ куполомъ, ему не хватало молчанія степи, разодѣтыхъ по-праздничному мужиковъ въ ихъ ярко вышитыхъ рубашкахъ и бабъ въ оранжевыхъ сарафанахъ. Это слабость, думалъ онъ, люди не могутъ стать лучше или счастливѣе отъ колокольнаго звона или сарафановъ, — но все-таки онъ тосковалъ по нимъ. Прочь отсюда, гдѣ не цѣнишь солнца, потому что весна длится полъ зимы; прочь отъ этой улицы, этого сточнаго желоба, этой враждебной ему толпы; отъ этихъ устарѣвшихъ людей, съ ихъ устарѣвшими сердцами и мыслями; отъ этихъ ино странцевъ, пріѣзжающихъ сюда любоваться природой,

какъ театральной фееріей, съ балкона первокласснаго отеля. Наконецъ, какая то покупательница перебила теченіе его мыслей.

— Что стоятъ артишоки?—спросила она.

— Двадцать пять сантимовъ, сударыня,— отвѣчалъ онъ.

Она пощупала листочки, словно желая убѣдиться, что они не поддѣльные, сдѣлала кислую мину, означавшую— это дорого! и прошла дальше.

«Откуда этой гусынѣ знать, сколько могутъ стоить артишоки?— подумалъ онъ про себя.— Если бы она арендовала землю, которая теперь такъ дорога, покупала удобреніе, которое такъ дорого, покупала сѣмена, сѣяла ихъ, пересаживала молодыя растеньица, такія нѣжные, что до нихъ едва рѣшаешься дотронуться, еще разъ пересаживала бы ихъ, поливала, полола сорныя травы, покрывала ихъ зимой и жила бы все время въ безпокойствѣ, достоятъ ли они до весны, ждала годъ и два, два раза триста шестьдесятъ пять дней, пока они дадутъ первый цвѣтокъ, тогда бы она не говорила, что двадцать пять сантимовъ дорого; но она не занимается этимъ и потому ничего этого не понимаетъ. Я знаю, она учительница и беретъ три франка за то, что въ продолженіе часа говоритъ на своемъ языкѣ съ особой, желающей изучить ея языкъ. Она сидитъ въ мягкомъ креслѣ, въ теплой комнатѣ, ничѣмъ ни рискуя, бесѣдуя о театрѣ и погодѣ; затѣмъ встаетъ и уходитъ со своими тремя франками. Но она считаетъ чтоэтого мало для бѣдной, несчастной учительницы».

Неподалеку въ ямѣ стояли и работали два газопроводчика. Взглядъ Павла упалъ какъ разъ на нихъ, когда онъ кончилъ свои размышленія на экономическую тему.

«Эти вонъ,— продолжалъ онъ думать,— зарабатываютъ тридцать сантимовъ въ часъ, въ десять разъ меньше, чѣмъ она, которая сидитъ въ теплой комнатѣ въ креслѣ и разговариваетъ о театрѣ и погодѣ. Миѣ кажется, что въ нашемъ превратномъ мірѣ, заработная плата стоитъ въ обратномъ отношеніи къ тяжести труда! Это очень знаменательно, но еще ни одинъ экономистъ не коснулся этого вопроса, и если бы кто-нибудь изъ нихъ рѣшился сдѣлать это, то сейчасъ же было бы заявлено, что онъ вовсе не экономистъ».

Такія злыя мысли думались Павлу Петровичу въ такой прекрасный день, но онъ уже давно отвергъ всякое поклоненіе прекрасному.

Шли часы; солнце поднялось изъ-за крышъ, и отъ стѣнъ и камней шелъ жаръ, какъ отъ пекарской печи. Толпа покупателей разсѣивалась, и скоро Павелъ остался почти одинъ со своими конкурентами. Но чѣмъ становилось позднѣе, тѣмъ изысканнѣе особы появлялись на улицѣ. Подошли одна, другая знатныя или богатыя дамы, только что вставшія и желающія купить цвѣты. Служанки закупили зелень раньше, чтобы поспѣть къ обѣду. Павелъ продалъ три розы въ горшкахъ, по четыре франка за штуку; теперь у него оставалась только одна чайная роза, такъ называемая *Céline Forestier*, похожая по цвѣту на вино Вильнѣвъ, когда оно не поддѣльное и слегка отдаетъ въ зеленый цвѣтъ. Это былъ пятилѣтній побѣгъ. Пять лѣтъ ухаживалъ онъ за нимъ, какъ за ребенкомъ. Дрожащими руками продѣлалъ онъ опасную операцию прививки дорогого черенка, привезеннаго за двѣ мили, къ дикому стволу, выращенному изъ сѣмени. Онъ перева-

залъ рану, омылъ еѣ, заботился о молодомъ побѣгѣ, какъ о больномъ; доставлялъ ему тѣнь, поливалъ его; зимой держалъ въ своей комнатѣ и ради него отказался отъ своей излюбленной трубки. Онъ выращивалъ его пять лѣтъ; растеніе стало какъ бы членомъ семьи. Онъ видѣлъ его первыя цвѣточныя почки, и дѣти его закричали отъ радости, когда онъ раскрылъ свои бархатистыя, золоти- стые какъ топазъ лепестки, нѣжныя, какъ щечки ребенка, а его жена поцѣловала ихъ. А теперь онъ долженъ былъ его продавать на улицѣ, на краю тротуара. Да, онъ дол- женъ былъ его продать, потому что дѣтямъ его нужны были новыя башмаки, чтобы итти гулять съ родителями, сегодня въ праздникъ.

Подошелъ англичанинъ и спросилъ, сколько стоитъ цвѣтокъ.

— Шесть франковъ, сэръ!

Англичанинъ вынулъ пять франковъ и сказалъ: «Вотъ, получите!» Онъ привыкъ, что его обираютъ, и зналъ, съ кѣмъ имѣеть дѣло.

— Шесть франковъ,—повторилъ Павелъ.

— Она не настоящая,—сказалъ англичанинъ и отошелъ.

Потомъ подошелъ американецъ.

— Сколько вы хотите за эту Malmaison?—спросилъ онъ.

— Пятнадцать франковъ,—отвѣчалъ Павелъ.

— Это хорошій сортъ,—сказалъ тотъ и заплатилъ.

Павлу казалось, что деньги жгутъ ему руки; но тутъ же онъ поставилъ новый экономическій тезисъ: «Я испо- вѣдую, что достоинство товара зависитъ отъ цѣны, а не цѣна отъ достоинства!» Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ

внизъ по тротуару и подошелъ къ окнамъ книжнаго магазина. Онъ взглянулъ на новыя книги, такія старыя-старыя, несмотря на новыя заглавія. Но пробѣгая такъ по заголовкамъ, глаза его остановились на новой нѣмецкой книгѣ, изданной извѣстнѣйшимъ въ Германіи издателемъ—Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ «Что дѣлать? Разсказъ о новыхъ людяхъ» Чернышевскаго. Не раздумывая ни минуты, пошелъ онъ къ своей тачкѣ, сложилъ оставшуюся зелень и пустился въ обратный путь. Онъ насвистывалъ, поднимаясь къ площади св. Франциска, а когда онъ вошелъ къ башмачнику напротивъ собора, лицо его снова начало нервно подергиваться, какъ раньше на Avenue du Théâtre. Онъ купилъ дѣтямъ башмаки и отправился затѣмъ на Bazar Vaudois купить игрушекъ. А потомъ онъ схватилъ рукоятки тачки и почти бѣгомъ побѣждалъ внизъ къ Уши.

* *
* *

По дорогѣ къ Веве сворачиваетъ внизъ маленькая холмистая тропинка между кладбищемъ и католической часовней. На полдорогѣ влѣво сворачиваетъ тропинка, достаточно широкая, чтобы могла проѣхать тачка.

Тамъ находилась маленькая ферма, защищенная отъ сѣверныхъ вѣтровъ высокими каштановыми и орѣховыми деревьями величественнаго Mont Vert, а съ приозерной стороны громаднымъ зданіемъ парка Beau Rivage; на этой фермѣ Павелъ Петровичъ съ женой устроилъ садоводство и питомникъ розъ. При входѣ туда открывалось прекрасное зрѣлище. Стройныя ремонтантныя и чайныя розы стояли длинными рядами въ полномъ цвѣту, подобранныя

по краскамъ. Marechal Niel съ ихъ пышнымъ желтымъ цвѣткомъ, на основаніи лепестковъ котораго еще лежалъ слабый оранжевый оттѣнокъ, словно отблескъ солнечнаго заката, стояли въ самомъ заднемъ ряду. За ними слѣдовали маленькія твердыя головки Gloire de Dijon, желтыя какъ сырой шелкъ, съ оттѣнкомъ мадеры, и сильно благоухающія. Сѣровато-желтый оттѣнокъ шафрана, рѣжущій глаза; затѣмъ, цѣлый рядъ бѣлыхъ boules de neige, бархатистобѣлыхъ, съ легкимъ красноватымъ оттѣнкомъ на концѣ бутонъ, какъ бы воспоминанія о сильныхъ дняхъ расы, когда въ ея жилахъ текла красная кровь; затѣмъ бѣлыя какъ слоновая кость цвѣты премированной Madame Pittet; бархатныя пурпуровыя розы Дамаска, вишневыя Jules Margottin, темно-красныя Noisette, кровавыя какъ венозная кровь, словно напитавшіяся жизнью изъ липкой почвы поля битвы и пробуждающія грустныя мысли; но рядомъ съ ними стояли, улыбаясь, какъ молодыя счастливыя дѣвушки, розовато-красныя Province, цвѣла пышная но блѣдная La France, похожая на дѣвушку послѣ бальной ночи, а вдоль всѣхъ этихъ рядовъ стояли, лежали и поникали низкорослыя простыя мѣсячныя розы, подобныя дѣтскимъ личикамъ, которыя непоэтичныя англичане такъ пре-красно прозвали Maidens Blush. Видъ этого розоваго лѣса и вдыханіе его аромата опьяняли чувства. Онъ разомъ пробуждалъ всѣ ощущенія: сырой какъ хорошо приготовленное мясо, опьяняющій какъ вино, волнующій какъ близость женщины, невинный какъ ласка ребенка, какъ пѣнье ангела; дымящееся мясо и огненная мадера, румяна и крылья ангеловъ, женская грудь и поцѣлуй ребенка, сѣра и утренняя заря, кровь и молоко, пурпуръ и полотно!

Но Павелъ Петровичъ не глядѣлъ на розы съ этой точки зрѣнія, онъ былъ «новый человѣкъ» и глядѣлъ на вещи совершенно иначе.

Садъ былъ раздѣленъ на четыре части: одна для злаковъ, другая для зелени, для овощей и для цвѣтовъ. Цвѣты, по мнѣнію Павла Петровича, были необходимымъ зломъ; они были послѣдней уступкой его эстетическому чувству, жалкое наслѣдство, отъ котораго будутъ свободны его дѣти.

Въ сѣверной части сада стояла ферма; это была старинная постройка, въ которой скотный дворъ и сараи соединялись съ жилымъ домомъ. При своемъ переселеніи въ Швейцарію Павелъ Петровичъ мечталъ провести въ жизнь опрощеніе, о которомъ такъ много писали и безъ котораго погибнетъ человѣкъ будущаго въ великой, но мирной и закономѣрной борьбѣ, которая близится. Поэтому при своемъ устройствѣ онъ, главнымъ образомъ, рассчитывалъ на самопомощь. Его не особенно печалило, что онъ не можетъ сразу вырвать съ корнемъ всѣ потребности, вложенныя въ него плохимъ воспитаніемъ. Но онъ считалъ своею обязанностью проводить въ жизнь свою идею, чтобы его дѣти нашли уже что-нибудь сдѣланнымъ, когда придетъ ихъ чередъ. Въ концѣ концовъ онъ старался по мѣрѣ возможности дѣлать все самъ и, что еще важнѣе, приучилъ себя и свою семью довольствоваться малымъ. На скотномъ дворѣ у него стояли: корова, двѣ овцы, двѣ козы, кролики, куры и пара гусей. Кромѣ того, у него водились голуби и пчелы; ихъ медъ замѣнялъ въ домѣ сахаръ. Изъ кукурузы, самага доступнаго и дешеваго злака, онъ дѣлалъ хлѣбъ, который не былъ такъ хорошъ,

какъ пшеничный, но все-таки былъ лучше чернаго ржаного. Свой чай (кофе онъ никогда не пилъ) выращивалъ онъ самъ. Въ университетѣ въ Харьковѣ, гдѣ онъ изучалъ медицину въ продолженіе шести лѣтъ, онъ жилъ на крайне простомъ столѣ. За это время онъ до такой степени привыкъ къ плохому чаю, что когда на седьмой годъ онъ началъ пить настоящій чай, то онъ показался ему хуже прежняго. Когда затѣмъ онъ узналъ, что шесть лѣтъ онъ пилъ экстрактъ изъ вишневыхъ листочковъ и находилъ его вкуснымъ, онъ рѣшилъ такъ продолжать и теперь. Въ его саду было много такихъ «чайныхъ деревьевъ». Шить самимъ себѣ одежду они съ женой считали еще преждевременнымъ, чтобы это могло окупиться. Крѣпкихъ напитковъ онъ больше не потреблялъ. Въ юности онъ много пилъ, приучившись къ этому дома и въ университетѣ. Теперь онъ считалъ просто глупымъ прибѣгать къ крѣпкимъ напиткамъ, потому что въ наше время надо сохранять ясныя мысли и свѣжія силы. Но отвыкнуть отъ крѣпкихъ напитковъ ему было нелегко, потому что его организмъ требовалъ ихъ, какъ организмъ морфиниста требуетъ своей части яда; но мало-по-малу онъ достигъ этого. И теперь, чувствуя крѣпость организма, спокойствіе чувствъ и гармонію силъ, онъ строго осуждалъ безсмысленность употребленія возбуждающихъ средствъ, которыя туманятъ мозгъ человѣка, дѣлаютъ его неспособнымъ разсуждать и соображать, и совершенствованіе будущаго казалось ему осуществимымъ только людьми трезвыми. А поэты, написавшіе такую массу лжи, развѣ не были безумцами, за своими галлюцинаціями не видѣвшими дѣйствительности, какова она есть. Всѣ рѣшенія, опре-

дѣлявшія судьбы народовъ, принимались съ незапамятныхъ временъ въ опьяненіи пира. Великія идеи французской революціи зародились въ винныхъ парахъ передовыхъ банкетовъ. Ни одинъ комитетъ не могъ работать безъ ѣды или питья; всѣ великія рѣчи произносились въ состояніи полубезумія, и потомъ еще жаловались, что не хватаетъ хлѣба; вѣдь миллионы акровъ земли были покрыты виноградниками, и хлѣбъ перегоняли въ водку! Былъ ли міръ мудръ? О, нѣтъ, Павелъ уже давно пересталъ это думать. Но когда онъ началъ въ Россіи проповѣдывать трезвость, его встрѣчали съ мало остроумнымъ отвѣтомъ: «Вѣдь ты самъ былъ пьяница!» На это Павелъ могъ только отвѣчать: «Именно, поэтому! Кто самъ не пилъ, тотъ не можетъ говорить противъ того, чего самъ не испыталъ».

Павелъ вступилъ въ «современный бракъ» съ дѣвушкой изъ хорошей семьи. Они заключили словесный договоръ, но не давали другъ другу никакихъ обѣщаній, потому что по опыту знали, что сдержать слово не зависитъ отъ воли его даващаго. Теперь у нихъ было двое дѣтей. Работу они подѣлили такъ, что жена взяла на себя заботу о дѣтяхъ, потому что ей это больше подходило, чѣмъ Павлу; она вела также домашнее хозяйство, потому что понимала въ этомъ больше, чѣмъ Павелъ. Но она не убирала его комнаты; онъ дѣлалъ это самъ, и это брало у него всего полчаса. Обѣдъ готовили они вмѣстѣ. Павелъ, кромѣ того, мылъ полы; это служило ему даже развлеченіемъ и къ тому же это было трудно для жены, особенно когда она ждала ребенка. У нихъ не было прислуги, потому что они не хотѣли имѣть рабовъ у себя въ домѣ, но Павелъ имѣлъ «сотрудника», который сначала былъ са-

довникомъ, а теперь компаніономъ Павла и кромѣ содержанія получалъ соотвѣтствующую часть прибыли. Павелъ звалъ его по имени—Бернгардъ, а Бернгардъ звалъ его—Павелъ Петровичъ. Они такъ условились между собой, чтобы не вспоминать несправедливаго раздѣленія на хозяевъ и работниковъ. Для поддержанія своей жизни имъ требовалось работать только шесть часовъ въ день; остальное время они проводили въ отдыхѣ, развлеченіи, чтеніи и письмѣ. И Павелъ писалъ очень много.

Когда онъ съ тачкой вошелъ на дворъ, обѣ его дѣвочки выбѣжали ему навстрѣчу и поцѣловали его. Это были двѣ бѣлокурыя малютки въ свободныхъ, прямыхъ полотняныхъ платицахъ и простыхъ соломенныхъ шляпахъ, совсѣмъ непохожія на дѣвочекъ модныхъ журналовъ. Въ дверяхъ стояла жена. Небольшого роста пепельная блондинка, смуглая, съ большими черными глазами и пріятно округлымъ оваломъ лица. Волосы лежали мягкими прядями, и отдѣльные завитки спадали на уши, затылокъ и лобъ. Она выглядѣла спокойно и безмятежно, но налетъ грусти лежалъ на когда-то веселыхъ чертахъ. Это былъ слѣдъ печали по чему-то прошлому, разрыва съ милыми, но ничтожными воспоминаніями, пережитой борьбы съ воспитаніемъ, жалостью и предразсудками.

— Добрый день, Павелъ! — сказала она.

— Добрый день, мои дорогія, — отвѣчалъ онъ, поцѣловавъ жену и дѣтей.

— Принеси стулъ отцу, — сказала мать старшей дѣвочки, лѣтъ пяти.

— Нѣтъ, Аничка, — сказалъ Павелъ, — Вѣра не должна быть рабой.

— Я не хочу,— уже отвѣтила Вѣра.

— Развѣ можно такъ говорить,— остановила ее мать.

— Да,— сказалъ Павелъ,— такъ надо отвѣчать. Кто не научится хотѣть и выражать свою волю въ юности, тотъ вырастетъ человѣкомъ безвольнымъ или лжецомъ! Аничка! Зачѣмъ мы должны воспитывать дѣтей своими рабами? Въ восемь лѣтъ Вѣра уже пойдетъ въ жизнь. Въ ней мы не будемъ имѣть рабы, а вѣдь мы не собираемся воспитывать ихъ, чтобы онѣ подставляли стулья другимъ. Но если Вѣра хочетъ принести мнѣ стулъ, то я ее поблагодарю, потому что она сдѣлаетъ это добровольно.

— Ты правъ, Павелъ Петровичъ,— сказала мать.— Но я не всегда могу смотрѣть на вещи съ новой точки зрѣнія!

— Мнѣ это тоже не всегда удается, другъ мой, но надо приучать себя къ этому. Я говорю не о тебѣ, а о насъ обоихъ! Но я вижу, ты уже накрыла, позови Бернгарда.

Бернгардъ былъ маленькій широкоплечій швейцарецъ съ черными усами и черными взъерошенными волосами, небольшими глазами и сильно развитой спиной, носящей слѣды «la hotte», неизмѣнной корзины, которую горные жители носятъ на спинѣ. Онъ сложилъ молитвенно руки и затѣмъ сѣлъ за столъ.

— Неужели Бернгардъ никогда не отвыкнетъ отъ этого? — спросилъ Павелъ.

— Нѣтъ, я привязанъ къ этому сильнѣе, чѣмъ къ бѣлому вину.

— Свобода совѣсти, свобода совѣсти, Павелъ Петровичъ,— предостерегающе сказала Анна Ивановна.

— Благодарю, другъ мой, что ты напомнила мнѣ объ этомъ! Это вѣрно! Прости меня, Бернгардъ!

— Ну, какъ шла сегодня торговля? — спросила Анна.

— И хорошо и дурно, — отвѣчалъ Павелъ. — Полезное стоитъ низко въ цѣнѣ, а бесполезное высоко.

Обѣдъ, состоявшій изъ грибного пирога, кролика и маринованныхъ огурцовъ, прервалъ на время бесѣду присутствующихъ. Послѣ обѣда былъ поданъ чай въ неизмѣнномъ самоварѣ.

— Сегодня праздникъ, — сказалъ Павелъ.

— Да, — сказала жена, вздохнувъ.

— Ты вздыхаешь, Аничка, тебѣ сегодня тяжело? — Она наклонилась и положила голову ему на колѣни.

— Плачь, дорогая, тебѣ будетъ легче, — сказалъ Павелъ поглаживая ее по волосамъ.

— Да, если ты тоже будешь плакать!

— Я уже давно покончилъ со слезами, — сказалъ Павелъ. — Въ этомъ нѣтъ никакого достоинства. Это выходитъ само собой.

— Развѣ не тяжело обрабатывать чужую землю? — спросила Анна.

— Родная земля была жестче, но на ней легче было работать. Но это все пустыки. Вся земля наша мать!

— Скажи, что ты тоскуешь о томъ клочкѣ земли, который ты вырвалъ изъ смертельныхъ, убійственныхъ объятій степи; скажи, что ты сегодня хотѣлъ бы быть тамъ и видѣть, какъ цвѣтутъ твои яблони, распускаются розы и зрѣетъ земляника! Скажи это, Павелъ, и тогда я скажу тебѣ, какъ я тоскую!

— Я и не отрицаю; какъ только я началъ вскапывать

нашу землю, сѣять сѣмена, сажать деревья и увидалъ цвѣтушимъ этотъ неплодородный уголокъ, я почувствовалъ себя съ нимъ связаннымъ. Связывать себя было неразумно. Я вырвалъ съ корнемъ свои воспоминанія, порвалъ нѣжнѣйшія узы, далъ растоптать свиньямъ свою личность и все-таки я чувствую себя несвободнымъ. Когда мои мысли стремятся на родину, онѣ обращаются не къ временамъ моего дѣтства, когда я учился быть рабомъ, не къ могиламъ отца и матери, не къ нашимъ тяжелымъ воспоминаніямъ о прежнемъ обманчивомъ величіи, онѣ стремятся къ клочку земли, гдѣ росла моя пища, къ бѣлымъ березамъ, подъ которыми я обдумывалъ свѣжія, новыя мысли, къ чернымъ соснамъ, баюкавшимъ мое страданіе, но больше всего, а теперь почти неизмѣнно, къ обработанному мною клочку земли. Видишь, какой я матеріалистъ и эгоистъ! Помнишь ты дождливую осень, когда я сажалъ кусты сирени; какъ мы взяли въ глинѣ, таская сырые кустарники, которые я принесъ со станціи. Помнишь, какъ я копалъ гряды для земляники и до поздней ночи съ огнемъ сажалъ полузавядшіе кустики. Помнишь, какъ прислали, наконецъ, яблони и я долженъ былъ за полверсты ходить за водой для поливки. А крестьяне сидѣли и стояли у забора, насмѣхались и удивлялись, — къ чему это все.

— А затѣмъ, — продолжала Анна, — мы переѣхали осенью въ городъ. Ты сидѣлъ и разглядывалъ свои планы. Тутъ росло одно, а тамъ другое. И когда наступили морозы, ты началъ беспокоиться, что растенія померзнутъ. Ты не зналъ ни одного спокойнаго дня. А когда мы снова пріѣхали туда весной, шесть яблонь погибло. Николай сказалъ, что эта

отъ мороза, а Андрей сказалъ, что Николай вылилъ на нихъ щелокъ. И тогда ты заплакалъ.

— Неужели? О, какая слабость!

— Да, ты заплакалъ, но не о деревьяхъ, а о злобѣ людей!

— О невѣжествѣ, Анна!

— О невѣжествѣ, да! И тогда ты посадилъ новыя деревья, ты посадилъ сотни яблонь, грушъ, сливъ и вишенъ и сказалъ крестьянамъ, что они получаютъ съ нихъ плоды и побѣги. И тогда, Павелъ Петровичъ, наступило «великое событіе», и мы должны были уѣхать. Съ тѣхъ поръ ты ничего не слыхалъ о нашемъ участкѣ, но ты думаешь о немъ и тоскуешь!

— Слабость, Анна, пустяки, мелочь! Теперь я объ этомъ больше не думаю! Не думаю! Но не будь такъ печальна! У меня радостно на душѣ, потому что сегодня я испыталъ большую радость.

— Расскажи, расскажи!

Павелъ налилъ новую чашку чая; въ это время подошелъ почтальонъ; онъ принесъ открытку и письмо. Павелъ прочелъ сначала открытку.

— Она, по крайней мѣрѣ, не распечатана, — сказалъ онъ прежде чѣмъ прочитать. Въ открыткѣ, носившей на себѣ русскій штемпель, стояли слѣдующія слова: «Если божество солнца освѣщаетъ своими живительными лучами гниющій трупъ, то почему же оно не можетъ освѣтить и письмо?»

— Гмъ... — сказалъ Павелъ, — что это можетъ значить?

— Ты это навѣрно увидишь изъ письма, — отвѣчала Анна.

— Ты права, но письмо, конечно, было распечатано; на немъ остались жирные слѣды усомъ, украшавшихъ любезный ротъ, запечатывавшей письмо.

Павелъ прочелъ: «Павлу Петровичу, садоводу. Уши, Лозанна. Согласно вашему распоряженію, завтра будутъ высланы шесть бочонковъ икры по два рубля, безъ упаковки. Готовый къ услугамъ Дмитрій Барановъ».

Павелъ молча сидѣлъ, обдумывая эти слова, но не могъ найти въ нихъ никакого смысла. Для него было несомнѣнно, что письмо шифровано!

Анна старалась помочь ему доискаться смысла, но безуспѣшно. Тогда Павелъ бросилъ распечатанное письмо на столъ и сказалъ:

— Поговоримъ о чемъ-нибудь другомъ, а тогда что-нибудь придетъ въ голову. Мы говорили о томъ, что сегодня у меня была радость. Да, большая радость, давно я такой не испытывалъ! Анна, — продолжалъ Павелъ, — вотъ уже двадцать лѣтъ, какъ Чернышевскій написалъ свою книгу! Ее запретили въ Россіи! Запретили истину въ ея чистѣйшемъ, прекраснѣйшемъ видѣ! А самого его сослали въ Сибирь, чтобы раскаялся въ томъ, что онъ сказалъ истину. Достаточно ты сильна сегодня, Анна?

— О, да, — отвѣчала она.

— Такъ что ты спокойно, не краснѣя можешь слушать чтеніе одной очень старой книги?

— Какой книги?

— «Знаменитую Россію» поборника истины Уоллеса.

— Павелъ Петровичъ, ты самъ неспокоенъ, говоря это слово «поборникъ истины».

— Да, но мнѣ кажется, что старыя слова такъ сильно

вкоренились въ насъ, что мы слышимъ ихъ эхо въ самихъ себѣ, иначе умы наши возмутятся.

— Я чувствую себя сегодня такимъ веселымъ и спокойнымъ, что хочу почитать книгу доктора Мекензи Уоллеса.

— Ты сказалъ слово «докторъ» такимъ презрительнымъ тономъ, изъ котораго видно, что ты совсѣмъ неспокоенъ.

— Тѣмъ больше причинъ читать ее.

Павель всталъ и пошелъ за упомянутой книгой. Потомъ онъ попросилъ дѣвочекъ пойти и нарвать жасмину. Дрожащими пальцами онъ перелистывалъ книгу. Потомъ онъ началъ читать громкимъ и яснымъ голосомъ, безъ всякаго тенденціознаго оттѣнка.

«Многіе агитаторы утверждаютъ, что они ученики Чернышевскаго, человѣка, занимавшаго особо выдающееся положеніе въ періодической русской печати въ эпоху великихъ реформъ; затѣмъ онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ находится и теперь еще. Но я думаю, что онъ лично никогда не призналъ бы ихъ таковыми»...

Анна сдѣлала движеніе рукой, и кровь бросилась ей въ лицо. Но Павель продолжалъ: «И я не сомнѣваюсь, что онъ не питалъ бы ни малѣйшей симпатіи къ тѣмъ типамъ этой категоріи, которыхъ мнѣ случалось видѣть».

Анна повернулась на соломенномъ стулѣ такъ, что его ножки вѣзались въ песокъ. Но Павель продолжалъ читать все тѣмъ же безстрастнымъ голосомъ, какъ и раньше: ..«За исключеніемъ одного романа, написаннаго имъ въ тюрьмѣ и который, по справедливости (онъ запнулся на этомъ словѣ и прочелъ всю фразу сначала, не останавливаясь на

немъ) не можетъ считаться выраженіемъ его истинныхъ воззрѣній въ разумныя минуты,—остальные его сочиненія всегда полны здраваго смысла и разумной умѣренности. Чернышевскій, несомнѣнно, принималъ въ свое время крупное участіе въ разрѣшеніи вопроса реформъ, систематически отклонялъ всѣ предложенія безумныхъ политическихъ демонстрацій и теперь, послѣ пятнадцатилѣтнаго изгнанія, разумѣется, вполнѣ искупилъ увлеченія своей юности).

— Хорошо это написано? — спросилъ Павелъ, тяжело передохнувъ.

— Хорошо, — отвѣчала Анна.

Павелъ продолжалъ: «Въ заключеніе взглянемъ, въ какой степени можно придавать серьезное значеніе всѣмъ этимъ тайнымъ обществамъ. Представляютъ ли они дѣйствительную опасность для государства? Я думаю, каждый хорошо знающій Россію не поколеблется отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Нѣкоторые агитаторы приходили даже въ своихъ предпріятіяхъ къ обратнымъ результатамъ».

Павелъ поднялъ глаза отъ книги и увидалъ мертвенно-блѣдное лицо жены. Онъ всталъ и пошелъ съ книгой къ дому.

— На сегодня довольно, — сказалъ онъ. — Но полезно, Анна, преодолевать себя. Каждый разъ, какъ я читаю эту книгу, я чувствую, какъ я расту. Сегодня я могу даже улыбаться.

— До этого я еще не дошла, — сказала Анна. — Всѣ эти слова я слышала еще отъ моего стараго, почтеннаго отца, говорившаго ихъ съ убѣжденіемъ.

— И твой старый почтенный отецъ, слышалъ ихъ отъ своего почтеннаго отца. Опасно имѣть почтенныхъ от-

цовъ! Чернышевскій уже умеръ и не долженъ больше ка-
яться «въ увлеченіяхъ своей юности». Теперь, черезъ
двадцать лѣтъ, евангеліе его издано по-нѣмецки въ трехъ
прекрасныхъ томахъ самымъ крупнымъ и уважаемымъ
издателемъ Германіи, какъ разъ передъ закономъ князя
Бисмарка о социалистахъ. Что мы можемъ сказать на это?
Если бы я былъ вѣрующій, я пошелъ бы въ воскресенье
въ церковь, и возблагодарилъ бы Бога за его милосердіе.

— Это большое событіе, Павелъ Петровичъ, такое боль-
шое, что мы не можемъ еще усмотрѣть всѣ послѣдствія
его. Наконецъ міръ узнаетъ эту книгу.

— Не говори такихъ громкихъ словъ, Аничка. Міръ уже
думалъ объ этомъ, но теперь онъ научится это знать; Чер-
нышевскій обладалъ любовью, и поэтому слова его должны
трогать людей. Если божество солнца освѣщаетъ своими
лучами и гниющей трупъ... гм... почему же оно не можетъ
освѣтить и письмо? Теперь я понялъ!

Павелъ всталъ и подошелъ къ столу, на которомъ на
солнцѣ лежала открытка и письмо.

— Погляди Аничка, погляди,—сказалъ онъ,—это отъ
Дмитрія.

Письмо, лежавшее открытымъ подъ лучами солнца, по-
крылось теперь безконечнымъ числомъ желтовато-красныхъ
буквъ, написанныхъ особыми чернилами. Павелъ прочелъ
половину письма вслухъ. Въ немъ говорилось о «дѣлахъ»,
какъ это называлось среди заговорщиковъ. Вторую поло-
вину онъ прочелъ про себя. Анна хотѣла спросить его о
содержаніи письма, но удержалась, потому что у нея не
было привычки вмѣшиваться въ дѣла, о которыхъ умалчи-
валъ Павелъ. Павелъ сунулъ письмо въ карманъ,

— Хотите прокатиться по озеру?—спросилъ онъ.—Сегодня праздникъ, и мы можемъ дать себѣ отдыхъ.

Онъ всталъ, чтобы скрыть нервное подергиванье лица. Анна тоже встала и пошла одѣвать дѣтей.

* *
*

Около полудня они сѣли въ Уши на лодку, и Павелъ началъ грести въ открытое озеро. Буковые и каштановые лѣса Савойскихъ Альпъ выглядѣли какъ косматая шерсть, а наверху на Cornette de Bise лежали еще пласты снѣга. Гальветскіе Альпы на западъ отъ Шильона вздымались, какъ гигантскій соборъ, посѣрѣвшій отъ старости, а обѣ башни Mauren и D'Al поднимались надъ ущельемъ, словно построенный гигантами соборъ; улыбаясь, лежали покрытые виноградниками холмы Lavaux; они могучей лѣстницей поднимались къ скалистымъ храмамъ Cubly и Folly. Почти отвѣсная стѣна Dent de Morcles, стояла какъ мексиканскій храмъ въ восемь тысячъ футовъ высоты, съ блестящей бѣлой крышей отъ свѣже-выпавшаго снѣга. На востокѣ мерцало Женевское озеро, сливаясь съ берегомъ, и казалось безконечнымъ открытымъ моремъ, уходящимъ за горизонтъ. Но, приглядѣвшись къ ослѣпительному свѣту, глазъ начиналъ различать голубоватую Юру, свѣтившуюся какъ длинное легкое облачко.

— Развѣ не такимъ представляемъ мы себѣ небо?— сказала Анна.

— Это прекрасная страна, — сказалъ Павелъ, — но она не наша.

— Видишь, какъ глубоко вкоренилось въ насъ чув-

ство собственности, Павелъ Петровичъ,—замѣтила Анна.— Не наша! Но вѣдь земля принадлежитъ всѣмъ.

— Она должна была бы принадлежать всѣмъ. Она когда-то принадлежала всѣмъ, и это время снова наступитъ!

Онъ гребъ по спокойной водѣ, и капли медленно спадали съ весель. Настроение было не веселое, и они молча пристали къ маленькому мысу, недалеко отъ Лютри, гдѣ стояло маленькое кафе, съ виноградной бесѣдкой и развѣвались зеленые съ бѣлымъ флаги кантона.

— Хочешь, пристанемъ къ берегу и посидимъ немного въ тѣни?—сказалъ Павелъ.

Анна ничего не имѣла противъ. Они пристали къ берегу и вышли.

На дворѣ за большимъ столомъ сидѣла хозяйка и шила пестрое шелковое платье. Это была сорокалѣтняя толстая женщина, здоровое лицо которой выражало довольство и безпечность. Рядомъ съ ней стояла дѣвочка лѣтъ десяти и играла въ серсо. Передъ хозяйкой стояла рюмка портвейна, и она даже не думала подняться навстрѣчу посѣтителемъ, какъ будто это было не ея дѣло или она сама изображала гостью. Въ дверяхъ маленькаго кафе появилась высокая женская фигура лѣтъ тридцати въ крайне модномъ утреннемъ туалетѣ, цѣлью котораго было обрисовать какъ можно сильнѣе ея великолѣпныя формы. У нея было блѣдное, но полное лицо, а большіе черные глаза были окружены широкой синевою, какъ брилліанты на синемъ бархатѣ футляра. Черты ея лица напоминали окаменѣлый ликъ медузы, а въ углахъ рта лежала неизмѣнная, холодная складка сладострастья, которая могла быть и выраженіемъ безграничной печали. Она смѣрила Анну

съ ногъ до головы, оглядѣла ея платье, башмаки, руки и волосы, словно обыскивая ея или желая себѣ усвоить ея манеру одѣваться. Она обратилась къ Павлу съ гордой усмѣшкой и спросила, чего имъ угодно?

— Два сифона,—отвѣчалъ онъ не глядя на нее.

— А что еще?—продолжала медуза.

— Стаканы,—отрѣзалъ Павелъ.

Медуза поблѣднѣла, гордо повернулась, какъ оперная королева и ушла.

— Почему ты такъ недружелюбно обошелся съ этой несчастной?—спросила Анна.

— Можетъ быть, несчастной, можетъ быть, счастливой и порочной,—сказалъ Павелъ.

— Несчастливая, если даже и порочная,—сказала Анна.

— Кто продаетъ себя, тотъ порываетъ съ природой.

— Нужда вызываетъ порокъ,—сказала Анна.

— Подите поиграйте съ дѣвочкой, — сказалъ Павелъ обращаясь къ Вѣрѣ и Софіи.

Дѣвочка съ серсо насмѣшливо поглядѣла на дѣтей и пошептала съ хозяйкой. Вѣра и Софья, не двинулись съ мѣста.

— Подите и поиграйте съ дѣвочкой, — сказала Анна.

— Нѣтъ, я не хочу,—сказала Вѣра, взглянувъ своими большими печальными глазами на десятилѣтнюю кокетку.

— Тогда не надо,—сказала Анна.—Почему ты знаешь, Вѣра, что она нехорошая?

— Я не знаю,—сказала дѣвочка и прижалась къ матери.

Медуза вернулась и небрежно подала сифоны, не говоря ни слова. Потомъ она присѣла къ хозяйкѣ за столъ

и начала пришивать къ рубашкѣ кружево. По временамъ она бросала на Анну вызывающіе взгляды.

— Сегодня праздникъ, — сказалъ Павелъ, наливая стаканы.

— Ты печаленъ, Павелъ Петровичъ, — сказала Анна.

— О, да, — сказалъ Павелъ, — мнѣ уже поздно было начинать новую жизнь!

Въ это время во дворъ вошелъ человекъ среднихъ лѣтъ, въ которомъ Павелъ узналъ одного торговца изъ Лозанны.

Онъ приподнялъ шляпу, поклонился Павлу, улыбнулся Вѣрѣ и присѣлъ къ хозяйкѣ. Затѣмъ онъ заказалъ полбутылки Ville-Neuve и три рюмки портвейна, которыми онъ угостилъ женщинъ и дѣвочку; онѣ пили и болтали съ нимъ на мѣстномъ нарѣчій, при чемъ женщины по временамъ искоса поглядывали на посѣтителей.

— Теперь, — сказалъ Павелъ, — онъ рассказываетъ, что мы русскіе бѣглецы, изгнанники изъ родины, и они всѣ смотрятъ на такихъ интересныхъ личностей! Какъ интересно быть изгнанникомъ, какъ интересно быть вырваннымъ, подобно дереву, изъ почвы, лежать съ обнаженными корнями подъ лучами солнца и чувствовать, какъ сокъ усыхаетъ подъ корой; какъ интересно нигдѣ, гдѣ бы ни жилъ, не имѣть права гражданства, потому что не имѣешь бумагъ; какъ интересно видѣть около себя на почтѣ преодѣтаго полицейскаго, когда получаешь денежное письмо; какъ интересно не имѣть доступа въ библіотеки и музеи, потому что не имѣешь свидѣтельства отъ своего правительства, что ты предатель народа; какъ интересно въ чужой свободной странѣ не имѣть права обратиться за по-

мошью къ представителю страны, консулу, агенту Лиги Іезуитовъ, когда тебя преслѣдуютъ, унижаютъ и оскорбляютъ. А интереснѣе всего было раньше, когда дѣти, возвращаясь съ прогулки по набережной домой, приносили поклонъ отъ знатныхъ русскихъ и научились у нихъ спрашивать, скоро ли повѣнчаются папа и мама! Взгляни, какими глазами смотритъ теперь на тебя медуза! Какъ она радуется, когда торговецъ рассказываетъ, что ты со мной не обвиняна. Видишь, какъ она презираетъ тебя! Она такая снисходительная къ самой себѣ, она презираетъ тебя! Слышишь! Обвиняна! Она, которая при первомъ же случаѣ, когда устанетъ отъ своей жизни, выйдетъ замужъ за перваго встрѣчнаго, только чтобы перемѣнить свое имя и обезпечить свою старость! Какъ полна предразсудковъ самая свободная отъ предразсудковъ женщина!

— Кто ее сдѣлалъ такой, Павелъ?

— Воспитаніе; да, правда, я былъ несправедливъ! Но пойдемъ, мнѣ непріятно здѣсь оставаться!

— Нѣтъ, останемся, Павелъ; это полезно—видѣть передъ собой живую старую жизнь. Это закалитъ насъ!

— Сегодня праздникъ—продолжалъ Павелъ, не трогаясь съ мѣста.—Теперь онъ рассказываетъ, что ты была дѣвушка изъ богатой семьи, влюбилась въ студента медицины и послѣ «великаго событія», ушла съ нимъ въ жизнь. А онъ, этотъ торговецъ, обвинчанъ, но женатымъ его назвать нельзя, потому что иначе онъ не сидѣлъ бы и не пьянствовалъ все утро съ пустыми женщинами, чтобы къ полудню вернуться къ женѣ и обѣду.

— Ты сегодня слабъ, мой милый Павелъ, — сказала

Анна. — Ты не можешь привыкнуть относиться равнодушно къ мнѣнію другихъ.

— Да, я сегодня слабъ,—сознался Павелъ.—Но на это у меня есть причины, если не оправданія. Мы топимъ свои предразсудки какъ кошекъ, привязавъ имъ камень на шею, а когда веревка размокнетъ, трупы снова всплываютъ кверху.

— Скажи же мнѣ, что пишетъ Дмитрій,—сказала Анна.— Я знаю, что это мучитъ тебя.— Скажи, тебѣ будетъ легче!

Павелъ вынулъ письмо, разложилъ его на столѣ и началъ его читать: «Мнѣ случайно пришлось заѣхать на твой хуторъ. Ты можешь себѣ представить, съ какимъ волненіемъ я снова увиделъ этотъ маленькій уголокъ, гдѣ я провелъ столько безмятежныхъ часовъ. Я зашелъ въ домикъ и вспомнилъ, какъ однажды въ субботу, когда Анна была въ городѣ, мы выкрасили въ зеленый цвѣтъ ея ставни. Дождь смылъ краску, потому что мы положили въ нее слишкомъ много скипидару. Изгородь сирени, которую мы сажали вокругъ пристроекъ, торчала обнаженными прутьями, потому что сѣоть взрылъ землю вокругъ корней и попортилъ ихъ. Отъ розовыхъ кустовъ не осталось и слѣда, потому что люди, поселившіеся на хуторѣ, выpleскивали на нихъ всякіе помои. Я вошелъ черезъ калитку въ садъ. Онъ весь заросъ чертополохомъ. Я искалъ гряды съ земляникой, но всюду росъ только высокій мохнатый чертополохъ и сорныя травы. На мѣстѣ яблонь были ямы; повидимому, ихъ пересадили. Въ крыжовникѣ было еще немного жизни, но частью онъ завялъ, частью выродился, такъ что вмѣсто крупнаго англійскаго крыжовника росли

маленькія какъ горохъ зеленыя ягодки. Парники обратились въ сорныя ямы. Я избавляю тебя отъ дальнѣйшихъ подробностей. Я отыскалъ Николая, который спрятался на сѣновалѣ; онъ сказалъ мнѣ, что Андрей разрушилъ весь садъ; но когда я встрѣтилъ Андрея, то онъ мнѣ сказалъ, что Николай продалъ деревья и растенія сосѣдямъ, послѣ того какъ твое имѣніе было конфисковано. Когда я подумаю, сколько добра сдѣлалъ ты этому Николаю, какъ ты дружилъ съ нимъ и какъ ты... (и т. д. прервалъ себя Павелъ...) Твою кобылу Фанни я увидалъ запряженной въ плугъ.—Это справедливо,—пробормоталъ Павелъ, мы всѣ должны работать! «Она»... (и т. д.) «Потомъ я прошелъ на скотный дворъ. Не знаю, какой несчастный случай привелъ меня сюда въ этотъ день, я попалъ какъ разъ на бойню. Твоя лучшая корова Звѣзда лежала, обливаясь кровью, закативъ глаза, съ большой раной на шеѣ... (и т. д.) Оглядѣвъ весь этотъ ужасъ опустошенія, я пошелъ черезъ деревню домой; передъ каждой избой я видѣлъ фруктовыя деревья въ полномъ цвѣту, и тогда я подумалъ: «Павелъ работалъ для счастья другихъ, и гдѣ онъ посѣялъ, они пожнутъ; и это, по обычнымъ понятіямъ, печальное извѣстіе онъ приметъ если не съ радостью, то все-таки не увидитъ въ немъ ничего дурного, потому что Павелъ новый человекъ и хочетъ работать не только для себя и для своихъ.» Онъ замолчалъ и сложилъ письмо.

— Легче теперь?—спросила Анна.

— Да, относительно это еще тяжело, но я чувствую себя легче. Не даромъ Иисусъ Назарянинъ запрещалъ своимъ ученикамъ владѣть чѣмъ-либо. Ничто не связываетъ такъ духа, какъ собственность. Боязнь потерять не даетъ

мирно жить, надежда на наследство отнимаетъ покой. Развѣ не удивительно, что новые люди, какъ и первые христіане, подумали объ освобожденіи отъ собственности. Теперь я свободенъ, Анна, и теперь я воспользуюсь моею свободой!

— Но твой другъ Николай! Это обидно!

— Да, какая потеря! Но мы должны пріучиться не смотрѣть на своихъ друзей, какъ на свою собственность! Откровенно говоря, мнѣ кажется, что мнѣ больше всего жаль Фанни; она привыкла ходить въ упряжи, привыкла къ уходу и ласкѣ. Бѣдная Фанни! Ты получила такое тонкое воспитаніе! Не хочешь ли теперь поѣхать домой, Анна?

Они встали и пошли къ лодкѣ.

* * *

Павелъ Петровичъ проснулся однажды въ серединѣ марта въ три часа. Ему показалось, что жена зоветъ его, но когда онъ началъ прислушиваться, все было тихо. Въ домѣ и на улицѣ стояла тишина. Черезъ ставни проникали лучи разсвѣта, слабые, зеленоватые отъ зеленыхъ перекладинъ ставень. Онъ любилъ эту торжественную тишину, къ которой долго не могъ привыкнуть, какъ городской житель. Въ тишинѣ онъ слышалъ миролюбивые голоса, полные любви и надежды, говорившіе серьезныя, нужныя слова о будущемъ; голоса прошлаго звучали какъ жалобныя тоскливыя вопли зовущихъ на помощь страдальцевъ.

— Шить, шить, шить,—послышалось чириканье воробьевъ.—Шить, шить, шить,—раздалось съ другого куста,

гдѣ на ночь помѣстилось другое семейство. Проснулся черный дроздъ и началъ свой унылый напѣвъ, меланхолическій, словно пѣвецъ чувствовалъ, что онъ родился на свѣтъ безсильнымъ выразить свою радость. Проснулся веселый зябликъ, радостно и беззаботно повторяющій безъ конца свою коротенькую пѣсню въ четыре такта; пѣночка, знающая, что она первый теноръ, запѣваетъ свою арію, которая хотя и не образецъ искусства, но представляетъ изъ себя длинную тему съ варіаціями; отовсюду на перебой слышится пѣнье; съ лавровыхъ кустовъ, съ кипарисовъ и кедровъ, магнолій и буковъ, со всѣхъ кустовъ и деревьевъ съ зимней зеленью поднимается оглушительный хоръ, изъ котораго выдѣляются сильные, неопредѣленные звуки дрозда.

Павелъ всталъ и открылъ дверь на балконъ. Навстрѣчу ему ворвались потоки свѣта. Солнце еще не взошло. Сине, какъ опрокинувшееся небо, лежало озеро, и изъ его глубины поднимались Савойскія Альпы, по громаднымъ склонамъ которыхъ раскинулись всѣ четыре времени года. Внизу, на берегу, стоятъ вѣчно-зеленые кусты и деревья, изъ которыхъ *Laurus Tinca* была уже покрыта какъ лѣтомъ бѣлыми цвѣточками. Въ садахъ росла капуста и латукъ. Нѣсколько выше, въ области весны, стояли какъ бы осыпанныя розоватымъ снѣгомъ цвѣтуція персиковыя деревья. Свѣтло зеленѣла молодая зелень орѣховыхъ деревьевъ, и цвѣли примулы и анемоны; нѣсколько выше стоялъ буковый лѣсъ, еще темный какъ осенью, а еще выше лежалъ снѣгъ, бѣлый, блестящій съ голубоватымъ отливомъ, розовѣющій въ первыхъ лучахъ солнца. Теперь всѣ птицы пѣли разомъ. А надъ прямымъ гребнемъ *Rocher de Naue*

появилась полоса свѣта съ красновато-желтой каймой, какъ кожа апельсина; черезъ разсѣлину проникаетъ лучъ, быстро пронесится надъ бездной новый лучъ, цѣлый снопъ лучей, и, наконецъ, появляется нерѣшительный и трепетный край солнца, какъ если бы онъ качался на своей старой, потертой оси. И тѣни пугливо бѣжали къ подножью горъ и прятались въ сосновыхъ лѣсахъ, чтобы отдохнуть тамъ до вечера.

Павель подошелъ по балкону къ окну жены. Бѣлая гардина была неплотно спущена; ему не видно было Анны, но были видны дѣти. Вѣра свѣсила голову съ подушки и широко раскинула открытыя ручонки. Ея личико распухло отъ сна, а ротикъ былъ полуоткрытъ, и обнажилъ бѣленькіе маленькіе зубки. На лицѣ ея играла улыбка, и ему казалось, что сквозь закрытыя вѣки онъ видитъ взглядъ голубыхъ глазъ. Павель тяжело вздохнулъ, какъ если бы его самой дорогой надеждѣ грозило что-то невѣдомое. Теперь онъ услышалъ слабый стонъ съ постели жены, но онъ не хотѣлъ ее будить. Ей, вѣроятно, снилось что-нибудь печальное изъ прошлаго, которое она никогда не могла забыть. Онъ вернулся въ свою комнату и въ однихъ чулкахъ сошелъ въ садъ. Онъ оглядѣлъ свои шпалерники абрикосовъ и персиковъ, которые уже отцвѣли и покрылись мелкими плодами; онъ привѣтствовалъ пчелъ, которыя уже вылетѣли на работу; отсюда онъ хотѣлъ пройти на скотный дворъ, когда услышалъ громкіе стоны изъ комнаты жены. Онъ взбѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ и прислушался у двери. Онъ услышалъ, что она жалобно звала его. Онъ постучалъ въ дверь и вошелъ. Анна повернула къ нему красное отъ боли лицо.

— Почему, Анна Ивановна, ты не послушалась, когда я просилъ тебя пригласить какую-нибудь женщину, пока есть время? Что же намъ теперь дѣлать: Бернгардъ уѣхалъ къ своимъ, и мнѣ придется оставить тебя одну.

— Не упрекай меня теперь, милый Павелъ, но иди скорѣй.

— Прости, дорогая—сказалъ Павелъ и провелъ рукой по ея воспаленному лбу.

Вѣра проснулась при новыхъ столахъ матери. Она поднялась на постели, съ ужасомъ взглянула на мать и сказала:

— Папа не долженъ дѣлать мамѣ больно.

— Нѣтъ, дорогая дѣточка, папа не дѣлаетъ мамѣ больно, но мама больна.

Павелъ поцѣловалъ жену и выбѣжалъ изъ комнаты. Когда онъ добѣжалъ до калитки, онъ снова услышалъ ея крикъ, какъ вопль скорби, пронзившій пѣнье птицъ, какъ предостерегающій крикъ для тѣхъ, кто ликующе справлялъ свадьбу безъ боязни, безъ мысли о боли рожденья, о боли смерти. Онъ бѣжалъ вверхъ къ Лозаннѣ, бѣжалъ такъ скоро, что сердце у него билось и кровь стучала въ вискахъ. Когда онъ добѣжалъ до кладбища съ черными кипарисами, ноги его подкосились, и все его тѣло начало дергаться и дрожать. Онъ стоялъ неподвижно, уцѣпившись за кладбищенскую рѣшетку. Колѣни его подгибались, и все тѣло поникло какъ подъ дѣйствіемъ гальваническаго тока. Онъ глядѣлъ сквозь прутья рѣшетки на могилы и упалъ бы безъ чувствъ, если бъ не обжегъ руки о крапиву. Тогда онъ очнулся, вспомнилъ о женѣ и позвалъ на помощь. Въ окнѣ дома католическаго священника, сто-

явшаго напротивъ кладбища, показалось жирное красноватое лицо въ бѣломъ ночномъ чепцѣ; это былъ священникъ, который только что проснулся и услыхалъ зовъ. Увидя искаженное лицо Павла и пониженное глго, онъ подумалъ, что это пьяный возвращается домой послѣ ночной попойки, и онъ быстро закрылъ окно, произнеся одно только слово: „пьяница!“

Но Павелъ продолжалъ звать на помощь. Онъ поднималъ кулаки къ небу, рвалъ на себѣ волосы, проклиналъ тѣхъ, кто сломилъ въ тюрьмѣ его силы, вынуждая у него сознание въ томъ, чего онъ не зналъ; и теперь онъ раскаивался, что ему удалось избѣжать смерти, потому что въ эту минуту жизнь казалась ему тяжелѣе, чѣмъ когда-либо. Онъ съ тоскою думалъ о петербургской крѣпости, гдѣ страдалъ онъ одинъ, между тѣмъ какъ теперь онъ страдалъ за жену и долженъ былъ признаться, что страдать за другихъ гораздо тяжелѣе, чѣмъ за самого себя. Онъ видѣлъ комнату Анны, гдѣ она лежала, удерживая стоны, чтобы не испугать дѣтей. Наконецъ, изъ сосѣдняго дома вышелъ фермеръ и подошелъ къ нему.

— Что съ вами? — участливо спросилъ онъ.

— Я боленъ! — отвѣчалъ Павелъ. — Но моя жена лежитъ въ родахъ. Ради Бога, побѣгите въ Лозанну къ акушеркѣ и попросите ее немедленно пойти въ «Розовое Садоводство», въ Уши. Обо мнѣ не заботьтесь. Бѣгите скорѣе, да благославить васъ Богъ!

Фермеръ хотѣлъ сначала помочь Павлу, но тотъ повторилъ свою просьбу и началъ ползти внизъ съ холма домой.

По временамъ онъ останавливался, откидывалъ острые

камни и произносилъ проклятія. Встрѣчнымъ онъ могъ показаться черепахой, которая старается выпрямиться, чтобы взглянуть на небо глазами, какъ всякое другое твореніе Божье. Потъ струился у него по лицу и бородѣ, и пѣна выступала на губахъ.

— Взгляни на человѣка!—вырвалось у него.—Взгляни на человѣка, повергнутаго наземь Творцомъ міра! О, Боже! Deus optimus, maximus! взгляни какъ твои намѣстники превращаютъ людей въ ползучую тварь и разбиваютъ имъ спины, когда они хотятъ поднять голову. Взгляни, какъ они оскорбляютъ Твое твореніе, взгляни, какъ они подавляютъ всѣ великія открытія геніевъ, которые должны бы служить для объединенія народовъ! Они украли молнію съ неба, чтобы поражать насъ. Ахъ, Боже! Долго ли это будетъ длиться?

Онъ съежился, какъ бы стыдяся своего разговора вслухъ, и поползъ дальше по улицѣ, ведущей къ его дому.

Тутъ онъ снова услыхалъ вопли жены. Онъ не могъ ползти дальше; эти жалобные стоны терзали его нервы. Онъ покотился внизъ, спѣша домой. Приблизившись, онъ услыхалъ отчаянный, беспомощный плачь дѣтей. Слезы текли у него по щекамъ и мѣшались съ дорожной пылью, такъ что лицо его стало неузнаваемо. Наконецъ, ему удалось добраться до водоема и погрузиться въ холодную воду. Холодная ванна подѣйствовала на него успокоительно, и тѣло его начало расправляться. Немного спустя, онъ вышелъ изъ ванны, побѣждалъ въ свою комнату и надѣлъ сухую одежду. Черезъ минуту онъ уже былъ у постели жены.

— Она сейчасъ придетъ,—прошепталъ онъ, наклоняясь надъ ней,—сейчасъ...

Затѣмъ онъ вынесъ дѣтей въ сосѣднюю комнату и началъ ихъ одѣвать. Но они не переставали плакать и звать мать. Потомъ онъ оставилъ ихъ на минуту и побѣждалъ къ матери, которая упала ему на руки, корчась отъ боли. Потомъ онъ выбѣжалъ на балконъ посмотрѣть, не идетъ ли уже акушерка. Онъ взывалъ къ Богу, потому что онъ вѣрилъ въ Бога, хотя и не вѣрилъ въ силу молитвы измѣнить мелочи повседневной жизни. Онъ молился Богу, какъ его научили съ дѣтства, потому что въ эту минуту онъ былъ слабъ. А природа улыбалась кругомъ, такъ не гармонируя съ его печалью, и птицы пѣли такъ же весело, какъ и раньше. А затѣмъ онъ опять поспѣшилъ въ домъ помочь Софіи надѣть чулки и потомъ опять къ Аннѣ, у которой снова начались боли, и, поднявшись на постели, она припала къ нему на грудь, какъ бы желая умереть вмѣстѣ съ нимъ. Приступъ болей стихъ, и она лежала съ красными щеками, распустившимися волосами и горящими глазами. Онъ развелъ огонь, потомъ побѣждалъ къ Софіи и Вѣрѣ и снесъ имъ всѣ книги съ картинками, всѣ фотографіи, какія у него были. Потомъ онъ открылъ комодъ и, по указаніямъ, Анны сталъ выбирать дѣтскія вещи. Затѣмъ онъ побѣждалъ въ погребъ за ванной. Когда онъ поднимался съ ванной по лѣстницѣ, раздался страшный крикъ, ужаснѣе, чѣмъ всѣ предыдущіе, а когда онъ вошелъ въ комнату, Анна тихо лежала съ ясной улыбкой на лицѣ, блѣдная, спокойная, затаивъ дыханіе. Подъ одѣяломъ раздался пискъ, который все росъ и превратился въ слабый живой крикъ, такъ хорошо знакомый Павлу. Онъ обрадовался, что все уже кончено; онъ былъ врачъ и зналъ, что опасность миновала, но онъ не могъ заста-

вить себя приподнять одѣяло, нѣтъ, въ немъ для этого еще было слишкомъ много стараго человѣка. Для всякой другой женщины, да, но не для жены. Онъ чувствовалъ себя передъ новой дьявольской дилеммой, которая такъ же трудна, какъ и прежняя, но онъ не могъ преодолѣть себя, не могъ. Почему онъ не могъ? Этого онъ не зналъ, но это такъ было. Онъ услышалъ шаги на лѣстницѣ, выбѣжалъ изъ комнаты и столкнулся съ акушеркой. Онъ обнялъ ее и ввелъ въ комнату. Потомъ онъ пошелъ къ дѣвочкамъ и отвелъ ихъ въ садъ.

Ему дышалось легче, хотя ноги его еще дрожали. Онъ взглянулъ на горы; онѣ стояли равнодушныя и блестящія какъ всегда, и небо было ясно. Онъ нарвалъ тапетовъ и тюльпановъ и сдѣлалъ букетъ, подобравъ спокойныя бѣлые и розоватыя тона.

Черезъ полчаса акушерка вышла на балконъ и кивнула ему. Черезъ мгновеніе онъ былъ уже наверху и держалъ сына. Своего сына! Такой чудной радости онъ не испытывалъ еще никогда и онъ не могъ понять, почему это доставляло ему больше радости, чѣмъ рожденіе первой дочери. Держалъ ли онъ въ рукахъ свое подобіе? Было ли это его новымъ «я», въ которомъ онъ увидитъ осуществленіе своей мечты о новомъ человѣкѣ. Свѣжій, новый побѣгъ отъ стараго ствола, который не будетъ учить всѣхъ глупостей, какимъ учили его и которыя, подобно сорнымъ травамъ, нельзя уничтожить однимъ разомъ; представитель грядущаго поколѣнія, который, можетъ быть, родился съ новыми мыслями, новымъ мозгомъ и новымъ сердцемъ! Можетъ быть! И онъ положилъ сына на грудь матери, гдѣ онъ долженъ спать и расти, въ то время какъ роди-

тели будутъ работать надъ тѣмъ, чтобы создать новыхъ достойныхъ родителей человѣку новаго времени.

* *
*

Нѣсколько дней спустя Павелъ Петровичъ сидѣлъ у постели Анны. Разговоръ шелъ вяло и скоро совсѣмъ замолкъ, и слышно было только слабое дыханіе новорожденнаго. Но оба знали, о чемъ думаетъ каждый изъ нихъ. Павелъ зналъ, что Анна думаетъ: «Вотъ мы говоримъ о сотнѣ вещей, которыя совсѣмъ не важны для насъ». А Павелъ думалъ: «О чемъ она хочетъ говорить?»

Наконецъ Анна заговорила мягко и нѣжно, и слова ея звучали почти какъ мольба:

— Павелъ Петровичъ, у меня къ тебѣ есть просьба!

— Значить, что-нибудь противъ моего желанія, Анна Ивановна, потому что иначе тебѣ незачѣмъ просить! — отвѣчалъ съ безпокойствомъ Павелъ.

— Да, — слабо произнесла Анна.

— Это что-то непредвидѣнное! Говори!

— Не сердись на меня, Павелъ, не презирай меня, не отказывай мнѣ! Позволь окрестить нашего мальчика.

Павелъ сидѣлъ, повидимому, совершенно спокойный.

— Возвратъ къ прошлому! Гм!.. Это вполне естественно, но и естественныя явленія не всегда бываютъ пріятны; вотъ, на примѣръ, если молнія ударитъ въ дымовую трубу. Это очень прискорбно, Анна Ивановна! Мы обошлись безъ священника при заключеніи нашего брака, а теперь мы идемъ къ нему и просимъ прощенія. Это, право, прискорбно.

— Мы не идемъ къ нему просить прощенія! И почему

ты говоришь «мы»? Ты тутъ ни при чемъ, все сдѣлаю я одна!

— Ребенокъ все-таки не перестанетъ быть и моимъ ребенкомъ; и я долженъ буду признаться, что мой ребенокъ былъ крещенъ! Это дурной примѣръ для друзей.

— Ты ставишь «друзей, между мной и тобой?» — нѣсколько рѣзко спросила Анна.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Павелъ,—и ты не должна произносить слово «друзья» съ такой неприязнью. Ты знаешь, что это не одна личность или нѣсколько, это само дѣло! Вопросъ этотъ разрѣшить очень трудно! Павелъ Петровичъ считаетъ преступнымъ посвятить своего ребенка Владыкѣ Силы и Власти, а Анна Ивановна считаетъ преступнымъ, или чѣмъ-то въ родѣ этого, не окрестить ребенка. Какъ бы разрѣшилъ этотъ вопросъ Соломонъ—не мудрецъ Соломонъ, а Соломонъ законодатель—это мы знаемъ, но вѣдь, Анна Ивановна, мы не можемъ обратиться къ законамъ, которыхъ мы не признаемъ!

— Поэтому, Павелъ Петровичъ, я и прошу позволить мнѣ окрестить ребенка, я прошу!

— Я подыщу какой-нибудь сильный доводъ противъ самого себя, Анна, дорогая, чтобы исполнить твое желаніе. Друзья будутъ говорить: «какой стыдъ, Павелъ Петровичъ обошелся безъ поповъ, когда женился, а теперь позволяетъ своей женѣ за своей спиной крестить своего ребенка». Что отвѣтитъ на это Павелъ?

— Онъ отвѣтитъ: я исполнилъ желаніе жены, потому что я люблю ее.

— Но тогда друзья скажутъ: «онъ любитъ жену больше чѣмъ истину; Павелъ не тотъ, кого мы ищемъ!»

— Простой, незначительный случай вы раздуваете въ цѣлое событіе.

— Отдать своего ребенка не-единомышленникамъ незначительный случай! И подумай, Анна, если ты потомъ раскаешься въ этомъ, а это навѣрное такъ и будетъ!

— Когда же прекратятся эти разногласія, Павелъ? Неужели ты думаешь возможно единеніе между супругами, когда въ самомъ ихъ союзѣ больше всего и встрѣчается разногласій?

— При настоящихъ отношеніяхъ мнѣ кажется это совершенно невозможнымъ, но именно поэтому, Анна, мнѣ и хотѣлось, чтобы мы начали измѣнять эти отношенія съ рожденіемъ ребенка! Я не упрекаю тебя, это могло бы случиться и со мною, и тогда между нами произошелъ бы такой же разговоръ, только наоборотъ! Что намъ дѣлать? Я ни на что не рѣшусь, не выслушавъ тебя! Не можемъ ли мы въ этомъ случаѣ согласовать наши желанія? Можемъ ли мы въ одно и то же время окрестить и не окрестить? Можемъ ли мы притти къ какому-нибудь соглашенію, не насилуя своей совѣсти? И не придется ли въ концѣ концовъ одному покориться другому? И развѣ это подчиненіе не разорветъ нашъ союзъ? Что ты скажешь на это?

— Это очень грустно, Павелъ, но что же намъ дѣлать? Я не могу совладать съ собой, я не буду знать покоя, если ребенокъ не будетъ окрещенъ! Это глупо, суевѣрно, но я не могу избавиться отъ этого!

— Я понимаю тебя, Анна! Я знаю, что тѣлесныя потрясенія вызываютъ духовныя колебанія и тогда то, что таилось на днѣ, всплываетъ на поверхность; я знаю, что умирающіе

часто возвращаются къ своимъ дѣтскимъ вѣрованіямъ; доказательствомъ этого можетъ служить Вольтеръ, вернувшійся въ безсознательномъ состояніи къ своимъ первоначальнымъ вѣрованіямъ; я знаю, что и теперь еще могу разглядывать пузырьки въ чаю или испугаться темноты, чему меня нянька научила въ дѣтствѣ! Крести ребенка, Анна, но я не буду присутствовать при обрядѣ! И не будемъ больше говорить объ этомъ!

Анна схватила его за руку и поцѣловала ее.

— Благодарю, дорогой, дорогой Павелъ; ты доставилъ мнѣ такое огромное счастье!

— Мы больше никогда не будемъ касаться этого вопроса, Анна! Я не могъ отказать тебѣ! Вѣдь это твой ребенокъ!

— И твой также, Павелъ, и законъ на твоей сторонѣ, потому что онъ повелѣваетъ, чтобы ребенокъ слѣдовалъ религіи отца. Но вѣдь законы создаютъ мужчины противъ женщинъ!

— Нѣтъ, Анна Ивановна, законы создаются и мужчинами и женщинами, потому что вѣдь у насъ были и государины, издававшія законы; законы созданы мужчинами и женщинами высшихъ классовъ противъ мужчинъ и женщинъ низшаго класса. Будемъ справедливы и соединимся вмѣстѣ противъ закона!

* * *

Павелъ согласился на просьбу Анны противъ своего желанія, но не чувствовалъ себя побѣжденнымъ. Анна же приняла согласіе Павла какъ подарокъ и считала себя обязанной ему. Въ первый же разъ, какъ Павелъ выра-

зять какое-нибудь желаніе, она должна будетъ исполнить его, даже противъ своей воли. Покой ея былъ нарушенъ. Она ежедневно и ежечасно видѣла передъ собой своего кредитора. Она каждую минуту боялась, что онъ явится со своимъ требованіемъ. Всѣ ея мысли сосредоточились на одномъ вопросѣ: что онъ потребуетъ? Она представляла себѣ всевозможныя требованія и, считая себя обязанной выполнить ихъ, какъ бы они ни шли въ разрѣзъ ея желаніямъ, она видѣла въ этомъ покушеніе на свою личность; она не могла сказать «нѣтъ», потому что это былъ долгъ, который она должна заплатить. Душа ея не была больше свободна. Но она не могла отказаться отъ мысли окрестить ребенка, такъ сильны были въ ней предрасудки. И если бы даже она теперь отступила, согласіе Павла уже было подарено ей. Павелъ чувствовалъ, что что-то легло между ними, но не могъ устранить этого. Говорить объ этомъ было невозможно. Все случилось очень просто и измѣнить этого было нельзя. Онъ боялся оскорбить жену, вызвать новое разногласіе и замкнулся въ себѣ. Теперь онъ не могъ быть увѣренъ, что въ Аннѣ не проснутся и другіе взгляды прежнихъ временъ. Анна чувствовала себя еще болѣе виновной, видя деликатность Павла, и сознание вины все росло въ ней. Ежедневно и ежечасно видѣть передъ собой своего кредитора и знать, что живешь только благодаря его великодушію, пробуждало въ ней чувство какой-то отчужденности и даже враждебности къ Павлу. Съ другой стороны Аннѣ казалось, что, возвращаясь къ своимъ прежнимъ воззрѣніямъ и вѣрованіямъ, она какъ бы снова становилась самой собой. Она почти радовалась, что у нея мысли, которыхъ не раздѣляетъ Павелъ,

которыя исключительно принадлежатъ ей и не получены отъ Павла, потому что всѣ новыя взгляды она заимствовала отъ него. Ее не угнетало, что старинныя воззрѣнія она получила отъ родителей и наставниковъ, потому что они шли не отъ него, а это казалось ей самымъ главнымъ.

День крестинъ наступилъ. Бернгардъ долженъ былъ быть свидѣтелемъ. Ребенка одѣли въ нарядныя крестильныя одежды. Павелъ пришелъ изъ сада въ комнаты помочь одѣть дѣвочекъ, которыя тоже должны были присутствовать. Это великодушіе вызвало въ Аннѣ непріятное чувство. Она старалась увидѣть въ этомъ насмѣшку, но при всемъ желаніи это не удалось ей. Онѣ были одѣты и готовы къ отъѣзду. Анна коротко простилась. Павелъ поцѣловалъ дѣтей. Ему хотѣлось сказать, чтобы они берегли ребенка, но раздумалъ. Анна и безъ того не забудетъ объ этомъ. И они уѣхали.

Павелъ остался въ комнатахъ. Было послѣполуденное время, кругомъ стояла тишина, и Павелъ, оставшись впервые совсѣмъ одинъ въ домѣ, испытывалъ какое-то странное чувство. Онѣ ушли; всѣ, которыя жили благодаря ему и жизнь безъ которыхъ была ему въ тягость. Онъ не мало поработалъ для будущаго и не ждалъ результата раньше нѣсколькихъ поколѣній. Когда прошли первыя минуты грусти, онъ вышелъ на балконъ. Теперь ему дышалось легче. Онъ не долженъ больше съ утомительнымъ волненіемъ слѣдить за своими мыслями, словами, выраженіями. Въ тишинѣ и одиночествѣ мысли его прояснялись. И когда онъ почувствовалъ, что мысли его идутъ смѣлыми шагами, не встрѣчая зацѣпокъ и препятствій, къ нему снова вернулись мужество и надежда. Онъ почувствовалъ возмож-

ность выбраться изъ лабиринта, въ который его замуrowало воспитаніе. Сомнѣніе разсѣялось, и во всѣхъ этихъ нѣжныхъ узахъ онъ увидалъ только узы. Что, если Анна потребуетъ, чтобы дѣти ходили въ школу, гдѣ они научатся быть такими же дурными, какимъ и онъ былъ когда-то! А у него было основаніе бояться этого. Тогда ему снова придется сдѣлать насиліе надъ своей совѣстью— исполнить ея желаніе. А этого онъ не могъ. Онъ, стремящійся ко всеобщей свободѣ совѣсти, начнетъ съ того, что будетъ самъ насиловать свою совѣсть? Нѣтъ! Если онъ не сдѣлаетъ этого, то онъ никогда не начнетъ осуществлять своего идеала будущаго! И если онъ не начнетъ со своихъ дѣтей, то кто же начнетъ тогда? Онъ будетъ продолжать работать надъ измѣненіемъ всего строя, искорененіемъ предрасудковъ, и тогда они пойдутъ вслѣдъ за другими. И онъ долженъ оставить надежду начать со своихъ. Пусть будетъ такъ! Онъ пойдетъ своимъ одинокимъ, опаснымъ путемъ, куда бы онъ ни привелъ его. Ему ничего больше не остается. Тогда онъ, можетъ быть, совершить что-нибудь великое и полезное. Это была страшная жертва, горькое разочарованіе, но судьба этого хотѣла! Но если у него не хватитъ силъ, если онъ погибнетъ? Тогда другіе продолжатъ его дѣло. А пока къ чему эти кичливыя слова! Онъ хочетъ сначала испытать себя.

Онъ подошелъ къ письменному столу Анны и написалъ на бумагѣ: «Я уѣзжаю на нѣсколько дней. Будь здорова! Твой Павелъ». Потомъ онъ собралъ въ дорожный мѣшокъ немного одежды и хотѣлъ итти. Но въ дверяхъ онъ обернулся. Онъ взглянулъ на пустую колыбель съ

маленькой впадиной отъ головки на подушкѣ и на кровати дѣвочекъ. У него потемнѣло въ глазахъ, словно ихъ заволокло черное облако, и онъ вышелъ. Онъ сошелъ къ мосткамъ пристани и сталъ ждать парохода, идущаго въ Эвианъ на Савойскій берегъ.

Мостки выдавались далеко въ озеро, и ему казалось, что онъ направляется въ безконечное пространство. Передъ нимъ разстилалось голубое озеро и голубыя горы; между досками мостковъ просвѣчивала голубая вода. Это была какъ бы дорога, ведущая къ вѣчности. Онъ сѣлъ на лавку на самомъ краю. Мысли его успокоились и текли плавно изъ желанія ли не останавливаться на случившемся или отъ радостнаго сознанія свободы, — онъ не зналъ, но мозгъ его уже давно отвыкъ погружаться въ мечты.

Подошелъ пароходъ. Павелъ сѣлъ на носовую часть, повернувшись спиной къ швейцарскому берегу. Онъ чувствовалъ потребность что-нибудь предпринять. Онъ вынулъ записную книжку и началъ въ ней писать. И такъ онъ писалъ, пока они не подошли къ Эвиану. Дѣло было къ вечеру. Павелъ сошелъ на берегъ и взялъ комнату въ скромномъ отелѣ *Lion d'or*, откуда открывался видъ на озеро и швейцарскій берегъ. Умывшись, онъ сѣлъ къ столу перечитать написанное. Онъ радовался, видя массу новыхъ мыслей и сознавая, что голова его работала свободно и непринужденно. Все существо его, казалось, выросло, и онъ испытывалъ то же ощущеніе роста, когда лежишь въ темнотѣ и голова кажется невѣроятно большой. Онъ заказалъ себѣ чашку чая и сѣлъ съ ней къ окну. Онъ глядѣлъ на противоположный берегъ, видѣлъ мозаннскій соборъ, башню

Уши и зданіе Beau Rivage. Но онъ смотрѣлъ на нихъ совершенно спокойно. Огромная голубая водная поверхность отдѣляла его отъ прошлаго. Онъ перешелъ черезъ пропасть, сломалъ мостъ и обломки побросалъ въ глубину. Возврата не было. Одну минуту онъ чувствовалъ колебаніе, но затѣмъ снова овладѣлъ собой. Послѣ этого онъ спустился въ скромную столовую и сѣлъ одинъ за маленькій столикъ и спросилъ себѣ ѣсть. За сосѣднимъ столомъ сидѣли два француза, которые имѣли видъ купцовъ. Павелъ завязалъ съ ними разговоръ. Они говорили о торговлѣ, о пошлинахъ, о политикѣ, и Павелъ, самъ того не замѣчая, держался стариннаго взгляда. Онъ глядѣлъ на вещи со старинной точки зрѣнія и ни однимъ словомъ не противорѣчилъ своимъ собесѣдникамъ. Онъ испытывалъ какое-то теплое чувство удовольствія, слушая, какъ его голосъ звучитъ въ дружеской бесѣдѣ съ другими людьми; это было такое же теплое чувство, какъ при встрѣчѣ давно невидавшихся друзей. И мысль работала безъ напряженія и оглядки; слова лились свободно, и онъ чувствовалъ сильное влеченіе къ этимъ людямъ. Они говорили объ охранительныхъ пошлинахъ, въ которыхъ онъ открылъ новую полезную сторону, гуманитарную тенденцію, когда дверь растворилась и вошелъ юноша въ сопровожденіи священника. Юноша держался непринужденно и имѣлъ видъ сына богатаго человѣка. Онъ былъ хорошо одѣтъ, въ рукахъ онъ держалъ Бедкеръ и англійскую палку съ дорогимъ набалдашникомъ. Священникъ выглядѣлъ въ своей длинной черной одеждѣ какъ старая женщина. Онъ помогъ своему воспитанику снять пальто и хотѣлъ усадить его поближе къ камину... Но мальчикъ приглядѣлъ себѣ уже

другое мѣсто и не хотѣлъ сидѣть у камина. Священникъ, занимавшій, повидимому, должность среднюю между слугой и наставникомъ, покорно повиновался. Когда они сѣли, мальчикъ началъ читать Бедекеръ, священникъ же придвинулъ столъ къ своему воспитаннику и подтянулъ конецъ ковра ему подъ ноги. Во всей его заботливости сквозила какая-то женская нѣжность, но ученикъ принималъ всѣ эти знаки вниманія гордо и небрежно. Заказавъ обѣдъ, священникъ вынулъ маленькій черный молитвенникъ и началъ вполголоса читать молитвы; безпрестанно прерываемыя вопросами ученика. Священникъ отвѣчалъ или кивкомъ головы, не переставая шевелить губами, или односложно, дочитавъ фразу. Наконецъ, онъ сунулъ молитвенникъ въ карманъ, всталъ, взялъ пальто и съ мягкой настойчивостью хотѣлъ накинуть его на плечи своего юнаго господина. Но тотъ сбросилъ пальто на полъ. Священникъ, улыбаясь, поднялъ его, отряхнулъ пыль и положилъ на стулъ рядомъ со своимъ юнымъ повелителемъ. Павелъ, вообще не долюбивавшій священниковъ за приносимое ими зло, почувствовалъ нѣкоторое возмущеніе, видя, какъ попираютъ его заботы. Священникъ готовилъ салатъ, пока его молодой питомецъ проглядывалъ карточку винъ. Старикъ, олицетворявшій собой самоотреченіе и покорность, поминутно спрашивалъ у своего маленькаго деспота, сколько онъ долженъ налить масла, достаточно ли онъ взялъ уксуса, соли и перца. Одинъ изъ купцовъ, также замѣтившій выходки юнаго посѣтителя, желая подшутить надъ священникомъ, сказалъ: «Мнѣ кажется, наступить дурная погода, слетаются вороны». Священникъ, прекрасно знавшій, что ихъ называютъ воронами, отвѣ-

чалъ: «А можетъ быть, наступить и хорошая погода, добрые господа. Вороны клюютъ иногда зерна на поляхъ, но зато они обираютъ гусеницъ!» Павелъ не могъ не сознаться, что священникъ правъ. Савоя страна бѣдная, и, если священники собираютъ подаянія у богатыхъ, то они зато помогаютъ и бѣднымъ. Когда Павелъ всталъ, чтобы идти къ себѣ, онъ чувствовалъ глубокую симпатію къ священникамъ, которые, по крайней мѣрѣ, заботились не только о земномъ благополучіи. Онъ поднялся къ себѣ и легъ.

Онъ заснулъ тяжелымъ сномъ и проспалъ до четырехъ часовъ утра. Онъ очнулся и вскочилъ съ кровати? Что такое случилось? Прежде всего ему припомнились его послѣднія ощущенія вчерашняго вечера. Онъ раздѣлялъ взгляды торговцевъ и симпатизировалъ священнику. Какъ это произошло? Развѣ его свободный до сихъ поръ разумъ надѣлъ на себя узду и повернулъ обратно? Что такое случилось? Онъ покинулъ жену и дѣтей, потому что мысли его жены вслѣдствіи физическаго потрясенія поддались тому же измѣненію, что и его мысли вчера. Его охватила дрожь. Онъ почувствовалъ внутри себя пустоту. Онъ чувствовалъ, что онъ какъ бы привязанъ къ эластичнымъ нитямъ. Онъ вытянулся отъ нихъ какъ можно дальше, но теперь онѣ тянули его назадъ. Развѣ онъ можетъ порвать? Нѣтъ! Нѣтъ! Онъ переѣхалъ озеро и взялъ съ собою свою большую голову, но сердце его осталось на другомъ берегу. И теперь, когда сердце не снабжало его кровью, голова его была пуста. Онъ думалъ вчера, что мозгъ его свободенъ, но онъ былъ пустъ. Какія глупыя мысли вышли вчера изъ-подъ его руки! Чего искалъ онъ въ пошлыхъ

торговцахъ вчера вечеромъ? Крови для своего пустого мозга? И онъ получилъ старую, черную, запекающуюся кровь.

Онъ одѣлся и вышелъ. Сошелъ внизъ къ берегу. Виноградники лежали среди мертвыхъ орѣховыхъ деревьевъ, похожихъ на лѣсъ, покрывавшій Голгоѳу; и юные, свѣжіе виноградные побѣги обвивались вокругъ этихъ мертвыхъ стволовъ. И черезъ мѣсяць эти черные, невзрачные стволы покроются молодой зеленью. Онъ подумалъ, что онъ похожъ теперь на вырванное съ корнями дерево, которое уже больше не зацвѣтетъ; онъ почувствовалъ, что не можетъ уже дать никакого молодого ростка, потому что ему еще въ юности облили корни сѣрной кислотой, и ему остается только ждать зелени отъ другихъ. Но онъ могъ быть такимъ же шпалерникомъ, опорой, по которой будутъ виться къ солнцу юные побѣги.

Ему хотѣлось, хотя онъ и былъ мертвъ, выступить за свой счетъ и зацвѣсти молодымъ лѣсомъ, но на это онъ уже не годился. Онъ былъ нуженъ на другое. Если онъ упадетъ, то весь виноградникъ закачается и упадетъ вмѣстѣ съ нимъ. И развѣ слабые ростки не помогали ему держаться прямо. Теперь онъ понималъ, что онъ не могъ стоять самъ собою! Онъ вернулся въ свою комнату и сѣлъ за письмо къ Аннѣ, но не могъ ничего написать. Онъ началъ писать о томъ, что бракъ безсмыслица, что онъ никогда не можетъ быть увѣреннымъ въ томъ, что она снова не вернется къ прошлому. Но тутъ ему послышалось, что нѣжный голосъ тихо шепчетъ ему на ухо: «Павель Петровичъ, будь справедливъ. Развѣ ты не пережилъ тоже возврата къ прошлому, возврата къ самому ярому романтизму, когда ты требовалъ неосуществимаго отъ жизни, хотя и зналъ за-

конъ возврата къ прошлому, предвидѣлъ это, зналъ, что мы люди дряхлаго, переходнаго времени? Бракъ никогда не будетъ совершенъ, даже среди подростяющаго поколѣнія, потому что въ жизни нѣтъ ничего совершеннаго. Развѣ нашъ бракъ не лучше многихъ? Такъ почему же ты недоволенъ? Будемъ продолжать нашъ путь вмѣстѣ; нашъ союзъ, основанный на безграничной симпатіи, не является смысломъ брака; бракъ созданъ для будущихъ поколѣній». На это Павелъ мысленно отвѣтилъ: Правда, но если бракъ созданъ для будущихъ поколѣній, будемъ вмѣстѣ работать для нихъ, а не противъ нихъ». Голосъ говорилъ: «Такъ вернись и работай съ нами, а не иди одинъ въ міръ говорить съ вѣтрами. Потому что одинъ ты сдѣлаешь такъ же мало, какъ сдѣлаю одна я. Но вѣдь мы любимъ другъ друга, Павелъ. Любовь—это тайна, въ которую мы никогда не сможемъ проникнуть. Это не симпатія, потому что прежде мы относились другъ къ другу непріязненно, а все-таки мы любили другъ друга. Ты чувствуешь, какъ влечетъ тебя назадъ, какъ часть тебя осталась на другомъ берегу озера. Это не равенство взгляда, потому что взгляды могутъ мѣняться, и это не прочное основаніе; это то, что оно есть—это любовь; два эгоизма, соединившихся въ одно; но мы были слишкомъ эгоистичны, чтобы отказаться отъ своего эгоизма, который мы украшали старыми словами: личность, индивидуальность. Я поддаюсь одному призыву изъ прошлаго, ты—другому, не менѣе тяжелому, потому что тебя покинуло благоразуміе, и ты слишкомъ много потребовалъ отъ жизни. Требуй меньше, и это будетъ лучше!»

Павелъ всталъ съ мѣста. Дѣйствительность со всѣми

ея мелочами встала передъ нимъ. Садъ стоялъ безъ призора, сорная трава не выполота, розовые кусты дали дикіе побѣги, пчелы роились и улетали! А дѣти! Вѣра, его старшій ребенокъ! Она родилась въ тяжелое время, когда въ домѣ не всегда былъ хлѣбъ. Но она принесла съ собою новую жизнь, новыя силы и мужество на всѣхъ. Съ мыслью о ней онъ двигалъ горами. А потомъ она подросла и сидѣла у него на колѣняхъ за письменнымъ столомъ, когда онъ поправлялъ ея работы. А ея маленькія заботы, когда родилась сестренка! Все вниманіе и любовь уже не принадлежали ей одной. Она испытывала разочарованіе и грустила. Это былъ ея первый горькій опытъ въ жизни. Ей все приходилось дѣлать съ Софіей—куколъ, пирожное, любовь родителей. Но у отца были двѣ руки чтобы водить ихъ и двое колѣнъ, на которыхъ онѣ сидѣли. Но все-таки она была не единственная. А потомъ Софія, быстро замѣтившая, что она не была такой желанной, какъ сестра, что ей приходилось просить того, что Вѣра получала безъ всякой просьбы, что ей приходится завоевывать себѣ свои права. Здѣсь было чему поучиться, здѣсь можно было видѣть, какъ не должно быть, какъ все это должно быть въ послѣдствіи. А кто же будетъ заботиться о домѣ и пищѣ? Какъ глупо, какъ романтично глупо поступилъ онъ вчера! Совершенно какъ въ романѣ, когда берутъ чемоданъ и уѣзжаютъ.

Павель позвонилъ служанкѣ и спросилъ счетъ. Онъ не хотѣлъ продолжать своей романтики и писать глупое письмо. Онъ не хотѣлъ сидѣть здѣсь и мучиться еще цѣлый день, когда онѣ беспокоятся о немъ на другомъ берегу озера. Нѣтъ, онъ съ первымъ же пароходомъ

пойдетъ обратно, пойдетъ прямо домой къ Аннѣ и скажетъ: «я поступилъ глупо!»

* * *

На слѣдующій день послѣ обѣда Анна и Павелъ сидѣли внизу въ саду и говорили о томъ, что произошло. Павелъ сидѣлъ прижавшись къ ней, онъ какъ бы искалъ у нея защиты и тепла, и, продѣвъ свою руку подъ ея, словно просилъ ее вести его за собой.

«Нашъ злѣйшій врагъ, Анна, это естественное начало человѣка, отраженіе высшаго существа, которое чувствуетъ себя въ единеніи со всѣми другими индивидуумами своего рода; оно ломаетъ острия нашей великой, справедливой ненависти, оно склоняетъ насъ къ жалости къ нашимъ врагамъ, оно дѣлаетъ насъ слабыми, когда мы должны нанести ударъ, и награждаетъ насъ раскаяньемъ, когда ударъ уже нанесенъ; подумай, раскаяньемъ въ прекраснѣйшимъ поступкѣ, который освобождаетъ насъ на цѣлыя столѣтія. Ничто не сокрушаетъ насъ такъ, какъ потеря расположенія нашихъ близкихъ. Приходилось ли тебѣ испытывать, какъ леденѣетъ сердце, встрѣчая холодный взглядъ прежняго друга, который не хочетъ тебя больше знать; ты знаешь, что правъ не онъ, а ты, и все-таки въ эту минуту ты считаешь правымъ его, а не себя. Анна, я никогда не забуду, какъ я, ты помнишь, будучи еще не вполне сознательнымъ издалъ въ Москвѣ свою книгу. Никто не могъ отрицать ея правдивости, но никто не рѣшался принять ее серьезно. Рѣшено было считать это все за плодъ фантазіи и приписали ея успѣхъ исключительно

литературнымъ достоинствамъ. Тактика была довольно разумна. Всѣ наперебой начали восхвалять художественность изображенія — и хорошо заряженный, мѣтко направленный выстрѣлъ превратили въ ракету, пущенную вверхъ по воздуху, гдѣ она разлетается красивымъ, разноцвѣтнымъ огненнымъ дождемъ, привѣтствуемая аплодисментами. Но пошли еще дальше. Меня пригласили въ артистическій кружокъ. Умнѣе этого ничего нельзя было придумать. Я никогда не забуду этого вечера. Я встрѣтилъ здѣсь лицомъ къ лицу всѣхъ нашихъ враговъ; всѣхъ, кому посчастливилось талантомъ или знаніемъ добиться крупныхъ именъ. Но я встрѣтилъ тамъ еще множество людей, не обладающихъ ни талантомъ, ни знаніемъ, но въ ихъ рукахъ была власть, и они присутствовали здѣсь. Въ залахъ было свѣтло и тепло; на стѣнахъ висѣли картины, полы были покрыты мягкими коврами, потолки позолочены, столы гнулись подъ тяжестью яствъ и напитковъ. Ни одного гнѣвнаго взгляда; всѣ ласково кивали мнѣ, словно желая сказать: «мы понимаемъ другъ друга; ты перейдешь на нашу сторону, и мы все забудемъ». И я, только что вышедшій изъ моей темной камеры, страдавшій отъ лишеній и пренебреженія, я былъ среди нихъ. И какими человѣчными и маленькими были они вблизи. И какъ скромно держались власть имущіе, зная, что здѣсь они только изъ милости. Они преклонялись передъ даромъ природы, называемымъ талантомъ. Моя неопытность была ослѣплена, и я сейчасъ же подыскалъ софизмъ, чтобы оправдать ихъ. Они сошлись вмѣстѣ, разсуждалъ я, но для того, чтобы въ талантѣ привѣтствовать щедрую природу, которая расточаетъ свои гениальные дары; — я былъ

такъ воспитанъ, что еще вѣрилъ въ геніевъ. Но если бы тогда зрѣніе мое было острѣе, я увидѣлъ бы, что всѣ они держались, какъ-то сконфуженно, какъ бы спрашивая самихъ себя: что я сдѣлалъ? Я тоже геній? И многіе по справедливости могли задать себѣ вопросъ: что я здѣсь дѣлаю? Позднѣе, послѣ ужина, когда мы сидѣли въ интимномъ кружкѣ — я разговаривалъ какъ разъ съ двумя нашими злѣйшими врагами объ эмансипаціи, и я могъ только удивляться съ какой гуманностью они трактовали этотъ вопросъ; редакторъ реакціоннаго органа, какъ тебѣ извѣстно, нашъ заклятый врагъ, поднималъ стакавъ и просилъ присутствующихъ привѣтствовать мое вступленіе въ ихъ благородное общество. Онъ горячо говорилъ о моемъ талантѣ — все время о талантѣ! — и ни однимъ словомъ не коснулся моей книги. Всѣ сидѣли какъ на иголкахъ, ждали какой-нибудь вспышки, непріятнаго вмѣшательства. Но ничего не произошло. Слова оратора растрогали меня; я радовался, слыша отъ врага благородныя, человѣческія мысли; я устыдился своей несправедливой ненависти и — я раскаялся въ моемъ ударѣ. Раскаялся, Анна! Когда рѣчь была кончена, всѣ чокнулись со мной — никто не уклонился отъ этого! Растроганный я поднялъ свой бокалъ, искренно радуясь, что люди оказались лучше, чѣмъ я о нихъ думалъ, какъ вдругъ я увидѣлъ на другомъ концѣ стола, въ группѣ мрачныхъ лицъ, два пылающихъ глаза, устремленныхъ прямо на меня! Это былъ Иванъ, художникъ. Онъ улыбался презрительно, съ сожалѣніемъ!

Я смутился въ короткихъ словахъ поблагодарилъ за тость и почувствовалъ что-то тяжелое на душѣ!

Когда я пришелъ въ клубъ въ слѣдующій разъ, меня

привѣтствовали еще горячѣе. Я видѣлъ, какъ враги обнимали другъ друга, редакторы враждебныхъ газетъ мирно сидѣли вмѣстѣ и обсуждали горячія темы, артисты, которые раньше освистывали другъ друга, пѣли вмѣстѣ, пили вмѣстѣ и цѣловались уже поздно ночью. Что это такое? Слабость характера? Нѣтъ, это было естественное начало человѣка, выступившее наружу, когда на нѣсколько часовъ были отложены въ сторону поводы и причины вражды. Были ли они неискренни? Нѣтъ, въ эту минуту они были искренни, потому что вѣрили въ то, что думали и держались тѣхъ взглядовъ, которые высказывали. Они радовались, какъ и я, что они хоть минуту могутъ быть людьми, маленькими простыми людьми, потому что здѣсь не было ничего не понимающей публики, которую можно дурачить. Они улыбались какъ авгуры надъ своими снятыми доспѣхами, но улыбка ихъ была добродушна. А завтра они опять сдѣлаются авгурами, опять дикими звѣрями. Послѣ ужина я схватилъ бокаль, чтобы сказать что-нибудь, я не зналъ хорошенько что, но сердце мое было переполнено, когда чья-то сильная рука взяла у меня стаканъ и кто-то прошепталъ мнѣ на ухо: «Берегись Павелъ Петровичъ! Будь остороженъ! Слушай, но не говори! Ты человѣкъ переходнаго времени, но ты долженъ перейти, а не отступить! Ты долженъ закалить свое сердце, ты долженъ итти одинокимъ путемъ и ненавидѣть, потому что кто можетъ любить, какъ ты, тотъ ненавидѣть можетъ сильнѣе, чѣмъ другіе!»

Это былъ Иванъ, котораго мы называли «Грознымъ».

— Почему я долженъ ненавидѣть? — спросилъ я еще полный своего теплаго чувства.

— Ты долженъ ненавидѣть ложь, потому что ты любишь истину.

— А развѣ сегодня эти люди лгутъ? — спросилъ я.

— Не сегодня, Павелъ, сегодня они искренни, любезны, просты, но завтра, когда ты ихъ не будешь видѣть, они будутъ лжецами.

Завтра, — подумалъ я. — А что же сдѣлаетъ ихъ завтра лжецами, Иванъ?

— Оковы, которыя мы разорвемъ, Павелъ, которыя ты разорвешь!

Мы вышли съ Иваномъ изъ клуба. Мы блуждали съ нимъ цѣлую ночь, и послѣ я никогда больше не ходилъ туда, потому что я зналъ свою слабость. Какъ же не жалѣть людей? Развѣ они не достойны любви? Ахъ, но они не хотятъ порвать свои оковы! Анна, если бы я продолжалъ бывать у нихъ, я перешелъ бы на ихъ сторону! Иванъ спасъ меня! Тогда! Но я потерялъ увѣренность въ себѣ. Вчера въ Эвианѣ я встрѣтилъ одного священника, которымъ командовалъ двѣнадцатилѣтній мальчикъ. Мнѣ стало жаль старика. Другіе посѣтители насмѣхались надъ нимъ, а я участливо отнесся къ нему. Вчера утромъ на пароходѣ мы снова встрѣтились съ ними. «Ага! — сказалъ одинъ изъ пассажировъ — іезуитъ сторожить наслѣдство!» Я часто думаю, Анна, что вся наша работа разобьется о человѣческую природу, не умѣющую ненавидѣть! О! мы должны научиться ненавидѣть!»

— Оковы, да, Павелъ, но не людей, — сказала Анна.

— Но мы не можемъ порвать оковы, не поранивъ рукъ, которыя держатъ ихъ, Анна! И тѣмъ хуже для нихъ!

— Папа, папа! — закричала Вѣра изъ дверей, — тебя кто-то спрашиваетъ!

Павелъ всталъ и пошелъ къ двери, какъ всегда беспокоясь, если кто-нибудь приходилъ къ нему. Онъ не ожидалъ ничего хорошаго. Но, увидя блѣдное лицо гостя, онъ побѣждалъ ему навстрѣчу и обнялъ его.

— Иванъ, дружище, мы только что говорили о тебѣ, — сказалъ онъ. — Иди сюда, Анна здѣсь!

Иванъ былъ блѣдный, худой человекъ съ длиннымъ лицомъ, окаймленнымъ черной бородой, такимъ длиннымъ, что подбородокъ его заходилъ за воротникъ. Когда Павелъ поцѣловалъ его, онъ вздрогнулъ, но потомъ съ превеличенной горячностью отвѣтилъ на его привѣтствіе. Неровнымъ шагомъ послѣдовалъ онъ за Павломъ въ садъ, и глядя со стороны его нельзя было принять за друга.

— Ты изъ Женевы? — спросилъ Павелъ.

— Да, — пасмурно отвѣчалъ Иванъ. — Здравствуйте, Анна Ивановна, — продолжалъ онъ. — Вы не узнаете меня; съ тѣхъ поръ какъ мы разстались я пережилъ много горя. Я потерялъ сына, моего сильнаго, здороваго сына.

— Бѣдный, бѣдный Иванъ, — сказала Анна и взглянула по направленію къ дому, какъ бы прислушиваясь.

Иванъ имѣлъ очень унылый видъ.

— Бѣдный другъ, — сказалъ Павелъ, — ты сильно измѣнился.

Иванъ сѣлъ на скамью и глядѣлъ на песокъ.

— Ты опростился, Павелъ, — наконецъ заговорилъ онъ.

— Да, — отвѣчалъ Павелъ, — столько же по волѣ, какъ и по неволѣ. Бороться со слугами мнѣ было очень тяжело, особенно съ тѣхъ поръ, какъ я нахожу, что они правы;

но я былъ такъ же правъ, избѣгнувъ этихъ столкновений и теперь я обрѣлъ миръ. Это была непрестанная борьба. Провѣрять ихъ счета, уличать ихъ обманы отнимало времени больше, чѣмъ выполненіе ихъ обязанностей. Теперь я самъ мету полъ и взаимнъ этого я самъ господинъ въ своей комнатѣ. Прежде служанка каждую минуту могла меня попросить оттуда для уборки, а если я выходилъ не по первому ея требованію, она портила обѣдъ и говорила барынѣ, что виноватъ въ этомъ баринъ. Тогда барыня шла къ барину и дружески замѣчала ему, что онъ долженъ пускать Амалію во-время убирать комнату. Тогда баринъ принималъ это за приказаніе Амаліи и оскорблялся — и такъ далѣе!

— Такъ ты вѣришь еще въ силу примѣра низшаго класса? — спросилъ Иванъ.

— Нѣтъ, примѣры должны идти сверху, но реформы могутъ идти и снизу!

Наступило молчаніе. Павелъ замѣтилъ, что его слова не вызываютъ сочувствія въ его старомъ другѣ. Неужели горе такъ всецѣло овладѣло имъ?

— У меня есть много новостей, Иванъ, — продолжалъ онъ.

Иванъ вздрогнулъ. Анна, наблюдавшая за нимъ, сдѣлала Павлу знакъ, но онъ не понялъ его и думалъ, что она совѣтуетъ уйти изъ сада, гдѣ работалъ Бернгардъ. Поэтому онъ пригласилъ Ивана пройти съ нимъ въ комнату, гдѣ у него лежало письмо. Онъ предложилъ Ивану сѣсть за письменный столъ, а самъ помѣстился противъ него, отперъ ящикъ и подалъ ему недавно полученное письмо. Иванъ, казалось, пожиралъ письмо глазами и нѣ-

которыя строчки перечелъ нѣсколько разъ. Въ то время какъ онъ читалъ, кто-то постучалъ въ дверь. Вошелъ Бернгардъ и передалъ Павлу письмо. Прочтя письмо, Павелъ поблѣднѣлъ какъ полотно и началъ слѣдить за Ивановъ, который все такъ же жадно изучалъ письмо. На лицѣ его онъ нашелъ новыя линіи, новое выраженіе глазъ и складку у рта, какой онъ не зналъ до сихъ поръ. Это былъ не прежній Иванъ, не тотъ, что отнялъ у него стаканъ, когда онъ хотѣлъ сказать рѣчь «врагамъ». Тихо выдвинулъ онъ ящикъ, вынулъ телеграфный бланкъ и началъ писать на немъ. Потомъ онъ всталъ, подалъ Ивану полученное письмо, коротко и твердо произнеся: «прочти», подошелъ къ окну и бросилъ изъ него телеграмму.

Иванъ поднималъ голову, однимъ взглядомъ пробѣжалъ письмо, содержащее всего нѣсколько строкъ: «Берегись Ивана, онъ служитъ теперь въ жандармахъ его величества».

— Это правда,—сказалъ онъ, кладя письмо рядомъ съ собой на столъ.— Я раскаялся, Павелъ Петровичъ! Какъ пришло раскаяніе, я не знаю, но когда умеръ мой сынъ, то мнѣ казалось, что тѣло мое положено въ ступку и измельчено въ куски. А когда оно приняло свой прежній видъ, то моя старая душа заняла мѣсто новой. Но я никогда не жалѣлъ объ этомъ. Старая душа была для меня какъ старый, вновь обрѣтенный другъ. Вотъ какъ это было!

— Это не все, Иванъ!—сказалъ Павелъ.— Когда умеръ твой ребенокъ, ты терпѣлъ большую нужду. Ты былъ въ то время репортеромъ на маневрахъ въ Харьковѣ. Тутъ ты и встрѣтился съ высшими властями. Они подавали

вамъ руку и говорили любезныя слова. Ты былъ ослѣпленъ! Вотъ въ чемъ все дѣло!

— Не осуждай меня, Павелъ! — сказалъ Иванъ со слезами на глазахъ.

— Ты уже осужденъ, — отвѣчалъ Павелъ.

Они смотрѣли другъ на друга, какъ два тигра, готовые броситься одинъ на другого.

— Хочешь разстаться безъ вражды, Иванъ? — продолжалъ Павелъ. — Оставишь ты въ покоѣ писавшаго это письмо, пока онъ не спасется? Подумай объ его дѣтяхъ, Иванъ!

— Я сдѣлаю это, Павелъ!

— Такъ ты сомнѣваешься въ своемъ новомъ призваніи?

— А кто не сомнѣвается?

— Не въ главномъ, Иванъ; мы можемъ сомнѣваться только въ мелочахъ. Почему ты не выступаешь съ громовыми рѣчами противъ нашихъ поступковъ, почему ты не проявляешь себя открыто въ своей новой роли?

— Я усталъ! О, я такъ усталъ! Я очень несчастенъ!

— Я тебѣ вѣрю, Иванъ; ты очень несчастенъ, потому что ты потерялъ вѣру въ будущее.

— Да, оно безнадежно!

— Оно кажется тебѣ такимъ, потому что ты потерялъ вѣру. Они потратили двѣ тысячи лѣтъ, чтобы выстроить это зданіе; мы не можемъ въ теченіе двадцати пяти лѣтъ снести его до основанія и построить новое. Моисей блуждалъ съ дѣтьми Израиля по пустынѣ, пока не вымерли старцы, а за это время онъ создалъ новое поколѣніе, которому суждено было увидать Ханаанъ. Пусть наши кости развѣетъ песокъ пустыни, это нашъ удѣлъ, но все-таки

будемъ работать для будущаго: это все, что мы можемъ сдѣлать. Но скажи мнѣ, Иванъ, какой софизмъ увлекъ тебя, вѣдь не могъ же ты поступить такъ безпричинно?

— Называй это софизмомъ, — сказалъ Иванъ, — а для меня это была важная причина. Да, вы обращаетесь съ этими людьми какъ съ преступниками и считаете ихъ обманщиками. А я знаю, что намѣренія ихъ добрыя и въ худшемъ случаѣ они обмануты сами.

Павелъ задумался на минуту, потомъ сказалъ: «Иванъ, теперь ты не отдѣляешь лицъ отъ дѣла. Мы не обращаемся съ ними, какъ съ преступниками, это неправда, мы приносимъ ихъ въ жертву нашему дѣлу; мы не отдѣляемъ личности отъ дѣла; мы не можемъ обсуждать и разсматривать ихъ побужденія, обманщики они или обмануты, у насъ на это нѣтъ ни времени, ни охоты; ихъ поступки служатъ имъ приговоромъ, и если на пути дѣла стоитъ чья-нибудь личность — прочь ее съ дороги! Я никогда не слыхалъ, чтобы они приговаривали къ смертной казни убійство, но всегда убійцу, они создаютъ тюрьмы не противъ воровства, но противъ воровъ. Если я закидываю чепуху петлю на шею и говорю ему: «стой спокойно, или я задушю тебя!» то если онъ не стоитъ спокойно, развѣ это я задушилъ его? Развѣ онъ самъ не вызвалъ этого несчастья? Оставь софизмы, Иванъ! Не возвращайся въ Женеву, я послалъ туда увѣдомленіе о тебѣ. И клянись — нѣтъ, обѣщай въ память твоего сына и — почему бы нѣтъ — нашей прежней дружбы, что ты ничего не предпримешь противъ Дмитрія!

— Какъ я могу это обѣщать? — сказалъ Иванъ. — Моя служба...

— Я освобождаю тебя отъ твоей службы до завтра, пока Дмитрій успѣетъ получить мою телеграмму и уѣхать съ вечернимъ поѣздомъ. На сегодняшнюю ночь ты мой гость.

Павелъ всталъ. Иванъ тоже хотѣлъ подняться, но Павелъ произнесъ: «Ты останешься здѣсь! Дверь отперта, окно открыто, но я говорю тебѣ, какъ человѣку съ петлей на шеѣ: стой смирно, или я задушю тебя! Ты понялъ! Завтра въ пять часовъ утра ты можешь уйти. Прощай, Иванъ! Лучше, если пути наши никогда не встрѣтятся больше и мы сможемъ забыть другъ друга.

— Не презирай меня, Павелъ! Подумай, вѣдь у меня была жена и дѣти! Мнѣ надо было жить!

— Что нужно жить, я этому не вѣрю; вѣрно одно: мы должны умереть! А если мы хотимъ жить, то, мнѣ кажется, для этого не надо продавать своей души, надо опроститься, или, какъ говорятъ вѣрные: пожертвовать своимъ благомъ. Я тебя не презираю, потому что я знаю общественные законы, искажившіе законы природы, и я знаю также естественный законъ развитія и регресса Прощай!

Павелъ вышелъ. Сойдя внизъ въ садъ, онъ встрѣтилъ Анну. Онъ взялъ ее за руку, какъ бы ища въ ней защиты, и началъ ходить съ ней взадъ и впередъ.

— Отправила телеграмму? — спросилъ онъ.

— Да, — отвѣчала Анна. — Теперь будетъ еще и еще труднѣе. Ты еще надѣешься?

— Я долженъ!

Они ходили взадъ и впередъ по дорожкамъ сада. Заходящее солнце отбрасывало красноватый отблескъ на вер-

пины Альпъ. Облака сгустились надъ вершинами, и выпавшій снѣгъ покрылъ зеленые луга и буковые лѣса. А ниже, въ каштановыхъ рощахъ, шелъ дождь.

— Посмотри, Анна Ивановна, на горахъ только что была весна, а теперь пришла зима, и весны уже нѣтъ! О, выпадетъ много снѣга, очень много.

— Но завтра, Павелъ, — отвѣчала Анна, — завтра снѣгъ растаетъ, и весна пойдетъ дальше; вершины снова зазеленѣютъ, и подъ лучами солнца распустятся новые цвѣты. Она идетъ впередъ, впередъ!

Спустились сумерки. Савойскія Альпы стояли черныя, какъ стѣна, какъ восьмисотъэтажный домъ. И вдругъ, какъ бы на шестисотой лѣстницѣ чудовищаго дома загорѣлся огонекъ и сіялъ сквозь дождь и мракъ.

— Видишь этотъ свѣтъ наверху въ Альпахъ? — сказалъ Павелъ. — Чѣмъ сильнѣе сгущается мракъ, тѣмъ ярче онъ свѣтитъ; какое чудесное и прекрасное свойство свѣта!

— Это горные путники, пережидающіе ночь, чтобы утромъ привѣтствовать солнце, — сказала Анна.

— Если ихъ не снесетъ лавина!

— Но если пронесется лавина, Павелъ, значитъ, наступила весна! И тогда мы всѣ поднимемся на вершину и будемъ рвать драгоцѣнные эдельвейсы при солнечномъ свѣтѣ, при лунѣ, въ бурю и непогоду! Пусть пронесется лавина!

— Она должна пронестись, Анна, иначе никогда не наступитъ весна!

Угрызенія совѣсти.

Перев. В. Ф. Коршъ.

Дѣло было недѣли двѣ спустя послѣ Седана, въ половинѣ сентября 1870 г. Чертежникъ прусскаго геологическаго бюро, въ данное время лейтенантъ запаса фонъ-Блейхроденъ, сидѣлъ безъ мундира за письменнымъ столомъ въ Café du Cercle, лучшей гостиницѣ мѣстечка Марлотъ. Мундиръ висѣлъ на спинкѣ стула, беспомощно повиснувъ пустыми рукавами, которые словно цѣплялись за ножки стула, чтобы не упасть. На талии видны были слѣды ремня отъ сабли, а лѣвая пола была сильно потерта ножнами. Спина была вся въ пыли; лейтенантъ-геологъ могъ бы по вечерамъ изучать по краю своихъ брюкъ третичныя отложенія земли, а когда денщикъ входилъ съ грязными сапогами въ комнату, онъ сейчасъ же видѣлъ по слѣдамъ, оставленнымъ на полу, прошелъ ли онъ по эоценовымъ или пліоценовымъ образованіямъ.

Дѣйствительно, онъ былъ гораздо больше геологомъ, чѣмъ военнымъ, но въ настоящую минуту онъ былъ всецѣло погруженъ въ письмо. Онъ поднималъ очки на лобъ и, держа перо въ рукѣ, смотрѣлъ передъ собой въ садъ. Садъ стоялъ въ полномъ расцвѣтѣ осени; вѣтви яблонь

и грушъ сгибались до земли подъ тяжестью прекрасныхъ плодовъ; оранжевыя тыквы зрѣли рядомъ со стройными сѣровато-зелеными артишоками; ярко-красныя томаты вились по своимъ подпоркамъ рядомъ съ ослѣпительно бѣлыми кочнами цвѣтной капусты; подсолнечники величиной съ тарелку стояли, повернувъ свои головы къ западу, гдѣ солнце уже склонялось; цѣлыя рощицы георгинъ, какъ только что выбѣленное полотно, пурпуровыхъ, какъ свѣжая кровь, грязно-красныхъ, какъ мясо, сѣро-желтыхъ, пестрыхъ, одноцвѣтныхъ, пятнистыхъ, казалось, пѣли, какъ единый, великій концертъ красокъ. Посыпанныя пескомъ дорожки охранялись двумя рядами громадныхъ левкоевъ; блѣдно-лиловые, ослѣпительно-бѣлые, желтые — они открывали далекую перспективу до виноградниковъ, цѣлаго лѣса сѣрыхъ стволовъ, обвитыхъ зеленью, среди которой краснѣли тучныя гроздья. А дальше желтоватая равнина нежатыхъ нивъ, спѣлыя колосья которыхъ, отягченные зернами, склонялись до земли, при малѣйшемъ вѣтрѣ возвращая землѣ дарованныя ею зерна. А совсѣмъ на заднемъ планѣ дубы и буки лѣса Фонтенебло выдѣлялись своими контурами какъ зубцы причудливыхъ брабантскихъ кружевъ, а вершины ихъ золотились подъ заходящими лучами солнца. Послѣднія пчелы еще жужжали вокругъ цвѣтовъ; красношейка чирикала на яблонѣ; отъ левкоевъ поднимался сильный приторный запахъ, какъ изъ парфюмернаго магазина, когда проходишь мимо него. Лейтенантъ сидѣлъ неподвижно, держа перо въ рукѣ и, видимо, любясь всей этой картиной. Какая чудная страна, думалъ онъ, и мысли его обращались къ песчанымъ равнинамъ его родины съ рѣдкими жалкими соснами, которыя протяги-

вали къ небу свои узловатыя вѣтви, какъ бы прося сжа-
литься надъ ними и не дать имъ погибнуть въ песокѣ. По
прекрасной картинѣ, окаймленной, словно рамой, очерта-
ніями окна, съ правильностью маятника мелькало ружье
часового; его блестящій штыкъ перерѣзывалъ картину по-
поламъ и поворачивалъ какъ разъ подъ грушевымъ дере-
вомъ, отягченнымъ прекрасными зеленоватыми и желтова-
тыми грушами «Наполеонъ». Одну минуту лейтенантъ было
подумалъ попросить его шагать въ другомъ направленіи,
но не осмѣлился. Чтобы избавиться отъ мельканія штыка,
онъ сталъ смотрѣть направо, на дворъ. Тамъ стояли кухон-
ныя строенія съ желтой стѣной безъ оконъ, по которой
распростерся старый узловатый виноградный стволъ, по-
добно скелету млекопитающаго, выставленному въ музей;
на немъ не было ни зелени, ни гроздьевъ, онъ давно уже
высохъ и стоялъ теперь какъ распятыя, простирая свои
длинныя руки и пальцы, словно готовый схватить и зажать
въ свои объятія часового, каждый разъ когда онъ при-
ближался къ нему.

Лейтенантъ отвелъ взглядъ отъ окна и бросилъ его на
письменный столъ. Тамъ лежало неоконченное письмо къ
его молодой женѣ, на которой онъ женился четыре мѣ-
сяца назадъ, за два мѣсяца до войны. Рядомъ съ подзор-
ной трубой и картой французскаго генеральнаго штаба
лежала «Философія безсознательнаго» Гартмана и «Parerga
und Paralipomena» Шопенгауера. Онъ вдругъ всталъ и нѣ-
сколько разъ прошелся по комнатѣ. Это была столовая и
зала собранія разбѣжавшейся теперь колоніи художни-
ковъ. Стѣны были украшены картинами масляными краска-
ми, воспоминаніе о солнечныхъ часахъ прекрасной, сво-

бодной отъ вторженія чужестранцевъ страны, которая такъ великодушно распахиваетъ передъ иностранцами двери своихъ художественныхъ школъ и выставокъ. Здѣсь были танцующія испанки, римскіе монахи, берега Нормандіи и Бретани, голландскія вѣтряныя мельницы, сѣверныя рыбацкія деревушки и швейцарскія Альпы. Въ одномъ углу валялся орѣховый мольбертъ, словно желая спрятаться въ тѣни отъ грозныхъ штыковъ. На немъ висѣла палитра съ не совсѣмъ еще просохшими красками. На вѣшалкѣ еще осталось нѣсколько ярко-красныхъ беретовъ художниковъ, носящихъ на себѣ слѣды пота и нѣсколько выцвѣтшихъ отъ солнца и дождя. Лейтенантъ чувствовалъ себя неловко, какъ человѣкъ, забравшійся въ чужую квартиру и ожидающій, что хозяинъ вернется и застанетъ его. Онъ пересталъ ходить по комнатѣ и сѣлъ къ столу кончать письмо. Первые строки уже были написаны; онѣ были полны нѣжныхъ словъ любви, тоски и заботъ, потому что недавно онъ получилъ извѣстіе, что его надежда быть отцомъ подтвердилась. Онъ началъ писать, скорѣе какъ бы разговаривая съ кѣмъ-нибудь, чѣмъ сообщая новости или умозаключенія:

«Такъ, напримѣръ, пройдя съ сотней человѣкъ четырнадцать часовъ безъ ѣды и питья, мы напали въ лѣсу на отставшую телѣгу съ провіантомъ. Знаешь, что тогда случилось? Наголодавшись до того, что глаза у нихъ лѣзли на лобъ, они бросились, какъ голодные волки, на ѣду, а такъ какъ провіанту было недостаточно, то между ними началась драка. Моей команды никто не слушалъ, а когда сержантъ, обнаживъ саблю, подступилъ къ нимъ, то они свалили его съ ногъ ударами прикладовъ! Шестнадцать

человѣкъ остались на мѣстѣ ранеными и полуживыми. Успѣвшіе захватить пищу наѣлись до того, что тутъ же заболѣли, принуждены были лечь на землю и вскорѣ заснули. Это братъ возсталъ на брата, это были дикіе звѣри, бившіеся изъ-за добычи!

«Или когда мы получили приказъ немедленно возвести укрѣпленіе... Мы находились въ безлѣсной мѣстности; для выполненія нашей работы у насъ были только виноградные стволы и лозы. Какъ возмутительно было видѣть, какъ виноградникъ былъ опустошенъ въ одинъ часъ, какъ были вырваны стволы съ зеленью и гроздьями связаны въ охапки, смоченныя сокомъ полуспѣлыхъ раздавленныхъ гроздьевъ. Въ одинъ часъ мы разрушили работу сорока лѣтъ! И для того, чтобы подъ этимъ прикрытіемъ стрѣлять въ тѣхъ, кто сажалъ эти лозы!

«Или когда мы засѣли въ несжатомъ пшеничномъ полѣ, гдѣ зерна какъ снѣжинки сыпались вокругъ нашихъ ногъ и колосья гнулись, готовые совсѣмъ полечь, при первомъ дождѣ. Неужели ты думаешь, моя милая, любимая, дорогая, что послѣ такихъ поступковъ можно спокойно спать ночью. А вѣдь я исполнялъ только свой долгъ. И еще смѣютъ говорить, что сознаніе исполненнаго долга—лучшая подушка!

«Но бываютъ и еще худшіе случаи! Ты, можетъ быть, слышала, что французское населеніе для подкрѣпленія своей арміи поднялось цѣлыми массами и образовало вольные отряды, которые подъ именемъ вольныхъ стрѣлковъ охраняютъ свои дома и поля! Прусское правительство не пожелало признать за ними права солдатъ и приказало ихъ разстрѣливать, какъ шпионовъ и измѣнниковъ! Оно

основывалось на томъ, что войну ведутъ государства, а не отдѣльные индивидуумы. А развѣ солдаты не индивидуумы? Развѣ эти вольные стрѣлки не солдаты? Они носятъ сѣрый мундиръ, какъ егерскій полкъ, а вѣдь мундиръ дѣлаетъ человѣка солдатомъ! Но они не зарегистрированы, возражаютъ на это! Да, они не зарегистрированы, потому что правительство не имѣло времени переписать ихъ, что весьма возможно, благодаря трудности сообщеній по открытой мѣстности! Сейчасъ у меня въ биллиардномъ залѣ сидятъ три такихъ плѣнника, и я каждую минуту жду приказа изъ главной квартиры объ ихъ участи».

Онъ пересталъ писать и позвонилъ денщика. Денщикъ, бывшій въ сосѣдней комнатѣ, немедленно представилъ передъ лейтенантомъ.

— Ну, что наши плѣнники? — спросилъ фонъ-Блейхроденъ.

— Ничего, г. лейтенантъ, они очень веселы и играютъ на биллиардѣ!

— Принеси имъ нѣсколько бутылокъ бѣлаго вина, только не крѣпкаго!.. Все спокойно?

— Точно такъ, все спокойно, г. лейтенантъ!

Фонъ-Блейхроденъ продолжалъ писать:

«Совершенно особенный народъ эти французы! Три вольныхъ стрѣлка, о которыхъ я только что говорилъ и которыхъ, быть можетъ (я говорю «быть можетъ» потому, что все еще надѣюсь на благопріятный исходъ), черезъ нѣсколько дней приговорятъ къ смерти, играютъ теперь на биллиардѣ съ сосѣдней комнатѣ, и я слышу, какъ кѣи стучать о шары! Какое веселое презрѣніе къ жизни! Какъ прекрасно съ такимъ чувствомъ уходить изъ міра! Или,

можетъ быть, это доказываетъ, что жизнь имѣетъ очень мало цѣны, если можно такъ легко разстаться съ ней. Мнѣ кажется, это такъ, когда не связанъ такими нѣжными узами, какъ я, которыя привязываютъ къ жизни. Ты, конечно, понимаешь меня и не подумаешь, что я считаю себя связаннымъ... Ахъ, я самъ не понимаю, что пишу, я не спалъ уже нѣсколько ночей, и голова моя такъ»...

Въ дверь постучали. На окрикъ лейтенанта «войдите» дверь отворилась, и вошелъ деревенскій священникъ. Это былъ человекъ лѣтъ пятидесяти, съ ласковымъ и печальнымъ, но въ то же время рѣшительнымъ видомъ.

— Г. лейтенантъ, — началъ онъ, — я пришелъ испросить у васъ разрѣшенія поговорить съ плѣнными.

Лейтенантъ всталъ и взялъ мундиръ, предложивъ пока священнику сѣсть на диванъ. Но когда онъ застегнулъ узкій мундиръ и твердый воротникъ стянулъ ему шею, ему показалось, что всѣ его благороднѣйшія чувства тѣсно зашнурованы, а кровь, текущая къ тайникамъ его сердца, остановилась на своемъ пути. Опершись рукой о столъ, онъ сказалъ:

— Я къ вашимъ услугамъ, г. пасторъ, но я не думаю, что плѣнные удостоятъ васъ своимъ вниманіемъ: они сильно заняты игрой на билліардѣ!

— Мнѣ думается, г. лейтенантъ, — отвѣчалъ пасторъ, — что я знаю свой народъ лучше, чѣмъ вы! Одинъ вопросъ: вы намѣреваетесь разстрѣлять вашихъ плѣнныхъ?

— Разумѣется, — отвѣчалъ фонъ-Блейхроденъ, уже вполне войдя въ свою роль. — Войну ведутъ государства, а не отдѣльные индивидуумы!

— Такъ, съ вашего позволенія, г. лейтенантъ, вы и ваши солдаты не индивидумы!

— Съ вашего позволенія, г. пасторъ, въ данную минуту— нѣтъ!

Онъ положилъ письмо къ женѣ подъ промокательную бумагу и пролжалъ:

— Въ данную минуту я только представитель союзныхъ германскихъ государствъ.

— Дѣйствительно, г. лейтенантъ, ваша милостивая императрица, да сохранить ее Господь, тоже была представительницей союзныхъ германскихъ государствъ, когда она обратилась съ воззваніемъ къ нѣмецкой женщинѣ оказать помощь раненымъ, и я знаю тысячи французовъ, которые благословляютъ ее, въ то время какъ нація проклинаетъ вашу націю! Г. лейтенантъ, именемъ Спасителя (тутъ священникъ всталъ и, схвативъ руку врага, продолжалъ дрожащимъ отъ слезъ голосомъ) умоляю васъ, обратитесь къ ней...

Лейтенантъ готовъ былъ сдаться, но снова овладѣлъ собой и отвѣчалъ:

— У насъ женщины еще не получили права вмѣшиваться въ политику.

— Очень жаль,—отвѣчалъ священникъ и выпрямился.

Лейтенантъ прислушался къ какому-то движенію за окномъ и очевидно не слышалъ его отвѣта. На лицѣ его выразилось безпокойство, и, несмотря на стягивающій его воротникъ, вся кровь отлила отъ его лица.

— Прошу васъ, сядьте, г. пасторъ,—сказалъ онъ, не глядя на него.—Доступъ къ плѣннымъ для васъ свободенъ, но подождите одну минуту! (Онъ высунулся въ окно, и теперь ясно былъ слышенъ лошадиный топотъ по сухой землѣ).

— Нѣтъ, не входите ещё къ нимъ, г. пасторъ,—произнесъ онъ, задыхаясь. Священникъ остановился; лейтенантъ высунулся насколько могъ въ окно. Лошадиный топотъ все приближался, перешелъ, все замедляясь, въ шагъ и, наконецъ, стихъ. Послышался звонъ сабель и шпоръ, шаги, и фонъ-Блейхроденъ получилъ, наконецъ, письмо. Онъ быстро разорвалъ конвертъ и прочелъ.

— Который часъ?—спросилъ онъ самъ себя.—Шесть! Итакъ, г. пасторъ, черезъ два часа плѣнные будутъ разстрѣляны безъ суда и слѣдствія!

— Это невозможно, г. лейтенантъ, нельзя же такъ легко отправлять людей въ вѣчность!

— Вѣчность или нѣтъ, но въ приказѣ сказано, что все должно быть кончено къ вечеру, если я не хочу, что-бы меня сочли за единомышленника вольныхъ стрѣлковъ. А затѣмъ слѣдуетъ строгій выговоръ, что я не выполнилъ еще приказа отъ 31 августа. Г. пасторъ, подите къ нимъ, поговорите съ ними и избавьте меня отъ тяжелой обязанности...

— Вамъ представляется неприятнымъ выполнить законный приговоръ!

— Но вѣдь я тоже человѣкъ, г. пасторъ! Или вы этому не вѣрите?

Онъ, задыхаясь, растегнулъ мундиръ и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Почему мы не можемъ всегда быть людьми? Почему мы всегда должны быть двойственны.—О, о, г. пасторъ, идите и поговорите съ ними! Они семейные люди? Есть у нихъ жены и дѣти? Можетъ быть, родители?

— Они всѣ еще холосты,—отвѣчалъ священникъ.—Но

вѣдь вы можете, по крайней мѣрѣ, подарить имъ эту ночь!

— Это невозможно! Въ приказѣ сказано «до вечера», а на разсвѣтѣ мы уже двинемся дальше. Идите къ нимъ, г. пасторъ! Идите къ нимъ!»

— Да, я пойду! Но когда будете выходить, г. лейтенантъ, не забудьте надѣть мундиръ, иначе вамъ можетъ выпасть таже участь: вѣдь только мундиръ дѣлаетъ солдатомъ!

И священникъ вышелъ.

Въ сильномъ волненіи дописалъ фонъ Блейхродень послѣднія строки письма. Потомъ онъ запечаталъ его и позвонилъ денщика.

— Отправьте это письмо,—сказалъ онъ вошедшему,—и пришлите сюда сержанта.

Вошелъ сержантъ.

— Трижды трибудеть двадцать семь... нѣтъ, трижды семьбудеть... Сержантъ, возьмите трижды... Возьмите двадцать семь человекъ и черезъ часъ разстрѣлять плѣнныхъ. Вотъ приказъ!

— Разстрѣлять ихъ? — нерѣшительно переспросилъ сержантъ.

— Да, разстрѣлять! Выберите народъ поотчаяннѣе, кто уже побывалъ въ огнѣ. Вы понимаете, на примѣръ, № 86, № 19, дѣйствуйте тихо и осторожно! А мнѣ отберите сейчасъ отрядъ изъ шестнадцати человекъ. Отборныхъ молодцовъ! Мы отправимся на рекогносцировку въ Фонтенебло, а къ моему возвращенію все должно быть кончено. Понимаете?

— Шестнадцать человекъ для г. лейтенанта, двадцать семь для плѣнныхъ, да сохранить Господь г. лейтенанта!

И съ этими словами онъ вышелъ.

Лейтенантъ заботливо застегнулъ мундиръ, опоясалъ портупею и взялъ въ карманъ револьверъ. Потомъ онъ закурилъ сигару, но сейчасъ же оставилъ ее — ему не хватало воздуха. Онъ смахнулъ пылъ съ письменнаго стола. Взялъ носовой платокъ и вытеръ ножницы, сургучъ и коробку спичекъ. Линейку и ручку онъ положилъ рядомъ подъ прямымъ угломъ съ промокательной бумагой. Потомъ онъ началъ приводить въ порядокъ комнату. Сдѣлавъ это, онъ вынулъ гребенку и щетку и поправилъ передъ зеркаломъ волосы. Онъ поднялъ палитру и пощупалъ свѣжи ли краски, ощупалъ всѣ красные береты и попробовалъ установить мольбертъ. Не было ни одного предмета въ комнатѣ, до котораго бы онъ не дотронулся. Когда раздались шаги и позвякиванье оружіемъ его маленькаго отряда, онъ былъ уже готовъ и сейчасъ же вышелъ къ нимъ. Скомандовалъ: «налѣво кругомъ маршъ!» и выступилъ изъ деревни. Онъ словно бѣжалъ отъ нашествія врага, и отрядъ съ трудомъ послѣдовалъ за нимъ. Выйдя въ поле, онъ велѣлъ солдатамъ вытянуться въ одну линію, одинъ за другимъ, чтобы не топтать хлѣба. Онъ шелъ, не обращиваясь, а идущій за нимъ солдатъ замѣчалъ, какъ по временамъ его плечи вздрагивали и съеживались, какъ бы отъ страха или ожиданія удара сзади. На опушкѣ лѣса онъ скомандовалъ остановиться. Онъ велѣлъ своимъ людямъ передохнуть и не вдигаться съ мѣста, пока онъ одинъ пойдетъ въ лѣсъ.

Очувившись одинъ и убѣдившись, что его никто не видитъ, онъ остановился, глубоко вздохнулъ и свернулъ въ чащу на узкую тропинку, ведущую къ «Волчьему

Ущелью». Кустарники и низы стволовъ уже тонули въ тѣни, но вершины буковъ и елей еще горѣли на солнцѣ. Ему казалось, что онъ лежитъ на темномъ днѣ озера и смотритъ сквозь зеленую воду наверхъ, на дневной свѣтъ, который ему больше не суждено увидѣть. Большой, чудный лѣсъ, раньше такъ успокоительно дѣйствовавшій на его больной мозгъ, былъ сегодня вечеромъ такой негармоничный, холодный, непріютный! Жизнь раскрывалась передъ нимъ безсердечной, противорѣчивой, полной двойственности, а сама природа была какой-то жалкой въ его безсознательномъ навязчивомъ представленіи. Здѣсь тоже велась отвратительная борьба за существованіе, хотя и безкровная, но такая же жестокая, какъ и въ мірѣ. Онъ видѣлъ, какъ маленькіе дубки топорщились, заглушая нѣжные побѣги кустовъ, которые такъ и останутся навсегда побѣгами; изъ тысячи буковъ едва одинъ сумѣетъ уцѣлѣть и вырасти въ гиганта, въ свою очередь отнимая жизнь у другихъ. А беспощадный дубъ, простирая свои узловатые вѣтви, снова желая забрать себѣ все солнце, вступаетъ еще въ подземную борьбу. Его длинные корни расползаются подъ землей во всѣхъ направленіяхъ, отнимаютъ у сосѣдей малѣйшую частицу пищи, и, если дубу не удастся заглушить противника, лишивъ его солнца, онъ замариваетъ его голодомъ подъ землей. Дубъ уже истребилъ сосновый лѣсъ, но мстителемъ явился букъ, медленнымъ, но вѣрнымъ, потому что его крѣпкіе соки убиваютъ все окружающее. Букъ нашелъ способъ отравленія, и ядъ его непреодолимъ; ни одна травка не можетъ расти въ его тѣни, но почва вокругъ него была черная какъ могила, и будущее было за нимъ.

Фонь-Блеѣхродень шелъ все дальше и дальше. Онъ саблей прокладывалъ себѣ дорогу въ чащѣ, не думая о томъ, сколько онъ губить юныхъ дубовъ и сколько калѣкъ обрекаетъ онъ къ жизни. Онъ вообще едва ли думалъ о чемъ-нибудь, потому что всѣ его душевныя ощущенія были словно истолчены въ ступѣ. Онъ тщетно пытался собрать свои мысли, онѣ сейчасъ же снова разсѣивались и текли дальше; воспоминанія, надежды, злоба, нѣжность и единая, великая ненависть противъ всего ложнаго, что по неизбѣжной силѣ вещей, управляетъ міромъ, смѣшались въ его мозгу, какъ будто температура его внутренняго огня быстро поднялась и обратила въ жидкую форму всѣ твердыя составныя части его мозга. Онъ часто вздрагивалъ и вдругъ разомъ замеръ, — со стороны Марлотъ донесся звукъ барабана, пронесшійся надъ полемъ и повторенный эхомъ «Волчьяго Ущелья». Сначала продолжительная дробь: тррррррромъ! И потомъ ударъ за ударомъ, тяжелые, глухіе, словно заколачиваютъ гробъ и боятся нарушить тишину дома. Тррромъ! Тррромъ! Тромъ—тромъ! Онъ вынулъ часы. Безъ четверти семь! Все произойдетъ черезъ четверть часа! Онъ хотѣлъ вернуться, чтобы видѣть это! Нѣтъ, вѣдь онъ же самъ убѣждалъ! Онъ ни за что на свѣтѣ не хочетъ этого видѣть! Потомъ онъ взобрался на дерево. Отсюда ему была видна деревня, такая свѣтлая и веселая среди садовъ, и церковная башня, возвышающаяся надъ крышами. Больше онъ ничего не видѣлъ. Онъ держалъ въ рукахъ часы и слѣдилъ за секундной стрѣлкой! Она бѣгала по маленькому циферблату такъ быстро, такъ быстро! Длинная минутная стрѣлка передвигалась каждый разъ, какъ секундная

обѣгала кругъ, а часовая стрѣлка, казалось, стояла неподвижно, хотя незамѣтно двигалась и она.

До семи оставалось только пять минутъ. Онъ крѣпко хватился за гладкую черную буковую вѣтвь. Часы дрожали въ его рукѣ, кровь стучала въ ушахъ, и голова горѣла какъ въ огнѣ.—Кракъ!—раздался звукъ, словно ломали доску и надъ черепитчатой крышей и бѣлой яблоней поднялся голубой дымокъ, поплылъ надъ деревней голубовато-бѣлый, какъ весеннее облачко, и вдругъ надъ облакомъ появилось одно колечко, другое, много, словно стрѣляли не въ стѣну, а въ воздухъ по голубямъ.

Не всѣ были такъ дурны, какъ я думалъ, мелькнуло у него въ головѣ, когда онъ слѣзалъ съ дерева, нѣсколько успокоившись послѣ случившагося. Теперь зазвонилъ маленькій деревенскій колоколь, возглашая душевный миръ и покой для мертвыхъ, исполнившихъ свой долгъ, но не для живыхъ, исполнившихъ свой! Солнце зашло, блѣдно-желтый мѣсяцъ началъ краснѣть и свѣтитъ ярче, когда лейтенантъ подвигался со своимъ отрядомъ къ Монкуру, все еще преслѣдуемый звуками колокола. Отрядъ вышелъ на большое Немурское шоссе, и казалось, что эта дорога, обсаженная двумя рядами тополей, была создана исключительно для маршировки. И они шли, пока не наступила ночь. Въ послѣднихъ рядахъ начали уже перешоптываться и совѣщаться, не обратиться ли къ капрану съ просьбой доложить лейтенанту, что мѣстность не безопасна и уже пора вернуться на постой, чтобы успѣть выступить съ разсвѣтомъ, когда самъ лейтенантъ вдругъ скомандовалъ «стой!» Они находились какъ разъ на возвышенности, откуда было видно Марлотъ. Лейтенантъ стоялъ неподвижно,

весь насторожившись, какъ гончая при видѣ цѣлаго вы-
водка тетеревовъ. Снова забилъ барабанъ! Часы на Мон-
курѣ пробили девять и потомъ забили въ Грѣцѣ, Бурронѣ,
Немурѣ, и тогда на всѣхъ маленькиихъ колокольняхъ начали
звонить къ вечернѣ, однѣ звонче другихъ; но надъ всѣми
выдѣлялся марлотскій колоколъ. Онъ словно кричалъ:
«спаси-спаси! спаси-спаси!» А фонъ Блейхроденъ не могъ
спасти. А теперь словно изъ-подъ земли раздался ударъ
и почва заколебалась: это былъ ночной залпъ въ главной
квартирѣ, въ Шалонѣ. И сквозь легкія вечернія облака,
которыя подобно большимъ кускамъ ваты парили надъ
маленькой рѣчкой Луаной, выглянулъ мѣсяцъ и освѣтилъ
рѣку, которая подобно потоку лавы выливалась вдали изъ
темной громады-лѣса Фонтенебло, подобнаго вулкану. Ве-
черъ былъ теплый, но солдаты были блѣдны, и летучія
мыши подлетали совсѣмъ близко, задѣвая ихъ за уши,
какъ всегда при видѣ чего-нибудь бѣлаго. Всѣ знали, о
чемъ думалъ лейтенантъ, но они никогда еще не видали
его такимъ страннымъ и боялись, что не все обстояло
благополучно въ этой безцѣльной рекогносцировкѣ, по-
среди проѣзжей дороги. Наконецъ, капралъ осмѣлился
подойти къ нему и въ формѣ рапорта доложить, что
зорю уже пробили. Фонъ Блейхроденъ послушно, какъ
приказъ, выслушалъ это донесеніе и скомандовалъ итти
обратно.

Когда, часъ спустя, они вступили въ первыя улицы Мар-
лота, капралъ замѣтилъ, что правая нога лейтенанта была
словно сведена судорогой въ колѣнѣ и шелъ онъ не по
прямой линіи. На рыночной площади лейтенантъ бросилъ
свой отрядъ, не дождавшись молитвы.

Ему не хотѣлось возвращаться домой. Что-то влекло его прочь! Съ широко раскрытыми глазами и раздувающимися ноздрями бѣгалъ онъ взадъ и впередъ, какъ гончая. Онъ оглядывалъ стѣны и старался уловить хорошо знакомый запахъ. Но онъ ничего не замѣчалъ и никого не встрѣтилъ. Онъ хотѣлъ видѣть, гдѣ «это» произошло. Но въ то же время онъ и боялся. Въ концѣ концовъ онъ утомился и пошелъ домой. На дворѣ онъ остановился и обошелъ вокругъ кухонныя постройки. Здѣсь онъ натолкнулся на сержанта и такъ испугался, что принужденъ былъ прислониться къ стѣнѣ. Сержантъ тоже испугался, но сдержалъ себя и доложилъ:

— Я искалъ г. лейтенанта, чтобы сдать рапортъ!

— Хорошо, хорошо! Все хорошо! Идите къ себѣ и ложитесь! — отвѣчалъ фонъ-Блейхроденъ, какъ бы боясь выслушать подробности.

— Все благополучно, г. лейтенантъ, но...

— Хорошо! Ступайте, ступайте! Ступайте! — Онъ говорилъ такъ быстро и безостановочно, что сержантъ не успѣвалъ вставить ни одного слова и каждый разъ, какъ онъ открывалъ ротъ, его прерывалъ потокъ рѣчи; наконецъ онъ рѣшилъ покориться и идти своей дорогой.

Лейтенантъ перевелъ духъ; у него отлегло отъ сердца, какъ у ребенка, избѣгнувшаго наказанія.

Онъ прошелъ въ садъ. Мѣсяцъ ярко освѣщалъ желтую стѣну кухни, и виноградный стволъ простиралъ свои тощія вѣтви, какъ въ долгомъ-долгомъ томленіи. Но что это? Два, три часа тому назадъ онъ былъ мертвъ, безъ зелени, только судорожно извивались сѣрыя сухія вѣтки, а теперь стволъ зазеленѣлъ и на немъ висѣли прекрасные,

красные гроздья? Онъ подошелъ поближе взглянуть, тотъ же ли это стволъ.

Подойдя къ стѣнѣ, онъ ступилъ во что то липкое и почувалъ приторно-противный запахъ мясной лавки. И теперь онъ увидѣлъ, что это былъ все тотъ же виноградный стволъ, но штукатурка на стѣнѣ была разстрѣлана и обрызгана кровью. Такъ это было здѣсь! Здѣсь произошло это!

Онъ сейчасъ же пошелъ прочь. Войдя въ сѣни, онъ оступился о что-то скользкое, приставшее къ его ногамъ. Онъ снялъ сапоги и выкинулъ ихъ на дворъ. Затѣмъ онъ прошелъ въ комнату, гдѣ ждалъ его ужинъ. Онъ былъ страшно голоденъ, но не могъ ѣсть. Онъ остановился и пристально глядѣлъ на накрытый столъ. Все было такъ хорошо приготовлено; бѣлое, нѣжное масло было окружено маленькими редисами, на бѣлой скатерти была вышита мѣтка, которая, какъ онъ замѣтилъ, не имѣла начальныхъ буквъ ни его имени, ни его жены; круглый овечій сыръ красиво лежалъ на виноградныхъ листьяхъ; прекрасный бѣлый хлѣбъ, такъ не похожій на черный, ржаной, красное вино въ граненомъ графинѣ и розоватые ломтики жиго,—все, казалось, было приготовлено дружеской рукой, а не изъ боязни контрибуціи и требованій. Но ему было страшно прикоснуться къ ѣдѣ. Онъ схватилъ звонокъ и позвонилъ. Сейчасъ же вошла хозяйка и молча остановилась у дверей. Она стояла, глядя ему на ноги, и ждала приказаній. Лейтенантъ не зналъ, что ему нужно, и не помнилъ, зачѣмъ онъ позвонилъ. Но онъ долженъ былъ что-нибудь сказать.

— Вы сердитесь на меня? — проговорилъ онъ.

— Нѣтъ, сударь, — тихо отвѣчала женщина. — Вамъ что-нибудь угодно, сударь? — спросила она, снова взглядывая на его ноги.

Онъ поглядѣлъ на полъ, чтобы понять, на что она смотреть, и увидалъ, что онъ стоитъ въ однихъ носкахъ и по всему полу идутъ красные слѣды съ отпечаткомъ пальцевъ, потому что носки его разорвались отъ долгой ходьбы.

— Дайте мнѣ вашу руку, добрая женщина, — сказалъ онъ, протягивая ей свою.

— Нѣтъ, — отвѣчала женщина, взглянула ему прямо въ глаза и вышла.

Это оскорбленіе какъ бы придавало мужества фонъ-Блейхродену; онъ взялъ стулъ и сѣлъ къ столу. Онъ поднялъ крышку надъ блюдомъ съ мясомъ, но, услыхавъ запахъ мяса, онъ почувствовалъ себя дурно; онъ всталъ, открылъ окно и выкинулъ на дворъ все блюдо. Онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и чувствовалъ себя больнымъ. Свѣтъ рѣзалъ ему глаза, и всѣ яркія краски раздражали его. Онъ выбросилъ за окно бутылку вина и все, что было красного: редиски, береты, палитра—все послѣдовало за нимъ. Послѣ этого онъ легъ въ постель. Пролежавъ немного, онъ различилъ голоса въ сосѣдней комнатѣ. Онъ не хотѣлъ подслушивать, но слова доносились до него. Онъ понялъ, что тамъ пили пиво и разговаривали два капрала. Они говорили:

— Крѣпкіе молодцы были тѣ два невысокіе; ну, а длинный былъ слабъ.

— Это еще не значитъ, что онъ былъ слабъ, если онъ какъ тряпка повалился у стѣны, вѣдь онъ просилъ привязать его къ стволу, потому что онъ хотѣлъ стоять,

— Ну, а развѣ другіе, чортъ меня побери, не стояли сложивъ руки на груди, словно передъ фотографомъ?

— Да, а когда священникъ вошелъ къ нимъ въ биллиардную и сказалъ, что пришелъ ихъ конецъ, то у нихъ ноги подкосились, такъ, по крайней мѣрѣ, рассказывалъ сержантъ, но они не кричали и не просили о пощадѣ!

— Да, чортовы молодцы! Твое здоровье!

Фонъ-Блейхроденъ зарывался головой въ подушку и зажималъ себѣ уши! Потомъ онъ всталъ. Словно какая-то сила толкала его къ двери, за которой шла бѣсѣда. Ему хотѣлось еще послушать, но солдаты понизили голосъ. Онъ подкрался къ двери и, согнувшись, приложилъ ухо къ замочной скважинѣ.

— А ты видѣлъ нашихъ солдатъ? Лица у нихъ были сѣрыя, какъ вотъ этотъ пепелъ въ трубкѣ, и многіе стрѣляли въ воздухъ. Только не болтай объ этомъ. Они получили по заслугамъ. Они вернулись на нѣсколько фунтовъ легче, чѣмъ пошли! Точно дроздовъ разстрѣливали картечью.

— А ты видѣлъ маленькихъ пѣвчихъ въ красномъ, они жгли ладонь и пѣли? А тѣ покатались на гряды гороха, какъ воробьи, трепыхали руками, какъ крыльями, и закатывали глаза. А потомъ пришли старухи и подобрали ихъ останки! О! О! О! Ничего не подѣлаешь — мы на войнѣ! Твое здоровье!

Фонъ-Блейхроденъ наслушался довольно; кровь прилила ему къ головѣ, и онъ не могъ спать. Онъ вышелъ въ сосѣднюю комнату и попросилъ солдатъ разойтись.

Потомъ онъ раздѣлся, намочилъ голову холодной водой, взялъ Шопенгауера и легъ. Онъ читалъ съ сильно

бьющимся сердцемъ: «Рожденіе и смерть въ равной степени относятся къ жизни и находятся между собой въ равновѣсіи, какъ взаимныя условія или какъ полюсы общаго процесса жизни. Мудрѣйшая изъ всѣхъ мифологій—индійская, выражаетъ это тѣмъ, что своему богу Шивѣ съ ожерельемъ изъ мертвыхъ головъ, символу разрушенія и смерти, даетъ атрибутомъ лингамъ, символъ зарожденія... Смерть—это болѣзненное развязываніе узла, завязаннаго въ сладострастіи творчества; она могущественное разрѣшеніе основной ошибки нашего существованія; это — освобожденіе отъ заблужденія.

Онъ выронилъ книгу; ему казалось, что кто-то кричитъ и бьется на его постели! Кто же лежитъ здѣсь? Онъ увидалъ тѣло, нижняя часть котораго была сведена судоргами, а грудь напряженно вышятилась, и изъ-подъ простыни раздавался какой-то странный, глухой крикъ. Да вѣдь это было его собственное тѣло! Развѣ онъ раздвоился, что онъ видитъ и слышитъ самъ себя, какъ другого человѣка? Крикъ все не смолкалъ! Дверь растворилась, и вошла хозяйка, вѣроятно не дождавшись отвѣта на стукъ.

— Что прикажите, г. лейтенантъ? — спросила она съ горящими глазами и какою-то особенной улыбкой.

— Я? — переспросилъ больной, — ничего! Но ему, повидимому, очень плохо и надо бы позвать доктора.

— Здѣсь нѣтъ доктора, насъ всегда лѣчилъ священникъ, — отвѣчала женщина, уже не улыбаясь.

— Тогда пошлите за священникомъ! — сказалъ лейтенантъ, — хотя онъ ихъ не долюбливаетъ!

— Но если онъ боленъ, онъ нуждается въ нихъ! — сказала хозяйка и исчезла.

Когда вошелъ священникъ, онъ прямо подошелъ къ постели и взялъ за руку больного.

— Какъ вы думаете, что съ нимъ? — спросилъ Блейхроденъ. — Чѣмъ онъ боленъ?

— Угрызеніями совѣсти! — коротко отвѣтилъ священникъ.

Фонъ-Блейхроденъ возмутился:

— Угрызенія совѣсти въ томъ, что онъ исполнилъ свой долгъ!

— Да, — сказалъ священникъ и, намочивъ полотенце, обвязалъ имъ голову больного. — Выслушайте меня, если можете. Вы приговорены! Ваша участь еще ужаснѣе, чѣмъ тѣхъ троихъ! Слушайте меня хорошенько! Мнѣ знакомы эти симптомы! Вы стоите на границѣ безумія. Вы должны попытаться до конца продумать эту мысль! Думайте о ней сильно, и вы почувствуете, какъ успокаивается вашъ умъ. Смотрите на меня и, если можете, слѣдите за моими словами! У васъ произошло раздвоеніе личности! Вы видите себя, какъ другого человѣка. Какъ вы дошли до этого? Видите, общественная ложь заставляетъ насъ всѣхъ раздваиваться. Когда вы сегодня писали вашей женѣ, вы были искренній, простой, добрый человѣкъ; но, говоря со мной, вы были другимъ! Какъ актеръ теряетъ въ себѣ человѣка и весь является скопищемъ своихъ ролей, такъ и общественный дѣятель состоитъ, по крайней мѣрѣ, изъ двухъ личностей. Когда вслѣдствіе потрясенія, возбужденія, колебанія мысли въ душѣ образуется трещина, то природа человѣка раздваивается, созерцаетъ другого себя.

Я вижу на полу книгу, которая мнѣ хорошо знакома. Это былъ очень глубокой человѣкъ, можетъ быть, един-

ственный. Онъ созерцалъ все ничтожество и суету нашей земной жизни, словно онъ научился отъ нашего Господа, но все-таки онъ продолжалъ оставаться двойственнымъ, потому что жизнь, происхождение, привычки, человѣческая слабость тянули его къ себѣ. Слышите, сударь, я читалъ въ своей жизни не только молитвенникъ! И я говорю, какъ врачъ, а не какъ священникъ, потому что мы оба, — не теряйте моей мысли — понимаемъ другъ друга! Неужели вы думаете, я не чувствую проклятiя двойственной жизни, какую я веду! Я не сомнѣваюсь въ священныхъ вопросахъ, потому что они перешли мнѣ въ плоть и кровь. Но я знаю, когда я говорю, я говорю не во имя Бога! Мы питаемся ложью еще во чревѣ матери, мы впитываемъ ее, съ молокомъ ея груди, и кто при современныхъ условiяхъ могъ бы говорить только истину... да, да. Вы слѣдите за мной?

Больной жадно слушалъ его, и глаза его, не моргая, пристально смотрѣли на священника.

— Обратимся теперь къ вамъ, — продолжалъ священникъ. — Существуетъ маленькiй измѣнникъ съ факеломъ въ рукахъ, маленькiй ангелъ, который ходитъ съ корзиной розъ и посыпаетъ ими отбросы жизни; это ангелъ лжи и называется онъ Красотой! Язычники въ Греціи поклонялись ему, властелины покровительствуютъ ему, потому что онъ помрачаетъ зрѣніе народа и онъ не видитъ вещей, каковы онѣ въ дѣйствительности. Онъ проходитъ по міру и съѣтъ обманы! Почему вы, военные, одѣваетесь въ пышные мундиры съ золотомъ и яркими красками? Почему вы живете всегда подъ звуки музыки, съ развѣвающимися знаменами? Не для того ли, чтобы скрыть то, что лежитъ за вашимъ

блескомъ? Если бы вы любили истину, вы ходили бы какъ мясники въ бѣлыхъ блузахъ, чтобы ясно были видны пятна крови; вы ходили бы съ ножомъ, какъ мясникъ на бойнѣ съ топорами, залитыми кровью и липкими отъ сала! вмѣсто музыкантовъ вы гнали бы передъ собой толпу воюющихъ людей, людей сошедшихъ съ ума отъ вида поля битвы; вмѣсто знаменъ вы несли бы саваны, а въ обозѣ везли бы гробы.

Больной, извиваясь въ судорогахъ, складывалъ умоляюще руки и кусалъ себѣ пальцы. Священникъ глядѣлъ на это страшное зрѣлище жестоко, неподвижно, съ ненавистью и продолжалъ:

— По природѣ ты добрый малый, и я хочу наказать въ тебѣ не этого добраго человѣка, нѣтъ, я наказываю тебя, какъ предствителя, какимъ ты называлъ себя, и твое наказаніе послужитъ другимъ предостереженіемъ! Хочешь увидѣть ихъ трупы? Хочешь?

— Нѣтъ, во имя Бога!— закричалъ больной въ ужасѣ; холодный потъ страха выступилъ на немъ, и рубашка липла къ плечамъ.

— Твоя трусость доказываетъ, что ты человѣкъ и трусь, какъ всѣ люди.

Эти слова, какъ ударъ плети, сразу отрезвили больного. Лицо его приняло спокойное выраженіе, тѣло выпрямилось, и спокойно, какъ человѣкъ совершенно здоровый, онъ сказалъ:

— Ступай отсюда, посланецъ дьявола, ты сведешь меня съ ума!

— Но я не приду больше, если ты будешь звать меня,— сказалъ тотъ,— подумай объ этомъ! Помни, не моя

вина, если ты не сможешь заснуть; можетъ быть, это вина тѣхъ, что лежать тамъ, въ билліардной залѣ! На билліардѣ слышишь?

Онъ распахнулъ дверь въ билліардную и въ комнату больного ворвался сильный запахъ карболовой кислоты!

— Нюхай, нюхай ты! Это не то, что нюхать порохъ; это не то, что телеграфировать объ этомъ домой: «Крупное пораженіе, трое мертвыхъ, и одинъ сумасшедшій, слава Всевышнему!» Это не то, что писать стихи и бросать цвѣты на улицу и плакать въ церкви! Это не побѣда! Это бойня, слышите, это бойня, мясникъ!

Фонъ-Блейхроденъ вскочилъ съ постели и бросился изъ окна. На дворѣ его схватили нѣсколько человѣкъ солдатъ, отъ которыхъ онъ отбивался, кусаясь. Потомъ его связали и отвели въ амбулаторію главной квартиры, а оттуда, признавъ его сумасшествіе, его перевели въ госпиталь.

* * *

Солнечное утро въ концѣ февраля 1871 г. По крутому подъему близъ Лозанны медленно поднималась молодая женщина подъ руку съ господиномъ среднихъ лѣтъ. Она была въ послѣднемъ мѣсяцѣ беременности и тяжело опиралась на руку спутника. Лицо ея было молодое, но мертвенно блѣдное отъ горя, и одѣта она была въ черное. Спутникъ ея не былъ одѣтъ въ трауръ, изъ чего встрѣчные заключали, что онъ ей не мужъ. Онъ казался сильно огорченнымъ, наклонялся по временамъ къ маленькой женщинѣ и что-то говорилъ ей; потомъ онъ снова погружался въ свои мысли. Дойдя до площади передъ

прежней таможенной, они остановились передъ гостиницей «A l'ours».

— Еще подъемъ? — спросила она.

— Да, сестренка, — отвѣчалъ онъ. — Присядемъ отдохнуть.

И они опустились на скамью передъ гостиницей. Сердце ея билось медленно, а грудь тяжело дышала, словно ей не хватало воздуха.

— Мнѣ жаль тебя, братъ, — сказала она. — Я вижу, ты скучаешь о своихъ!

— Ради Бога, сестра, не будемъ говорить объ этомъ, — возразилъ онъ. — Когда я думаю о своихъ, я знаю, что нуженъ тамъ при посѣвѣ, но вѣдь ты моя сестра, а свою кровь и плоть не бросишь въ нуждѣ.

— Теперь мы увидимъ, — продолжала г-жа фонъ-Блейхроденъ, — поможетъ ли ему этотъ воздухъ и это новое лѣченіе. Какъ ты думаешь?

— Разумѣется, да, — отвѣчалъ братъ, глядя въ сторону чтобы скрыть неувѣренное выраженіе лица.

— Какую зиму пережила я въ Франкфуртѣ. Какъ жестока бываетъ судьба! Мнѣ кажется, я легче перенесла бы его смерть, чѣмъ такое погребеніе заживо.

— Но надежда живетъ всегда, — сказалъ братъ безнадежнымъ тономъ. — Онъ задумался о своихъ дѣтяхъ и поляхъ. Но онъ сейчасъ же устыдился своего эгоизма, что онъ не можетъ такъ же живо, какъ она, чувствовать это горе, свалившееся на него безъ всякой вины съ его стороны, и онъ вознегодовалъ на себя.

Въ эту минуту откуда-то съ высоты раздался звонкій,

долгий крикъ, похожий на свистокъ локомотива, и потомъ еще разъ.

— Развѣ такъ высоко въ горахъ проходитъ желѣзная дорога?— спросила г-жа фонъ-Блейхроденъ.

— Да, вѣроятно, — отвѣчалъ братъ и прислушался, широко раскрывъ глаза.

Крикъ снова повторился! Теперь казалось, что кричить утопающій.

— Вернемся домой, — сказалъ г. Шанцъ, поблѣднѣвъ какъ полотно. — Ты не сможешь сегодня подняться такъ высоко, а завтра мы возьмемъ экипажъ.

Но она хотѣла идти во что бы то ни стало. И они снова пустились въ путь. Это былъ тяжелый подъемъ. Въ зеленой изгороди боярышника, окаймлявшей дорогу, прыгали черные дрозды съ желтоватыми клювами; по стѣнамъ, увитымъ плющомъ, бѣгали наперегонки ящерицы и исчезали въ расщелинахъ; весна стояла въ полномъ расцвѣтѣ, да впрочемъ весны и не было, а по краямъ дороги цвѣли примулы и подснежники. Но путники ни на что не обращали вниманія. Дойдя до половины подъема, они снова услышали таинственные крики. Какъ бы охваченная внезапнымъ предчувствіемъ, г-жа фонъ-Блейхроденъ взглянула на брата своимъ тревожнымъ взглядомъ, какъ бы желая прочесть въ его глазахъ подтвержденіе своего подозрѣнія, и потомъ беззвучно поникла на дорогу, желтоватая пыль которой окружила ее какъ облакомъ. Она лишилась чувствъ.

Пока братъ соображалъ, какъ ему поступить, случайный прохожий уже побѣжалъ за экипажемъ. Когда молодую женщину положили въ экипажъ, она почувство-

вала приближеніе родовъ, и теперь изъ глубочайшихъ долинъ скорби раздавалось два крика, призывъ двухъ людей; а г. Шанцъ, потерявшій шляпу, стоялъ на тропинкѣ и думалъ, глядя на ясное весеннее небо: «Если бы эти крики донеслись туда! Но, должно быть, это слишкомъ высоко!»

Наверху, въ больницѣ, фонъ-Блейхроденъ былъ помещенъ въ комнатѣ, выходящей на югъ. Стѣны были обиты войлокомъ и выкрашены въ блѣдно-голубой тонъ, на которомъ можно было различить легкіе контуры ландшафта. Потолокъ изображалъ шпалерникъ съ виноградными лозами. Полъ былъ устланъ ковромъ, а подъ ковромъ лежалъ слой соломы. Мебель была набита конскимъ волосомъ, и вся деревянная обшивка была обтянута матеріей.

Изъ комнаты нельзя было угадать, гдѣ находится дверь; этимъ отъ больного отдалялась всякая мысль о бѣгствѣ или о заключеніи, что при возбужденномъ состояніи опаснѣе всего. Въ окна на всякій случай были вставлены рѣшетки, но всѣ онѣ имѣли видъ лилій и зелени и были такъ хорошо выкрашены, что ихъ нельзя было принять за рѣшетки.

Безуміе фонъ-Блейхродена имѣло форму углызеній совѣсти. Онъ убилъ виноградаря при таинственныхъ условіяхъ, въ которыхъ онъ никакъ не могъ признаться по той простой причинѣ, что онъ ихъ не помнилъ. Теперь онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ и ждалъ исполненія приговора, потому что онъ былъ приговоренъ къ смерти. Но у него бывали и минуты сознанія. Тогда онъ прикалывалъ къ стѣнамъ большіе листы бумаги и исписывалъ ихъ силлогизмами. Тогда онъ вспоминалъ, что приказалъ разстрѣлять вольныхъ стрѣлковъ; но онъ не помнилъ, что былъ

женать; посѣщенія жены онъ принималъ какъ визитъ ученика, которому онъ давалъ уроки логики. Онъ установилъ слѣдующее положеніе: вольные стрѣлки были измѣнники, и приказъ предписывалъ—разстрѣлять ихъ! Однажды его жена, обязанная во всемъ соглашаться съ нимъ, имѣла неосторожность выразить сомнѣніе въ томъ, что вольные стрѣлки измѣнники. Тогда онъ сорвалъ со стѣны всѣ свои листы съ выводами и сказалъ, что онъ готовъ посвятить двадцать лѣтъ на доказательство этого положенія, потому что каждое положеніе прежде всего надо доказать. Кромѣ того онъ составлялъ великіе проекты для блага человѣчества. Къ чему клонятся всѣ наши стремленія здѣсь на землѣ?—спрашивалъ онъ. Почему правитъ король, проповѣдуетъ священникъ, сочиняетъ стихи поэтъ, пишетъ художникъ. Чтобы доставить тѣлу азотъ. Азотъ самое дорогое изъ всѣхъ средствъ питанія, поэтому мясо стоитъ дороже всего. Азотъ—это интеллектъ, поэтому-то богатые, питающіеся мясомъ, развитѣе другихъ, которые питаются углеводомъ. Въ настоящее время на землѣ не хватаетъ азота, и поэтому возникаютъ войны, стачки рабочихъ, піэтизмъ и государственные перевороты. Надо открыть новый источникъ азота. Фонъ-Блейхроденъ открылъ его, и теперь наступитъ всеобщее равенство; свобода, равенство и братство, наконецъ, осуществляются на землѣ. Этотъ неисчерпаемый источникъ называется—воздухъ. Онъ содержитъ въ себѣ 79 процентовъ азота, и надо какимъ бы то ни было образомъ привести къ тому, чтобы легкія прямо потребляли его и перерабатывали въ пищу тѣла, безъ того, чтобы онъ сгушался предварительно въ жирахъ, зерновыхъ хлѣбахъ и овощахъ, чтобы потомъ въ

видѣ мяса животнаго переходить въ тѣло. Надъ этой проблемой будущаго работалъ фонъ-Блейхроденъ. Съ разрѣшеніемъ ея земледѣльство и скотоводство стануть совершенно излишними, и золотой вѣкъ снова воцарится на землѣ. А потомъ онъ опять погружался въ мысли о совершенномъ убійствѣ и чувствовалъ себя глубоко несчастнымъ.

Въ то самое февральское утро, когда г-жа фонъ-Блейхроденъ шла по дорогѣ къ больницѣ и принуждена была вернуться, мужъ ея сидѣлъ въ своей новой комнатѣ и глядѣлъ въ окно. Сначала онъ смотрѣлъ на виноградную зелень на потолкѣ и на ландшафты на стѣнахъ, потомъ онъ усѣлся въ покойное кресло у окна, откуда открывался свободный видъ. Онъ былъ спокоенъ, потому что вечеромъ принялъ холодную ванну и хорошо провелъ ночь. Онъ зналъ, что стоитъ февраль, но не зналъ, гдѣ онъ находится. Первое, что ему бросилось въ глаза, это отсутствіе снѣга, и это изумило его, потому что онъ никогда не былъ въ южныхъ странахъ. Передъ окномъ стояли зеленые лавровые кусты, сплошь усѣянные бѣлыми бутонами, и лавровишневые съ ихъ вѣчно блестящей, свѣтло-зеленой листвою, буксы, илимъ, весь обвитый плющомъ такъ, что казалось, что дерево стоитъ въ полной зелени. По травкѣ, усѣянной примулами, шелъ человекъ и рѣзалъ серпомъ траву, а маленькая дѣвочка, идя за нимъ, сгребала ее. Онъ снова взялъ календарь и прочелъ: «Февраль.— Косить въ февралѣ. Гдѣ же я?» Потомъ взгляды его погрузились за предѣлы сада, и онъ увидѣлъ мягкіе склоны глубокой долины, зеленые, какъ лѣтніе луга; тамъ и тутъ виднѣлись маленькія деревушки и церкви; высокія плаку-

чія ивы были покрыты молодой зеленью. «Въ февралѣ», подумалъ онъ снова. За лугами лежало озеро; спокойное, свѣтло-голубое, какъ воздухъ, а на другомъ концѣ озера лежала голубая страна; надъ голубой страной высилась горная цѣпь; но надъ горной цѣпью лежало еще что-то другое, похожее на облака; эти облака были свѣжи и нѣжны, какъ свѣже вымоченная шерсть, но они имѣли острыя очертанія, по которымъ проходили по временамъ какія-то легкія тѣни. Онъ не зналъ, гдѣ онъ находится, но это было такъ прекрасно, что онъ не могъ быть на землѣ. Или онъ умеръ и перешелъ въ другой міръ? Во всякомъ случаѣ это не Европа! Вѣроятно онъ умеръ! Онъ погрузился въ тихія мечты и старался освоиться со своимъ новымъ положеніемъ.

Онъ снова выглянулъ въ окно и увидалъ всю залитую солнцемъ картину, окаймленную рамой окна и пересѣченную рѣзными узорчатыми рѣшетками, которыя рѣзко выдѣлялись и какъ бы колебались въ воздухѣ. Сначала онъ испугался, но быстро успокоился; онъ опять началъ глядѣть на картину, особенно на острыя розовато-красныя облака. И тогда онъ почувствовалъ неожиданную радость и свѣжесть въ головѣ; у него было такое ощущеніе, словно всѣ извилины его мозга лежали сильно перепутавшись, а теперь начали распутываться и ложиться по мѣстамъ. И онъ такъ обрадовался, что въ груди у него что-то запѣло, но такъ какъ онъ никогда въ жизни не пѣлъ, то вмѣсто пѣнья изъ его груди вырывались одни крики, крики восторга, и это они-то донеслись до его жены и повергли ее въ отчаянье. Проведя такъ съ часъ времени, онъ вдругъ вспомнилъ картину, видѣнную имъ въ какомъ-

то кегельбанъ въ окрестностяхъ Берлина; на ней изображался швейцарскій ландшафтъ, и теперь онъ понялъ, что находится въ Швейцаріи и что острыя облака—это Альпы.

Когда докторъ, дѣлая свой вторичный обходъ, зашелъ къ фонъ-Блейхродену онъ засталъ его спокойно сидящимъ на стулѣ передъ окномъ, и его невозможно было оторвать отъ созерцанія прекраснаго вида. Но онъ былъ въ полномъ сознаніи и вполнѣ понималъ свое положеніе.

— Докторъ, — сказалъ онъ, указывая на рѣшетки, — зачѣмъ вы загораживаете такой прекрасный видъ? Развѣ вы не хотите позволить мнѣ подышать воздухомъ? Мнѣ кажется, это было бы мнѣ полезно, и я вамъ обѣщаю не убѣгать!

Докторъ взялъ его за руку, стараясь незамѣтно пощупать ему пульсъ.

— Пульсъ только семьдесятъ, милый докторъ, — сказалъ пациентъ, — и я спокойно спалъ всю ночь. Вамъ нечего бояться.

— Меня радуетъ, — сказалъ врачъ, — что лѣченіе дѣйствительно помогло вамъ. Вы можете погулять.

— Знаете, докторъ, — заговорилъ оживленно больной, — мнѣ кажется, что я умеръ и снова вернулся къ жизни на другой планетѣ, такъ здѣсь прекрасно! Никогда мнѣ и не мечталось, что земля можетъ быть такъ прекрасна!

— Земля вездѣ прекрасна, другъ мой, гдѣ ее еще не испортила культура, а здѣсь природа такъ сильна, что она противостоитъ всѣмъ попыткамъ человѣка. Неужели вы думаете, что ваша страна всегда была такъ некрасива, какъ теперь? Нѣтъ, тамъ, гдѣ теперь песчанья пустыни, не могущія прокормить и козы, нѣкогда шумѣли прекрасные

лѣса дубовъ, буковъ и сосенъ, въ тѣни которыхъ водилось много дичи, и тучныя стада отборнаго сѣвернаго скота откармливались желудами.

— Вы послѣдователь Руссо, докторъ,—произнесъ пациентъ.

— Руссо былъ женевецъ, г. лейтенантъ! Тамъ вонъ, на берегу озера, въ той глубокой бухтѣ, что видно какъ разъ за вершиной илима, тамъ родился онъ, страдалъ, тамъ были сожжены его «Эмиль» и «Общественный договоръ», эти евангелія природы, и тамъ налѣво у подножья Валлійскихъ Альпъ, гдѣ находится маленькій Кларанъ, написалъ онъ книгу любви, «Новую Элоизу». Вы видите передъ собой Женевское озеро!

— Въ этой тихой долинкѣ,—продолжалъ врачъ,—гдѣ живутъ мирные люди, искали спасенія всѣ раненые духомъ! Видите направо, за маленькимъ мысомъ съ башнями и тополями—тамъ Ферней. Туда бѣжалъ Вольтеръ, непризнанный въ Парижѣ, и здѣсь онъ обрабатывалъ землю и построилъ храмъ Высшему Существому. А тамъ дальше лежитъ Коппэ. Тамъ жила госпожа Сталь, злѣйшій врагъ предателя Наполеона, та, что осмѣлилась учить французовъ, своихъ соотечественниковъ, что нѣмецкая нація не заклятый врагъ Франціи, потому что націи не ненавидятъ другъ друга! А здѣсь налѣво, на берегу этого спокойнаго озера, проклинала истерзанная душа Байрона, который подобно связанному Титану вырвался изъ сѣтей, которыми реакція хотѣла связать его сильную душу. И здѣсь въ «Шильонскомъ узникѣ» онъ излилъ всю ненависть къ тираніи, накупѣвшую въ его душѣ. А вонъ тамъ подъ высотами Граммонъ у маленькой рыбачьей деревушки онъ

пытался однажды утопиться, но жизнь его еще не совершила своего круга. Сюда бѣжали они всѣ, не могущіе вынести запаха тлѣнія, которое какъ холера тяготѣло надъ Европой послѣ посягательствъ Священнаго Союза на только что завоеванныя права революціи, т.-е., человѣка. А здѣсь на тысячу футовъ внизъ подъ вашими ногами творилъ Мендельсонъ свои грустныя пѣсни, здѣсь Гуно написалъ своего Фауста. Развѣ вы не видите, что вдохновило его написать Вальпургіеву ночь? Вотъ тѣ пропасти Савойскихъ Альпъ! Здѣсь гремѣлъ Викторъ Гюго своимъ рѣзкимъ стихомъ противъ декабрьскихъ измѣнниковъ! А здѣсь—поразительная шутка судьбы—въ маленькомъ, тихомъ, скромномъ Вевэ, куда никогда не залеталъ сѣверный вѣтеръ, самъ вашъ императоръ старался забытья отъ ужасныхъ картинъ Саловой и Кеннигтретца. Тамъ скрывался русскій Горчаковъ, когда онъ почувствовалъ, что почва колеблется подъ его ногами; здѣсь Джонъ Руссель омылъ съ себя всю политическую неопрятность и дышалъ свѣжимъ, чистымъ воздухомъ; здѣсь старался Тьеръ привести въ порядокъ свои мысли, часто противорѣчивыя и спутанныя, благодаря скрещивающимся политическимъ потокамъ, но, по-моему, все-таки всегда честныя. И пусть теперь, когда онъ долженъ раздѣлить судьбы своего народа, вспомнить онъ о невинныхъ часахъ, когда его умъ на покой могъ вступать въ пренія самъ съ собой здѣсь среди мягкаго, но строгаго величія природы. А тамъ въ Женевѣ, г. лейтанантъ! Тамъ никогда не жилъ король со своимъ дворомъ, но тамъ родилась мысль, такая же великая, какъ христіанство, и апостолы ея тоже носятъ крестъ, красный крестъ на бѣломъ знамени! И когда мау-

зеровскія орудія цѣлились во французскаго орла, а французскія ружья въ нѣмецкаго, другіе свято держали красный крестъ, тѣ, которые не склонятся передъ чернымъ крестомъ, и я думаю, будущее побѣдитъ этимъ знаменемъ.

Пациентъ, спокойно выслушавшій эту необычную рѣчь, такую чувствительную, чтобы не сказать сантиментальную, и больше подходящую священнику, чѣмъ врачу, чувствовалъ себя нѣсколько смущеннымъ.

— Это все мечты, докторъ,—сказалъ онъ.

— Вы тоже начнете мечтать, когда поживете здѣсь мѣсяца три,—отвѣчалъ врачъ.

— Такъ вы вѣрите въ цѣлебную силу природы?—спросилъ пациентъ уже менѣе скептически, чѣмъ раньше.

— Я вѣрю въ безконечную силу природы, которая можетъ помочь болѣзнямъ культуры!—отвѣчалъ врачъ.— Чувствуете вы себя достаточно сильнымъ выслушать хорошую новость?—продолжалъ онъ, пристально глядя на больного.

— Вполнѣ докторъ!

— Ну, такъ миръ заключенъ!

— Боже... какое счастье!—вырвалось у больного.

— Да, разумѣется,—сказалъ врачъ,—но не спрашивайте меня, сегодня вы ничего больше не должны знать! Подите погулять, но помните одно! Ваше выздоровленіе не пойдетъ такъ гладко, какъ вы думаете! У васъ могутъ быть повторные припадки! Воспоминанія, видите ли, нашъ злѣйшій врагъ и... ну, идите за мной!

Докторъ взялъ больного за руку и повелъ его въ садъ. Никакія рѣшетки и стѣны не загораживали дороги; садъ

былъ обнесенъ живой изгородью, но за изгородью шли глубокия, широкія канавы, которыя нельзя было перепрыгнуть. Лейтенантъ искалъ словъ для выраженія своего восторга, но онъ чувствовалъ, что старыя, знакомыя слова плохо подходили къ выраженію его чувствъ, и онъ кончилъ тѣмъ, что смолкъ, прислушиваясь къ чудной, тихой музыкѣ нервовъ. Ему казалось, что всѣ струны его души звучали согласно, и онъ ощутилъ покой, какого онъ не зналъ уже много, много лѣтъ.

— Вы все-таки надѣетесь на мое выздоровленіе?—спросилъ онъ врача съ грустной улыбкой.

— Вы на пути къ выздоровленію, какъ я вамъ уже сказалъ, но вы еще не вполне здоровы.

Они дошли до маленькихъ сводчатыхъ воротъ, въ которыя стремились пациенты въ сопровожденіи служителей.

— Куда они всѣ идутъ?—спросилъ больной.

— Идите за ними и вы увидите, — сказалъ врачъ.—Я разрѣшаю вамъ это. — Фонъ-Блейхроденъ вышелъ въ ворота. Врачъ знакомъ подозвалъ къ себѣ служителя.

— Спуститесь внизъ въ отель Фоконь къ г-жѣ фонъ-Блейхроденъ,—сказалъ онъ,—поклонитесь ей и передайте, что въ здоровьѣ ея мужа наступило улучшеніе, но онъ еще не вспомнилъ о ней. А когда вспомнить о семьѣ— онъ будетъ спасенъ!

Служитель ушелъ, а врачъ поспѣшилъ за больнымъ.

Фонъ-Блейхроденъ вошелъ въ большую залу, не наминавшую ничего изъ видѣннаго до сихъ поръ. Это не была ни церковь, ни театръ, ни аудиторія, ни ратуша, но все вмѣстѣ взятое. На заднемъ планѣ находилась ниша съ тремя окнами съ разноцвѣтными стеклами; цвѣта были

мягкіе, нѣжные, словно подобранные художникомъ, и свѣтъ, проникавшій сквозь нихъ, казался единымъ великимъ гармоничнымъ Dur-аккордомъ. Онъ производилъ на больного то же впечатлѣніе какъ аккордъ с-dur, которымъ Гайднъ разрѣшаетъ мракъ хаоса, когда въ его ораторіи послѣ долгой мучительной работы хора разобратся въ хаотическихкихъ силахъ природы, Господь восклицаетъ: «Да будетъ свѣтъ!», и ему вторятъ херувимы и серафимы.

Подъ окномъ была сталактитовая ниша, изъ свода которой тихо струился маленькій фонтанъ, падающій въ бассейнъ. Колонны, окружавшія нишу, не принадлежали ни къ какому извѣстному стилю и были сплошь покрыты темнымъ мягкимъ мохомъ. Нижнія панели стѣнъ были украшены еловыми вѣтвями; а стѣны украшены вѣчно зелеными растеніями: лаврами, каменнымъ дубомъ, омелой; всѣ въ орнаментахъ, но безъ всякаго опредѣленнаго стиля, иногда они какъ бы образовывали буквы, но затѣмъ снова переходили въ мягкія фантастичныя очертанія растеній, напоминающія арабески Рафаэля. По окнамъ висѣли большіе вѣнки, какъ на майскихъ праздникахъ, а вдоль фриза потолка тянулся орнаментъ, непохожій ни на египетскій лотусъ, ни на греческій меандръ, ни на римскія варіаціи аканта, ни на фантастичность романтики, ни даже на трелистникъ и крестовникъ готики. Фонъ-Блейхроденъ, оглядѣвшись, увидѣлъ, что зала заставлена скамьями, на которыхъ въ тихомъ благоговѣніи сидятъ пациенты лѣчебницы. Онъ сѣлъ на одну изъ скамей и услышалъ возлѣ себя вздохъ. Онъ увидѣлъ человѣка лѣтъ сорока, который плакалъ, закрывъ лицо руками. У него былъ носъ съ горбиной, усы и борода, и въ профиль онъ былъ похожъ на

портретъ, видѣнный имъ на французскихъ монетахъ. Это, несомнѣнно, былъ французъ. Такъ вотъ гдѣ имъ пришлось встрѣтиться, врагъ сидѣлъ рядомъ съ врагомъ, и каждый оплакивалъ что-то свое. Что? Что они исполнили свой долгъ сыновъ родины! Фонъ-Блейхродена охватило какое-то волненіе и безпокойство, какъ вдругъ раздалась тихая музыка. Органъ игралъ какой-то хоралъ на Dur; это не была лютеранская или католическая, кальвинистская или греческая музыка; но она говорила душѣ, и больному казалось, что онъ слышитъ слова, полная утѣшенія и надежды. И вотъ на кафедре вошелъ человекъ и остановился полускрытый сталактитовой нишей. Это былъ священникъ? Нѣтъ, онъ былъ одѣтъ въ свѣтло-сѣрый костюмъ, въ открытый жилетъ была видна крахмальная рубашка и онъ носилъ голубой галстукъ. Въ рукахъ у него не было книги. Но онъ заговорилъ. Онъ говорилъ мягко и просто, какъ говорятъ въ обществѣ друзей; онъ говорилъ о завѣтѣ христіанства любить ближняго, какъ самого себя, терпѣливо, милостиво и всепрощающе относится къ врагамъ; онъ говорилъ о томъ, что Христось представлялъ себѣ все человѣчество какъ единый народъ, но что злая натура человѣка противодѣйствовала великой идеѣ и все человѣчество сгруппировалось въ націи, секты, школы; но онъ все-таки выразилъ твердую надежду, что скоро осуществятся основные тезисы христіанства. Проговоривъ съ четверть часа, онъ сошелъ съ кафедры, вознеся краткую молитву къ Всемогущему Богу, не называя Иисуса, Дѣву Марію, Святого Николая, Анастасію или другихъ святыхъ, что указывало бы на одно изъ официальныхъ вѣроисповѣданій и могло бы возбудить страсти.

Фонъ-Блейхроденъ проснулся, какъ отъ сна. Такъ онъ въ церкви! Онъ, который уже пятнадцать лѣтъ ни разу не былъ въ церкви, которому такъ наскучила мелочность религиозныхъ распрей. И здѣсь въ сумасшедшемъ домѣ онъ встрѣчаетъ осуществленіе свободной церкви; здѣсь католики, православные, лютеране, кальвинисты, цвингліанцы, англиканцы сидятъ рядомъ, и общая ихъ молитва несется къ общему Богу. Какой уничтожающей критикой явилась эта зала для всѣхъ этихъ сектъ, которыя эгоизмъ людей обратили во столько же религій, попирающихъ и поносящихъ одна другую! Какое подкрѣпленіе для нападокъ «невѣрующей» церкви на это политико-династическое христіанство!

Фонъ-Блейхроденъ обвелъ глазами эту великолѣпную залу, чтобы отогнать вызванныя имъ страшныя картины. Глаза его долго блуждали, пока, наконецъ, не остановились на стѣнѣ напротивъ кафедры. Тамъ висѣлъ огромный размѣровъ вѣнокъ, и въ немъ стояло написаннымъ слово, буквы котораго были составлены изъ еловыхъ вѣтвей. Онъ прочелъ французское слово «Noël» и перевелъ его себѣ «Рождество». Какой поэтъ замыслилъ это? Какой знатокъ челоуѣчества, какой глубокій умъ постигъ, какъ разбудить самое прекрасное и чистое изъ всѣхъ воспоминаній? Развѣ помраченный разумъ можетъ не ощутить жгучей жажды свѣта и ясности, вспоминая этотъ праздникъ свѣта, когда темные дни приходятъ къ концу съ наступленіемъ новаго года, или, по крайней мѣрѣ, даютъ на это надежду! Развѣ мысль о дѣтствѣ, когда никакіе религиозные разговоры, полемическая ненависть, тщеславныя пустыя мечты не затемняли правосознанія чистаго разума,

развѣ эта мысль не пробудитъ въ душѣ отзвуковъ, которые заглушаютъ весь тотъ звѣриный вой, что раздается въ жизни въ борьбѣ за хлѣбъ, а еще чаще за славу! Онъ задумался и спросилъ себя: какъ можетъ человѣкъ, такой добрый въ дѣтствѣ, становиться чѣмъ старѣе, тѣмъ хуже? Учитъ ли насъ быть дурнымъ воспитаніе, школа—это цѣнное достояніе культуры? Возможно! Чему учатъ насъ первые учебники?—думалъ онъ. Они учатъ, что Богъ мститель, что грѣхи отцовъ наказываются въ дѣтяхъ до третьяго и четвертаго колѣна; они учатъ насъ, что герои—это люди, возстановляющіе народъ противъ народа и грабящіе земли и государства; что величайшіе люди—это тѣ, кому удалось добиться той славы, ничтожность которой всѣ видятъ и къ которой все-таки всѣ стремятся; государственные мужи—это тѣ, что хитростью достигаютъ крупныхъ, но не высокихъ цѣлей, вся заслуга которыхъ заключается въ отсутствіи совѣсти и которые всегда побуждаютъ въ борьбѣ съ людьми, имѣющими совѣсть! И, чтобы наши дѣти могли научиться всему этому, родители переносятъ всевозможныя жертвы, отреченія и страданія, разлучаясь съ дѣтьми! Развѣ весь міръ не сумасшедшій домъ и развѣ это мѣсто не самое благоразумное, гдѣ онъ когда-либо былъ?!

Онъ снова глядѣлъ на единственное слово, написанное въ церкви, и мысленно повторялъ его; въ отдаленныхъ тайникахъ его памяти начала возстановляться картина, такъ же какъ на сѣрой пластинкѣ негатива, когда фотографъ, вынувъ ее изъ аппарата, поливаетъ желѣзнымъ купоросомъ. Ему казалось, что онъ вспоминаетъ свой послѣдній рождественскій вечеръ. Послѣдній? Нѣтъ, тогда онъ былъ въ

Франкфуртъ. Такъ, значить, предпоследній. Это былъ первый вечеръ, что онъ провелъ въ домѣ своей невѣсты, потому что наканунѣ они обручились. Онъ видѣлъ уютный домикъ стараго священника, своего тестя; онъ видѣлъ низкую залу съ бѣлымъ буфетомъ, фортепяно, чижикомъ въ клѣткѣ, бальзаминоиъ на окнахъ, шкафомъ съ серебрянымъ кофейникомъ, трубками частью изъ пѣнки, частью изъ красной глины; а по комнатамъ ходитъ дочь хозяина дома и вѣшаетъ на елку орѣхи и яблоки. Дочь хозяина дома! Тутъ словно молнія пронизала его помрачившееся сознание, словно прекрасная, безопасная зарница позднимъ лѣтомъ, когда любишь на нее съ балкона не боясь громовыхъ ударовъ. Онъ былъ помолвленъ, онъ былъ женатъ, у него есть жена; она снова привязываетъ его къ жизни, которую онъ раньше такъ ненавидѣлъ и презиралъ. Но гдѣ же она? Онъ долженъ видѣть, отыскать ее сейчасъ же! Онъ хочетъ сейчасъ же идти къ ней или онъ умереть отъ нетерпѣнія.

Онъ быстро вышелъ изъ церкви и сразу натолкнулся на врача, который поджидалъ его, чтобы видѣть результатъ посѣщенія церкви. Фонъ-Блейхроденъ схватилъ врача за плечи и, глядя ему прямо въ глаза, спросилъ прерывающимся голосомъ:

— Гдѣ моя жена? Ведите меня сейчасъ же къ ней. Сейчасъ же! Гдѣ она?

— Она съ дочерью ждетъ васъ въ городѣ на Rue de Rourg, — спокойно отвѣчалъ врачъ.

— Моя дочь? У меня дочь! — воскликнулъ больной и зарыдалъ.

— Вы очень чувствительны, г. фонъ-Блейхроденъ, — сказалъ, улыбаясь, врачъ.

— Да, докторъ, здѣсь легко стать такимъ.

— Такъ идите и одѣвайтесь, — сказалъ докторъ, беря его за руку, — черезъ полчаса вы будете у своихъ и снова обрѣтете себя самого.

И они прошли въ обширныя сѣни дома.

* *
*

Фонъ-Блейхроденъ былъ вполнѣ современный типъ. Правнукъ французской революціи, внукъ Священнаго Союза, сынъ 1830 г., онъ попалъ въ переходное время между революціей и реакціей. Когда въ двадцать лѣтъ онъ очнулся къ сознательной жизни, повязки спали у него съ глазъ; онъ увидалъ, въ какую паутину лжи былъ онъ окутанъ отъ общепринятаго христіанства до фетишизма династіи; ему показалось, что онъ или только что очнулся или что онъ одинъ единственно разумный запертъ въ сумасшедшемъ домѣ. И, не видя ни малѣйшаго выхода оттуда, гдѣ бы навстрѣчу ему не смотрѣли штыки или жерла орудій, онъ пришелъ въ отчаяніе. Онъ пересталъ думать о чемъ бы то ни было, даже о спасеніи, и бросился въ туманящій какъ опиумъ, пессимизмъ, чтобы по крайней мѣрѣ обмануть боль, если ужъ не было спасенія. Шопенгауеръ сталъ его другомъ, а позднѣе онъ полюбилъ Гартмана, какъ самаго прямолинейнаго выразителя истины.

Но общество звало его и требовало, чтобы онъ избралъ себѣ карьеру. Фонъ-Блейхроденъ погрузился тогда въ научныя изслѣдованія и избралъ изъ нихъ науку наименѣе

соприкасающуюся съ современностью, геологію, или, вѣрнѣе, одну изъ отраслей ея, изучающую жизнь животныхъ и растений исчезнувшаго міра, палеонтологію. Спрашивая себя, для пользы ли человѣчества, онъ могъ только отвѣтить: для пользы самого себя! Какъ средство забвенія! Онъ не могъ прочесть газеты, чтобы не всталъ передъ нимъ фанатизмъ въ видѣ ужаснаго безумія, и поэтому онъ держался вдали отъ всего, что касалось современности и окружающаго міра. И онъ уже началъ надѣяться дожить свои дни спокойно и безмятежно въ этомъ съ трудомъ завоеванномъ отупѣніи. Потомъ онъ женился; онъ не могъ избѣжать этого неизмѣннаго закона природы. Въ супружѣ онъ снова обрѣлъ то душевное состояніе, которое ему посчастливилось искоренить въ себѣ, и она стала для него его прежнимъ, чувствительнымъ Я, на которое онъ могъ радоваться тихо и спокойно, не выходя изъ своего укрѣпленія. Она какъ бы дополняла его, и онъ началъ уже успокаиваться, но въ то же время онъ чувствовалъ, что вся его будущая жизнь построена на двухъ краугольных камняхъ; одинъ изъ нихъ была его жена; если онъ упадетъ, то разрушится все его зданіе. Когда черезъ два мѣсяца послѣ брака ему пришлось разстаться съ ней, онъ пересталъ быть самимъ собой. Ему казалось, словно ему не хватаетъ одного глаза, одного легкаго, одной руки, и поэтому онъ такъ легко поддался, когда надъ нимъ разразился ударъ!

При взглядѣ на ребенка что-то новое зародилось въ его природной душѣ, которую онъ называлъ такъ въ отличіе отъ общественной души, созданной воспитаніемъ. Онъ чувствовалъ теперь себя связаннымъ съ семьей, чув-

ствовалъ, что не умретъ, когда наступитъ его смерть, но что душа его будетъ продолжать жить въ ребенкѣ; однимъ словомъ, онъ вполне сознавалъ, что душа его дѣйствительно безсмертна, если даже его тѣло погибнетъ въ борьбѣ химическихъ силъ. Онъ чувствовалъ себя обязаннымъ жить и надѣяться, хотя по временамъ его еще охватывало отчаянне, когда онъ слышалъ, какъ его единомышленники въ вполне естественномъ опьяненіи побѣдой приписывали счастливый исходъ войны нѣсколькимъ отдѣльнымъ личностямъ, созерцавшимъ поле битвы въ подзорныя трубы изъ своихъ экипажей. Но онъ порицалъ въ себѣ этотъ пессимизмъ, препятствующій развитію въ немъ новаго сознанія, благодаря дурнымъ примѣрамъ; изъ сознанія долга онъ сталъ оптимистомъ. Но онъ не рѣшался вернуться на родину, боясь снова стать малодушнымъ; онъ вышелъ въ отставку, реализировалъ свое небольшое состояніе и остался въ Швейцаріи.

* * *

Теплый ясный вечеръ въ Веве осенью 1872 г. Въ маленькомъ пансіонѣ La Cédre звонокъ прозвонилъ къ обѣду, и вокругъ большого обѣденнаго стола сошлись пансіонеры, хорошо знакомые между собой и живущіе дружной семьей, какъ всегда бываетъ съ людьми, когда они встрѣчаются на нейтральной почвѣ. Сотрапезниками фонъ-Блейхродена и его жены были грустный французъ, котораго мы уже встрѣтили въ больничной церкви, англичанинъ, двое русскихъ, нѣмецъ съ женой, испанское семейство и двѣ тирольки. Бесѣда по обыкновенію текла мирно и дружески,

иногда слегка задѣвая жгучіе вопросы, но никогда не доводя до вспышекъ.

— Я никогда не думалъ, что земля можетъ быть такъ неестественно прекрасна, какъ здѣсь, — говорилъ фонъ-Блейхроденъ, любуясь ландшафтомъ, виднѣвшимся черезъ открытую дверь веранды!

— Природа вездѣ прекрасна! — произнесъ нѣмецъ. — Но, мнѣ кажется, прежде у насъ болѣли глаза!

— Это правда, — подтвердилъ англичанинъ, — но здѣсь она прекраснѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ! Случалось вамъ, господа, слышать разсказъ о дикихъ племенахъ, кажется; германцахъ или венграхъ, когда они впервые поднялись на Dent Japan и увидали Женевское озеро? Они подумали, что небо опрокинулось на землю и такъ испугались, что вернулись обратно. Объ этомъ навѣрно написано въ путеводителѣ!

— Мнѣ кажется, — заговорилъ одинъ изъ русскихъ, — что чистый, свободный отъ лжи воздухъ, которымъ мы дышимъ здѣсь, заставляетъ насъ находить все такимъ прекраснымъ, хотя я не могу отрицать, что эта прекрасная природа производитъ также и обратное дѣйствіе на нашъ умъ и мѣшаетъ намъ запутаться въ сѣтяхъ всѣхъ нашихъ предразсудковъ. Но подождите, какъ только умрутъ наслѣдники Священнаго Союза, какъ только будутъ срублены вершины деревьевъ, то и наша трава снова зазеленѣетъ въ лучахъ солнца.

— Вы правы, — сказалъ фонъ-Блейхроденъ, — но намъ не понадобится рубить деревья! На это есть другія средства, болѣе человѣческія. Былъ нѣкогда писатель, написавшій посредственное драматическое произведеніе, успѣхъ

котораго зависѣлъ отъ того, кто будетъ играть главную женскую роль. Онъ отиравился къ первой актрисѣ и спросилъ ее, хочетъ ли она играть эту роль. Она отвѣтила отрицательно. Тогда онъ забылся настолько, что напомнилъ ей, что по контракту ее могутъ заставить играть. «Это правда—отвѣчала она,—но я могу создать много затрудненій!» Мы тоже можемъ заставить нашихъ властелиновъ. Въ Англии это является теперь только вопросомъ бюджета. Парламентъ вотируетъ сокращеніе ихъ удѣльныхъ имѣній—и они пойдутъ своей дорогой! Это путь законныхъ реформъ! Не правда ли, сударь?

— Совершенно вѣрно,—отвѣчалъ англичанинъ.—Наша королева имѣетъ право играть въ крокетъ и въ мячъ, но она не должна вмѣшиваться въ политику!

— Но войны! войны! Прекратятся ли онѣ когда-нибудь?—заговорилъ испанецъ.

— Когда женщина получить право голоса, арміи будутъ распущены,—сказалъ фонъ-Блейхроденъ.—Не правда ли?—обратился онъ къ женѣ.

Госпожа фонъ-Блейхроденъ кивнула утвердительно.

— Потому что,—продолжалъ фонъ Блейхроденъ,—какая же мать, какая жена или сестра захотятъ отпустить своего сына, мужа или брата на эту бойню! И когда не будетъ никого, возбуждающаго людей другъ противъ друга, тогда исчезнетъ и такъ называемая расовая ненависть. Человѣкъ добръ, но люди злы, думалъ нашъ другъ Жанъ-Жакъ, и онъ былъ правъ. Почему жители этой прекрасной страны болѣе миролюбивы? Почему они выглядятъ довольнѣе, чѣмъ въ другихъ странахъ? Надъ ними не стоятъ ежедневно и ежечасно грозные призраки; они знаютъ

что сами выбираютъ своихъ правителей; имъ нечему завидовать, и ничто не оскорбляетъ ихъ. У нихъ нѣтъ ни королевской свиты, ни военныхъ смотровъ, ни парадныхъ спектаклей, при которыхъ слабый человѣкъ поддается искушенію преклоняться передъ нечистымъ или несправедливымъ. Швейцарія это миниатюрная модель, по которой будетъ построена Европа будущаго!

— Вы оптимистъ!—сказалъ испанецъ.

— Да,—сказалъ фонъ Блейхроденъ,—а прежде я былъ пессимистомъ!

— Итакъ, вы думаете,—продолжалъ испанецъ, что то, что возможно въ маленькой странѣ, какъ Швейцарія, съ тремя милліонами людей и только тремя языками, можетъ быть осуществимо во всей огромной Европѣ?

Фонъ-Блейхродена, казалось, охватило сомнѣніе, но тутъ заговорила одна изъ тиролекъ.

— Простите,—сказала она—вы, сомнѣваетесь, что это можетъ быть осуществимо въ Европѣ съ ея шестью или семью языками. Вамъ кажется, что опытъ при столькихъ различныхъ націяхъ былъ бы слишкомъ смѣлъ! А что, если я укажу вамъ на страну съ двадцатью національностями: китайцы, японцы, негры, краснокожіе и всѣ европейскія націи соединены въ одной странѣ: такова будетъ вселенная будущаго. А я это видѣла, потому что я была въ Америкѣ.

— Bravo!—сказалъ англичанинъ.—Господинъ испанецъ, вы побиты!

— А вы,—продолжала тиролька, обращаясь къ французу—вы оплакиваете Эльзась-Лотарингію. Я это вижу! Война реванша представляется вамъ неизбѣжной, вы не

можете допустить, чтобы Эльзась-Лотарингія оставалась нѣмецкой. Вамъ кажется, что вы стоите передъ неразрѣшимымъ вопросомъ!

Французъ утвердительно вздохнулъ.

— Ну, а если Европа будетъ, какъ Швейцарія, соединенными штатами, тогда вѣдь Эльзась-Лотарингія не будетъ ни французской ни нѣмецкой, она будетъ просто Эльзась-Лотарингіей! Разрѣшенъ ли вопросъ?

Французъ любезно поднялъ стаканъ и поблагодарилъ наклоненіемъ головы и грустной улыбкой.

— Вы улыбаетесь, — снова продолжала веселая дѣвушка, — мы слишкомъ долго улыбались улыбкой отчаянья и недовѣрія. Будетъ! Мы собрались здѣсь изъ разныхъ странъ Европы! Здѣсь въ этихъ стѣнахъ, гдѣ насъ никто не подслушиваетъ, мы можемъ говорить то, что думаютъ наши сердца, но въ народныхъ собраніяхъ, въ газетахъ, въ книгахъ мы трусимъ, мы не смѣемъ перестать улыбаться, мы слѣдуемъ по теченію! Чему собственно поможетъ плакать? Слезы и жалобы — это орудія трусости! Мы боимся за свое сердце! Да, печально видѣть свой трупъ, но видѣть тѣла другихъ на полѣ битвы, когда возвращающихся ожидаетъ музыка и цвѣты, это прекрасно! Вольтеръ стоналъ и плакалъ, потому что онъ еще боялся за свое сердце, но Руссо заживо разрѣзалъ себя, вынулъ сердце изъ груди и держалъ его противъ солнца, какъ дѣлали старики ацтеки, принося жертвы. О, въ ихъ жестокости таилась глубокая мысль. А кто преобразовалъ человѣчество, кто сказалъ намъ, что мы стоимъ на невѣрномъ пути? Руссо! Женева сожгла его книги, но новая Женева воздвигла ему памятникъ. Что думаемъ мы

въ глубинѣ души, то думаютъ, не высказывая, и всѣ; Дайте намъ только свободу высказывать это вслухъ!

Русскіе подняли свои стаканы и прокричали на своемъ языкѣ слова, понятныя только имъ однимъ. Англичанинъ наполнилъ свой стаканъ и только что хотѣлъ произнести тостъ, какъ вошла служанка и подала ему телеграмму. Разговоръ на минуту смолкъ; англичанинъ съ видимымъ волненіемъ прочелъ телеграмму, затѣмъ сложилъ ее, положилъ въ карманъ и задумался. Обѣдъ приближался къ концу, и начинало смеркаться. Фонъ-Блейхроденъ сидѣлъ молча, погружившись въ созерцаніе открывающагося вида. Послѣдніе лучи заходящаго солнца рѣзко ложились на Mont Grammont и Dent d'Oche; нѣжно розовѣли виноградники и каштановые лѣса на горахъ Савойскаго берега; Альпы сіяли въ сыромъ вечернемъ воздухѣ и, казалось, были сотканы изъ того же воздушнаго вещества, какъ свѣтъ и тѣни. Онѣ — высились, какъ безтѣлесныя громады, угрюмыя и темныя съ тѣневой стороны, съ грозными, мрачными разсѣлинами, но съ солнечной стороны — ясныя, улыбающіяся! Онъ думалъ о послѣднихъ словахъ тирольки, и Mont Grammont представлялся ему колоссальнымъ сердцемъ, обращеннымъ остриемъ къ небу, пылающимъ, раненымъ иссѣченнымъ, исходящимъ кровью сердцемъ всего человѣчества, которое возносилось къ солнцу въ единой великой жертвѣ, отдавая все лучшее и дорогое, чтобы всего достигнуть.

Темное, сѣровато-синее вечернее небо вдругъ прорѣзали лучи свѣта, и надъ пологимъ савойскимъ берегомъ взвилась огромная ракета и поднялась такъ высоко, что казалось достигала Dent d'Oche; она остановилась, зака-

чалась, какъ бы оглядывая внизу прекрасную землю, прежде чѣмъ разорваться; это длилось нѣсколько секундъ, и она начала падать; но, спустясь всего на нѣсколько метровъ, она разорвалась съ громкимъ трескомъ, только черезъ нѣсколько минутъ достигшемъ Веве; и въ то же мгновенье небо заволокло огромное бѣлое облако, принявшее форму правильного четырехугольника — бѣлый огненный флагъ; раздался новый выстрѣлъ, и на бѣломъ флагѣ вырисовался красный крестъ.

Всѣ обѣдавшіе вскочили съ мѣстъ и бросились на веранду.

— Что это значитъ? — вскричалъ потрясенный фонъ-Блейхроденъ.

Никто не зналъ или не хотѣлъ отвѣтить, потому что въ эту минуту ракеты, какъ изъ кратера, летѣли одна за другой надъ зубцами Вуаронъ и разсыпались разноцвѣтными огнями, отражавшимися въ громадномъ зеркалѣ спокойнаго озера.

— Ladies and gentlemen! — громко произнесъ англичанинъ, въ то время какъ лакей ставилъ на столъ подносъ съ бокалами шампанскаго. — Ladies and gentlemen! — повторилъ онъ, — это значитъ, какъ я вижу изъ полученной мною телеграммы, что сегодня закончилъ свои работы первый интернаціональный третейскій судъ, собравшійся въ Женевѣ. Это означаетъ, что не допущена война между двумя народами, или, что было бы еще хуже, война противъ будущаго, что сотни тысячъ американцевъ и столько же англичанъ обязаны жизнью этому дню. Алабамскій вопросъ рѣшенъ въ пользу не Америки, а справедливости, не въ ущербъ Англии, а къ будущему благополучію. И вы все еще ду-

маете, господинъ испанецъ, что войны неустрашимы? Улыбайтесь, господинъ французъ, но улыбайтесь сердцемъ, а не губами. А вы, господинъ пессимистъ, видите ли вы, наконецъ, что такимъ же путемъ можетъ быть разрѣшенъ вопросъ и о вольныхъ стрѣлкахъ, не вмѣшивая сюда ни стрѣлковъ, ни разстрѣла? А вы, господа русскіе, я не знаю васъ лично, но неужели вы думаете, что ваша современная теорія о вырубкѣ лѣса такъ справедлива? Развѣ вы не думаете, что лучше начать съ корня? Это несомнѣнно вѣрнѣе и спокойнѣе! Какъ англичанинъ, я долженъ бы чувствовать себя побѣжденнымъ; я горжусь моею страной, какъ и всякій англичанинъ, но сегодня я имѣю на это право, потому что Англія первая изъ европейскихъ государствъ апелировала къ суду чести, вмѣсто суда желѣза и крови! И я желаю и вамъ и всѣмъ много такихъ поражений, какое мы испытали сегодня, потому что это научить насъ побѣждать! Поднимемъ наши стаканы, господа, за красный крестъ, во имя котораго мы, несомнѣнно, побѣдимъ!

Фонъ-Блейхроденъ остался въ Швейцаріи. Онъ не могъ оторваться отъ этой природы, которая ввела его въ новый міръ, прекраснѣе того, какой онъ покинулъ.

По временамъ онъ снова испытывалъ угрызения совѣсти, но докторъ приписывалъ все это нервности, присущей въ наше время всѣмъ интеллигентнымъ людямъ. Фонъ-Блейхроденъ рѣшилъ выяснитъ вопросъ о совѣсти въ небольшой статьѣ, которую онъ хотѣлъ опубликовать. Его

тезисъ, прочитанный друзьямъ, заслуживалъ вниманія. Съ нѣмецкимъ глубокомысліемъ онъ проникъ въ самый корень вопроса и открылъ, что существуетъ два рода совѣсти: 1) естественная, 2) искусственная. Первая совѣсть, по его мнѣнію, это естественное чувство справедливости. Эта совѣсть такъ тяжело и тяготѣла надъ нимъ, когда онъ велѣлъ разстрѣлять вольныхъ стрѣлковъ. Онъ заглушалъ ее, увѣряя себя, что въ данномъ случаѣ онъ былъ жертвой повиновенія начальству. Искусственная совѣсть состояла, напротивъ, изъ а) силы привычки, б) повиновенія начальству. Сила привычки такъ глубоко вкоренилась въ фонъ-Блейхродена, что иногда, гуляя по утрамъ, его вдругъ пугала мысль, что онъ пропускаетъ занятія въ геологическомъ бюро; онъ становился печаленъ, безпокоенъ и испытывалъ чувство школьника, убѣждавшаго изъ школы. И онъ дѣлалъ надъ собою невѣроятныя усилія, чтобы оправдать свою совѣсть тѣмъ, что онъ получилъ вполне законную отставку. Но тогда передъ нимъ всплывало ихъ бюро; товарищи, наблюдающіе другъ за другомъ, чтобы открыть ошибку другого, которая послужила бы къ ихъ собственному возвышенію; подчиненные, ожидающіе, затаивъ дыханіе, приказаній и распоряженій; и ему казалось, что онъ снова былъ тамъ. И тогда его опять терзала совѣсть, возложенная на людей заповѣдями высшихъ классовъ. Первую заповѣдь—любить короля и отечество,—было ему трудно держать. Король ввергнулъ отечество въ бѣдствія войны, чтобы создать своему родственнику новое отечество, то есть превратить его изъ пруссака въ испанца. Развѣ король любилъ свое отечество? Развѣ вообще короли любятъ свое отечество? Правители Англіи были урожен-

цы Ганновера; въ Германіи была кронпринцесса англичанка, во Франціи королева испанка, въ Швеціи король французъ, а королева нѣмка. Если, слѣдуя этимъ высокимъ образцамъ, мѣнять свою національность, какъ платье, подумалъ фонъ-Блейхроденъ, то космополитизмъ можетъ разсчитывать на блестящую будущность. Но его мучило, что заповѣди начальства не совмѣстимы съ жизнью! Онъ любилъ свою страну, какъ очагъ, но не какъ государство. Начальству національность была нужна въ видѣ отбывающихъ воинскую повинность, сборщиковъ податей, охранителей трона, потому что безъ національностей не могло быть и княжескихъ домовъ. Отсюда происходятъ такъ часто издаваемые законы противъ переселенія,

Фонъ-Блейхроденъ прожилъ въ Швейцаріи уже два съ половиной года, какъ вдругъ получилъ изъ Берлина приказъ о возвращеніи въ виду тревожныхъ слуховъ о войнѣ. На этотъ разъ Пруссія выступала противъ Россіи, той самой Россіи, которую она три года тому назадъ провозглашала своей «нравственной» поддержкой противъ Франціи. Фонъ-Блейхроденъ считалъ не порядочнымъ выступать противъ друзей, и такъ какъ онъ зналъ, что народы собственно ничего не имѣли одинъ противъ другого, то онъ и спросилъ у жены совѣта, какъ онъ долженъ разрѣшить эту новую задачу; онъ по опыту зналъ, что женская совѣсть ближе къ естественной, чѣмъ мужская. Подумавъ съ минутой, жена отвѣчала:

— Быть нѣмцемъ—больше, чѣмъ быть пруссакомъ, для этого и основанъ былъ германскій союзъ; но быть европейцемъ еще выше, чѣмъ быть нѣмцемъ; а быть человекомъ еще важнѣе, чѣмъ быть европейцемъ. Ты не можешь

перемѣнить національности, потому что всѣ «національности» враги между собой, а къ врагамъ не переходятъ, если только ты не монархъ, какъ Бернадоттъ или генераль-фельдмаршалъ, какъ графъ Мольтке. Тебѣ остается только нейтрализоваться. Сдѣлаемся швейцарцами! Швейцарія не національность!

Фонъ-Блейхроденъ, видя такое простое и счастливое разрѣшеніе вопроса, отправился сейчасъ же узнать, что для этого надо сдѣлать. Представьте же его изумленіе и радость, когда онъ узналъ, что уже выполнилъ всѣ условія, чтобы стать швейцарскимъ гражданиномъ (въ этой странѣ нѣтъ поданныхъ), такъ какъ прожилъ въ странѣ, не выѣзжая, два года.

Фонъ - Блейхроденъ. нейтрализовался, но, какъ онъ ни счастливъ, все-таки иногда онъ бываетъ не въ ладу со своей совѣстью.

Къ солнцу.

Вотъ уже долгихъ три недѣли, какъ не показывается солнце въ маленькой деревушкѣ Герзау, на Фирвальдштедтскомъ озерѣ, не показывается съ начала октября, когда пронесся южный вѣтеръ. Послѣ захода солнца вѣтеръ стихъ, и я проспалъ до полуночи, когда меня разбудилъ колокольный звонъ и шумъ вѣтра, сливавшійся съ воемъ бури; я слышалъ, какъ она порывами налетаетъ съ Альпъ на южный берегъ озера, бушуетъ въ котловинѣ, проносится по улицамъ деревушки, рветъ вывѣски, потрясаетъ ставни, срываетъ кровельное желѣзо, треплетъ верхушки деревьевъ и кусты. Волны озера бились о молъ, перекидывались черезъ него и плескались о борта лодокъ. Пескомъ било въ окна, листья крутились въ вихрѣ, желѣзные листы срывались и весь домъ дрожалъ. Выглянувъ въ окно, я увидѣлъ, что въ церкви свѣтло, а колокола звонили такъ громко, словно для того, чтобы разбудить тѣхъ, кто еще не проснулся; южный вѣтеръ считается такимъ же опаснымъ, какъ землетрясеніе; онъ не только можетъ разрушить дома, но сорвать съ горъ обломки скалъ, а наша деревушка расположена какъ разъ у подножья горы, ко-

торая хотя и имѣетъ всего 1500 метровъ высоты, но ея вершины и склоны покрыты легкимъ балластомъ обломковъ скалъ, которые всегда могутъ сползти при малѣйшемъ колебаніи. Послѣ трехчасовой бури опасность миновала, и на слѣдующее утро въ деревенской хроникѣ сообщалось, что въ Швицѣ кусокъ скалы сползъ на хуторъ и снесъ все правое крыло дома, нисколько не повредивъ лѣваго.

Послѣ этого сильного, жаркаго вѣтра деревню и озеро окуталъ туманъ. Небо покрыто тучами, но дождя нѣтъ, нѣтъ и солнца. Такъ проходятъ три недѣли, и все начинаетъ казаться въ мрачномъ сѣромъ свѣтѣ. Альпійскій ландшафтъ, высившійся передъ глазами, потерялъ свой характеръ съ тѣхъ поръ, какъ видно только на сто метровъ выше стѣнъ, и сердце сжимается тоской. Всѣ путешественники разѣхались, гостиницы стоятъ пустыми и подходить ноябрь мрачный и унылый. Дни медленно тянутся одинъ за другимъ, и тоскливо ждешь, когда можно зажечь огонь. Безнадежно сѣрое небо, сѣрое озеро, сѣрый ландшафтъ.

Ни вѣтра, ни дождя, ни грома. Природа, обычно такая богатая переменами, теперь невыносимо однообразна, спокойна, тиха, такъ безмятежна, что начинаешь жаждать землетрясенія. Когда гаснетъ источникъ свѣта, тускнѣютъ всѣ краски взоръ притупляется и душа погружается въ сонливость, граничащую съ лѣнностью.

Когда я однажды вечеромъ началъ жаловаться старшинѣ на такое долгое отсутствіе солнца, онъ отвѣтилъ съ присущимъ швейцарскимъ нѣмцамъ спокойствіемъ:

— Солнце! Его цѣлый день можно видѣть на верхнемъ утесѣ.

Верхній утесъ—одна изъ небольшихъ альпійскихъ вершинъ, окаймляющихъ котловину, въ которой мы живемъ; она лежитъ всего на двѣсти метровъ ниже Сюлительма и поэтому на нее охотно совершаютъ экскурсіи юные англичане. Какъ поклонникъ солнечнаго свѣта, я рѣшилъ предпринять восхожденіе къ солнцу, и однажды на разсвѣтѣ ноябрьскаго дня я отправился въ путь.

Живя у подножья горы, которая, какъ я упомянулъ, можетъ, подобно вулкану, извергать дождь камней, жители непрестанно готовятся предстать на судъ вѣчности и ежедневно утромъ, днемъ и вечеромъ посѣщаютъ церковь. Поэтому теперь въ восемь часовъ утра я уже встрѣчалъ прихожанъ съ молитвенниками въ рукахъ. Двѣ пожилыя женщины, которымъ надо пройти полмили до церкви, молятся всю дорогу, перебирая четки. Одна изъ нихъ читаетъ «Ave Maria», а другая возглашаетъ «In saecula saeculorum. Amen!» И такъ всю дорогу! Если эта молитва по четкамъ и не принесетъ пользы, то во всякомъ случаѣ она удержитъ языкъ отъ злословія, какъ небезызвѣстный свистъ, предписанный, если вѣрить одному анекдоту, графскому слугѣ, когда онъ отправлялся въ винный погребъ.

Покинувъ женщинъ и проѣзжую дорогу, чтобы начать подъемъ, я сразу попалъ подъ власть яркихъ и сильныхъ впечатлѣній. На первомъ же перекресткѣ стоитъ орѣховое дерево съ прибитымъ къ нему изображеніемъ Христа и дощечкой, извѣщающей путниковъ, что съ этого дерева во время сбора плодовъ упалъ крестьянинъ Зеппи и разбился на-смерть. Боже, смилуйся надъ его душой и помилуй его, аминь!

На другомъ поворотѣ стоитъ маленькая чудная ниша,

выложенная бѣлымъ кирпичомъ. Черезъ рѣшетку видно изображеніе Святого Семейства, писанное, можетъ быть, еще въ шестнадцатомъ вѣкѣ, и подъ нимъ подпись, что приговоренные къ смерти, отправляясь на мѣсто казни, останавливались у этой часовенки и произносили свою послѣднюю молитву. Итакъ, я поднимался по пути казни и черезъ нѣсколько минутъ достигъ лобнаго мѣста. Это была прелестная открытая площадка на выступѣ, обращенномъ къ морю, съ такимъ великолѣпнымъ видомъ, что является поистинѣ утѣшеніемъ проститься съ жизнью, видя передъ собою панораму, которая открывается здѣсь на Пилать, Аксенштокъ, Буоксергорнъ, Бюргенштокъ. И даже Вольтеръ согласился бы, чтобы его тайно повѣсили здѣсь, а этого онъ больше всего боялся въ жизни, такъ что Руссо, вполне справедливо, упрекалъ его за то, что онъ охотно далъ бы себя повѣсить, если бы къ висѣлицѣ была прибита доска съ его именемъ. Немного дальше, внизу, на берегу озера виднѣется часовня Дѣтоубійства, гдѣ какой-то обезумѣвшій отъ горя отецъ убилъ своего голоднаго ребенка. Эти четыре картины печально мерцаютъ въ тускломъ утреннемъ свѣтѣ. И я спѣшу прочь отъ этихъ кровавыхъ картинъ, скорѣе навверхъ, туда, гдѣ свѣтитъ солнце!

Область каштановъ скоро кончается, исчезаютъ орѣховыя деревья, и начинается буковый лѣсъ. Передохнувъ около пастушьей хижины, возлѣ которой паслись великолѣпныя коровы, подъ охраной безобразнаго пса, я вошелъ въ область облаковъ, окутавшихъ меня туманомъ и скрывающихъ ландшафтъ. Глядѣть становится трудно, глаза горятъ; деревья и кусты словно окутаны дымомъ, и миллионы паутинокъ, протянувшихся между вѣтвей, сплосъ

покрыты капельками воды, и кажется, что лѣсная фея развѣсила для просушки тысячи кружевныхъ платочковъ.

Туманъ затрудняетъ дыханіе осаждается на скрутку, бородѣ, волосахъ, бровяхъ, распространяетъ непріятный, затхлый запахъ, дѣлаетъ камни гладкими и скользкими, такъ что по нимъ трудно итти, и затемняетъ всю глубину лѣса, гдѣ стволы деревьевъ исчезаютъ въ однообразной сѣрой пеленѣ, и видишь передъ собой всего на нѣсколько саженой. Я долженъ пройти съ тысячу метровъ сквозь этотъ туманъ, сквозь это сѣрое, холодное чистилище, прежде чѣмъ я достигну неба, и я иду съ полнымъ довѣріемъ къ слову старшины, что туманъ разсѣется прежде, чѣмъ я достигну вершины Альпъ, за которой начинается сѣрое Ничто.

Со мной нѣтъ барометра, но я чувствую, что поднялся уже высоко, что туманъ начинаетъ разсѣиваться, и я приближаюсь къ чистому воздуху. Меня охватываетъ легкое опьяненіе, какъ послѣ хорошаго вина, и теперь въ лощину сверху падаетъ слабый свѣтъ, какъ первые лучи разсвѣта, проскальзывающіе сквозь ставни; стволы деревьевъ обрисовываются яснѣе, глаза видятъ дальше, и ухо улавливаетъ звонъ колокольчиковъ коровъ—гдѣ-то наверху. Надо мной, вверху, золотое облако; еще нѣсколько быстрыхъ шаговъ, и низкіе кустарники буковъ сверкаютъ золотомъ, мѣдью, бронзой, серебромъ, когда прорвавшіеся лучи солнца падаютъ на пожелтѣвшую, но еще не облѣтѣвшую листву.

Я стою среди холода и сырости осенняго дня, но передъ собой вижу залитый солнцемъ лѣтній ландшафтъ. Мнѣ вдругъ вспоминается поѣздка на парусахъ по Мэлару,

когда я сидѣлъ на солнечномъ свѣту, а съ боку съ надвѣтренной стороны, неподалеку отъ меня проносилась туча съ градомъ. И теперь я стою, наконецъ, въ области солнца, вижу выше себя сѣверный ландшафтъ съ елями и березами, вижу зеленя лужайки и рыжихъ коровъ; вижу маленькія хижинки, на порогѣ которыхъ сидятъ старушки и вяжутъ чулки своимъ старикамъ, которые работаютъ внизу; вижу гряды картофеля и кустарники лавенды, георгины и ноготки.

Я предоставляю солнцу высушить мои волосы и пальто, согрѣть мое озябшее тѣло. Я провѣтриваю свою шляпу подъ лучами пылающаго создателя и свѣтоносца вселенной; мнѣ все равно, состоитъ ли онъ изъ вѣчно пылающаго водорода или изъ еще непризнаннаго элемента гелія. Пра-родитель, зародившій безъ женщины міровыя тѣла, Все-могущій, дарующій жизнь и смерть, властный надъ холо-домъ и зноемъ, лѣтомъ и зимой, засухой и урожаемъ!

Насладившись зрѣлищемъ лѣта и зеленью травы, я взглянулъ внизъ во мракъ и глубины, черезъ которыя я прошелъ сюда. Надъ озеромъ, котораго не видно отсюда, лежитъ мракъ и холодъ, но уже не темные и холодные, а подобные блестящей бѣлой расчесанной шерсти, освѣщенной сверху лучами солнца и скрывая подъ собой сумракъ и грязную землю; а надъ этой бѣлой покрывкой поднимаются, сверкая, снѣговья вершины Альпъ, словно изъ сгустившагося серебрянаго облака, словно превратившіеся въ кристаллы воздухъ и солнечный свѣтъ, весеннія льдины, всплывшія на поверхность моря только что выпавшаго снѣга. Это буквально надземный ландшафтъ, рядомъ съ

которымъ такой банальной кажется идиллія коровъ съ колокольчиками, пасущихся подъ березами.

Но теперь среди окружающей мертвой тишины снизу, гдѣ печальные люди, дрожа, блуждаютъ въ туманѣ, доносится шумъ какого-то плеска, который все приближается и за которымъ глаза словно слѣдятъ подъ покровомъ облака. Это словно шумъ мельницы, потоки дождя,—волны прилива! Теперь снизу поднимается крикъ, вопль, словно жители всѣхъ четырехъ кантоновъ кричатъ о помощи противъ Ури-Ротштока, но это всего только свистокъ парового катера, и эхо утеса многократно повторяетъ его въ чистомъ воздухѣ, послѣ того какъ онъ доносится сюда сквозь пелену тумана.

Наступаетъ полдень!

Мнѣ пора спуститься внизъ, вернуться къ мраку сырости и грязи и, можетъ быть, ждать еще три недѣли, прежде чѣмъ я увижу солнце.

НОВЬ.

Майскій вечеръ спускался надъ Женевскимъ озеромъ. На виноградникахъ только что появились первые сочные зеленые ростки; соловьи, не умолкая, пѣли день и ночь въ вѣтвяхъ ливанскихъ кедровъ Бориважа; ползучія розы начинали закрывать собою каменные стѣны и заборы; теплый южный вѣтеръ приносилъ аромат молодой травы, и финиковыя деревья уже покрывались листьями. Въ маленькой гавани позади мола покачивались на водѣ свѣжевыкрашенные парусныя яхты подъ флагами всѣхъ національностей. Флаги мирно развѣвались по вѣтру, зангрывали между собой, какъ расшалившіеся школьники во время купанія, и ласково касались другъ друга. Блѣдный полумѣсяцъ развѣвался рядомъ съ сіяющимъ созвѣдіемъ; черный орелъ ласкался къ трехцвѣтному знамени, красный флагъ Альбіона съ голубымъ угломъ, служащимъ воспоминаніемъ о залитыхъ кровью голубыхъ холмахъ и озерахъ покоренной родственной страны; желто-красный испанскій флагъ и голубой съ бѣлымъ греческій флагъ,— всѣ они, позабывъ вражду, наслаждались миромъ подъ гостепримной сѣнью бѣлаго креста на красномъ полѣ;

всѣхъ ихъ въ эту минуту одинаково освѣщало заходящее солнце, всѣ они вырисовывались яркими пятнами на темномъ фонѣ Савойскихъ Альпъ, покой которыхъ теперь нарушается только одинокими выстрѣлами охотниковъ за дикими козами, послѣ того какъ на вершинахъ ихъ ужъ много лѣтъ тому назадъ замолкъ навѣки грохотъ пушекъ и трескъ кремневыхъ ружей.

Веселые, радостные люди спѣшили толпою въ паркъ Бориважа посмотрѣть на цвѣтущую магнолію. Тамъ стояло сказочное дерево съ темными гибкими вѣтвями безъ единого листика, но покрытое отъ самаго корня до вершины тысячами бѣлыхъ колоколовъ съ фіолетовыми жилками. Садовникъ вырубилъ вокругъ магноліи лавровыя деревья и японскій кизиль для того, чтобы эта царица южныхъ солнечныхъ странъ могла показать свою красоту удивленнымъ людямъ. Къ ней подходили съ благоговѣніемъ, смѣхъ и шутки почтительно умолкали, и чужеземцы, видѣвшіе ее въ первый разъ, стояли передъ ней, какъ передъ откровеніемъ, смущенные и серьезные. Хотѣлось подойти къ ней ближе и потрогать ее руками, чтобы убѣдиться въ ея реальности, но гладко выстриженный газонъ удерживалъ толпу въ почтительномъ отдаленіи. Крикливая пестрота тюльпановъ на грядкахъ поблекла, ее затмила величественная красота простыхъ бѣлыхъ цвѣтовъ, бѣлыхъ, какъ нарядъ невѣсты или какъ саванъ мертвеца, и черный кедръ простиралъ надъ ней свои длинныя вѣтви, на которыхъ торчали какъ пальцы молодые побѣги, какъ бы благословляя первую красавицу на весеннемъ свадебномъ пиру.

На скамейкѣ у самаго озера сидѣли двѣ пожилыя дамы.

Обѣ онѣ были одѣты элегантно, можетъ быть даже слишкомъ элегантно для своего возраста. Одна изъ нихъ держала въ рукахъ книжку англійскаго журнала, страницы котораго она разсматривала съ помощью золотой лорнетки. У нея было поблекшее, желтое строгое лицо, и носъ ея имѣлъ ту благородную форму, которая по общепринятому мнѣнію служитъ вѣрнымъ признакомъ, указывающимъ на богатство родителей и благородство характера. Когда она отрывалась отъ книги и смотрѣла на самый красивый въ мірѣ ландшафтъ, лицо ея принимало такое выраженіе, какъ будто при сотвореніи Альпъ и даже самаго солнца творцомъ было сдѣлано какое-нибудь крупное упущеніе.

Ея сестра казалась олицетвореніемъ добродушія, снисходительности и довольства. Она ласково, какъ бы въ знакъ одобренія, кивала всему, что попадало ей на глаза, и старалась всегда избѣгать тѣни и всего печальнаго, а когда это ей не удавалось, она закрывала глаза и мечтала о чемъ-нибудь прекрасномъ. Если при ней начинали рассказывать про какое-нибудь несчастіе или про совершенное гдѣ-нибудь преступленіе, она всегда просила позволенія не слушать, говоря, что она не можетъ помочь случившейся бѣдѣ, а потому подобные разговоры доставляютъ ей только лишнее страданіе. Она обмахивалась сложенной газетой.

Между двумя дамами сидѣла молодая дѣвушка. По швейцарскимъ понятіямъ, она была красавицей. У нея были бѣлокурые волосы, красивый овалъ лица, низкій лобъ, прямой и узкій носъ. Такую форму носа заботливыя мамы стараются получать искусственно и съ этой цѣлью всячески сдавливаютъ широкіе носы своихъ дочерей. Высокая грудь,

прямая плечи и узкая талия напоминали рисунки средне-вѣковыхъ красавицъ. На колѣняхъ молодой дѣвушки лежала раскрытая книга, но она не читала и безпокойно оглядывалась кругомъ. Она смотрѣла на лебедя, плававшего у самаго берега съ только что вылупившимися птенцами. Она смотрѣла на маленькихъ американцевъ, спускавшихся съ купальными костюмами въ рукахъ къ купальнямъ. Она смотрѣла на паруса лодокъ, плававшихъ тамъ далеко въ просторѣ озера. Она смотрѣла на бѣлыхъ чаекъ, свободно летѣвшихъ куда имъ угодно. Наконецъ, осмотрѣвъ все, она захлопнула книгу и сказала усталымъ голосомъ:

— Хорошо быть лебедемъ!

— Лебедемъ? — спросила строгая незамужняя тетка. — Какія глупости! Лебедемъ приходится каждый годъ въ апрѣлѣ мѣсяцъ выводить пятерыхъ птенцовъ!

— Милая Бланшъ, что съ тобою сегодня? — спросила добродушная тетка. У нея умеръ мужъ и единственный ребенокъ.

— Со мною? Ничего, — отвѣчала Бланшъ и покраснѣла.

Послѣ этого онѣ замолчали.

Мимо нихъ прошла компанія англійскихъ туристовъ съ альпенштоками и рюкзаками на плечахъ. Молодые люди шли съ дѣвушками подъ руку, и у всѣхъ былъ веселый и счастливый видъ. Глядя на гамашы, короткія юбки и шотландскія шапочки молодыхъ англичанокъ, Бланшъ подумала о томъ, что у нихъ очень мужественный видъ въ такомъ нарядѣ. Онѣ будутъ спать ночью въ шалашѣ, проснутся на зарѣ и будутъ подниматься въ горы. Онѣ

будутъ ѣсть хлѣбъ съ сыромъ и запивать бѣлымъ виномъ. Все это онѣ будутъ дѣлать однѣ, безъ родителей, тетокъ и гувернантокъ. И Бланшъ почувствовала себя плѣнницей, которую стерегутъ двое часовыхъ. Если бы она попросила разрѣшенія искупаться, онѣ бы пошли за ней съ двумя термометрами; если бы она вздумала поѣхать на лодкѣ, онѣ захватили бы съ собою трехъ лодочниковъ и два молитвенника; если бы она захотѣла пойти гулять съ подружками, онѣ бы тоже пошли съ ними гулять. Когда ей приходила въ голову шаловливая мысль, онѣ догадывались объ этомъ и уличали ее. Когда ее начинали волновать непонятныя и смутныя чувства, онѣ испытующе смотрѣли на нее. Она ненавидѣла ихъ. Она готова была убѣжать отъ нихъ на край свѣта или броситься въ озеро, но при этой мысли ея дрессированное сердце чувствовало какой-то укоръ. Она начинала укорять себя въ неблагодарности. Эти двѣ женщины жили только для нея, она была ихъ единственной радостью. Она была ихъ радостью, но какую радость доставляли онѣ ей? Правда, онѣ кормили ее и давали ей воспитаніе, но ребенокъ за это не можетъ быть благодарнымъ, потому что онъ еще не понимаетъ, что такія заботы достойны благодарности.

Правда, онѣ давали ей совсѣмъ особое образованіе. Она предназначалась къ тому, чтобы отомстить за свой полъ. Она должна была сдѣлаться студенткой и доказать всему міру, что женщина умственна не ниже мужчины. Міръ въ этомъ никогда не сомнѣвался, а строгая тетка была въ этомъ глубоко убѣждена. Она должна была отомстить за всѣ обиды, которыя были нанесены мужчинами строгой теткѣ тѣмъ, что ни одинъ лейтенантъ кавалеріи не ухажи-

валь за ней. Кромѣ того, она должна была замѣнить добродушной теткѣ ея умершаго мужа и ребенка. Поэтому на долю ея доставалась вся любовь и нѣжность, которыя были предназначены этимъ двумъ покойникамъ. Такова была ея двойная жизненная задача, но все это не удовлетворяло Бланшъ. Незадолго передъ этимъ она читала про антропоморфныхъ обезьянъ, у которыхъ самецъ пользовался неограниченной властью и заставлялъ все молодое поколѣніе жить только для себя. Потомъ, когда молодежь вырастала, она неизмѣнно устраивала форменную революцію и такимъ образомъ получала свободу. И Бланшъ думала о томъ, что законы природы, повидимому, не вездѣ одинаковы.

Мимо нихъ прошла съ пѣніемъ толпа студентовъ. Съ барабаннымъ боемъ и развѣвающимися знаменами они спустились къ озеру, гдѣ ихъ ждали лодки, украшенныя флагами. Разноцвѣтныя фуражки и пестрыя ленты на курткахъ корпорантовъ, свободныя движенія молодыхъ гребцовъ и бодрящій бой барабановъ, какъ-то странно волновали сердце дѣвушки.

Тетка, читавшая англійскій журналъ, посмотрѣла сквозь лорнетку на студентовъ строгимъ и злобнымъ взоромъ, какъ будто бы хотѣла имъ сказать: „Постойте, мы вамъ покажемъ!“ А Бланшъ въ это время думала: „Черезъ три недѣли и я буду студентомъ, но мужчиной я не буду никогда!“

Изъ мрака прошлаго до насъ доносится и звучитъ въ наши дни одинъ и тотъ же стонъ женскихъ голосовъ: — «Если бы я могла быть мужчиной!» Откуда этотъ стонъ? Не есть ли это протестъ противъ владычества мужчинъ?

Но вѣдь Бланшъ угнетали двѣ женщины, а всѣ мужчины встаютъ противъ угнетенія. Можетъ быть, въ этомъ стонѣ культура выносить сама себѣ смертный приговоръ? Можетъ быть, это крикъ искалѣченной и истерзанной природы, которая предпочитаетъ полное уничтоженіе пола, вопреки законамъ природы, полусвободной полурабской жизни? И развѣ женщины добиваются свободы не такъ же упорно какъ и мужчины?

Бланшъ хотѣлось домой. Ей что-то нездоровилось. Становилось прохладно. Старыя дамы поднялись, и строгая тетя Берта, которой было тяжело ходить, по старой привычкѣ взяла Бланшъ подъ руку. И онѣ медленно пошли, тихо передвигая ноги. Бланшъ слышала пѣніе студентовъ, доносившееся съ простора озера. Но она должна была повернуться спиной къ залитому солнцемъ ландшафту и итти по направленію къ сѣрому мрачному городу. Ей хотѣлось побѣгать, но тяжелая рука тетки удерживала ее на мѣстѣ, какъ костыль калѣку. Она чувствовала, какъ худая старческая рука опиралась на ея руку. Она чувствовала себя связанной неразрывными узами со старостью и прикованной къ эгоистической нѣжности, которая всегда воображаетъ, что даетъ тамъ, гдѣ она только получаетъ.

Медленно, шагъ за шагомъ, какъ похоронная процессія, шли онѣ по направленію къ желѣзнодорожной станціи. Приходилось постоянно останавливаться, чтобы дать отдохнуть тетѣ Бертѣ.

Потомъ онѣ усѣлись въ купэ и сидѣли въ немъ молча и рассматривали вывѣски и афиши на стѣнахъ вокзала. Потомъ поѣздъ медленно потащилъ ихъ черезъ туннель въ Лозанну.

Послѣ ужина Бланшъ должна была итти на именины къ подругѣ, жившей черезъ улицу. Въ десять часовъ за ней должна была притти прислуга, чтобы проводить ее домой. Но Бланшъ нездоровилось въ этотъ вечеръ, и она предпочла остаться дома. У нея болѣла голова, и ее знобило. Бланшъ ушла въ свою комнату, расположенную позади спальни тетокъ, и попросила разрѣшенія остаться одной, такъ какъ она собиралась заниматься. Комната была большая и свѣтлая со множествомъ всевозможныхъ бездѣлушекъ. Мягкая мебель была обита матеріей и покрыта подушками, полъ былъ устланъ ковромъ, и на стѣнахъ висѣли картины. Но вмѣсто туалета стоялъ кабинетный шкафчикъ, вмѣсто комода — огромный письменный столъ съ многочисленными ящиками и полочками, а по обѣимъ сторонамъ окна красовались два огромныхъ книжныхъ шкафа. Среди стройныхъ рядовъ книгъ бросались въ глаза синія обложки милой «Revue Suisse» и ярко-красная «Revue des deux Mondes». Столъ былъ заваленъ учебниками и тетрадями. Бланшъ сѣла за столъ и стала ихъ перелистывать. Передъ ней лежали тѣ самые освободители, при помощи которыхъ она должна была сдѣлаться равной съ мужчинами. И Бланшъ думала о томъ, что при всемъ желаніи она еще не чувствовала признаковъ этого освобожденія. Даже напротивъ, съ каждымъ днемъ голова становилась тяжелѣе, а мысли менѣе свободными. Во всѣхъ этихъ книгахъ, одобренныхъ и рекомендованныхъ государствомъ, не было ни одного слова о свободѣ. Въ нихъ говорилось о разныхъ несуществующихъ вещахъ, о томъ, что было и уже больше никогда не повторится, но о настоящей жизни, о томъ, что совершается кругомъ, и о

будущемъ тамъ не говорилось ничего. Въ этихъ книгахъ было какое-то сплошное прославленіе человѣческой глупости. Тамъ съ похвалою говорилось о великомъ реформаторѣ Кальвинѣ, который самъ, едва избавившись отъ смерти на кострѣ за непризнаніе таинства причащенія, приказалъ сжечь Михаила Сервета за то, что онъ не соглашался признать святой Троицы. Тамъ восторженно говорилось о клятвопреступникѣ и анархистѣ Вильгельмѣ Теллѣ, который, строго говоря, даже не былъ честнымъ человѣкомъ, потому что нарушилъ данную клятву и взбунтовалъ народъ. Бланшъ не могла понять, какъ можно ухитриться такъ близко подойти къ зяблику, чтобы считать его кроющія перья, а это было необходимо сдѣлать, чтобы отличить его отъ дрозда. Она была твердо увѣрена въ томъ, что ни за что не приметъ навозника за жужжелицу, и для этого ей не надо было считать тарзальные членики. Она также была убѣждена, что на рынкѣ, сумѣетъ отличить красноглазку отъ карпія, даже не зная сколько у нихъ чешуй въ боковой линіи. Въ жизни ей едвали предстояло когда-либо имѣть дѣло съ прямоугольнымъ треугольникомъ и едва ли могла представиться необходимость доказывать какому-нибудь скептику, что квадратъ гипотенузы равенъ суммѣ квадратовъ обоихъ катетовъ. Она также не могла понять, зачѣмъ ей могутъ понадобиться логарифмы; она не собиралась дѣлаться мореплавателемъ, да кромѣ того, Колумбъ открылъ Америку, совершенно не зная логарифмовъ, изобрѣтеніемъ которыхъ прославился Лейбницъ двумя столѣтіями позже. Она не могла сообразить, какую пользу могли ей принести послѣднія открытія астрономіи, потому что египтяне соста-

вили календарь, не зная Гершелевскаго телескопа. Она не видѣла никакого толка въ законахъ Архимеда и Бойля-Мариотта, потому что Эдиссонъ безъ нихъ сумѣлъ изобрѣсти телефонъ. Въ такомъ случаѣ, въ чемъ же заключалась сила этихъ книгъ, которыя должны были дать ей свободу? Заключалась ли она въ дипломъ или въ той мести, о которой безпрестанно твердили теткѣ? Но Бланшъ не понимала, кому она должна была мстить. Мужчины ее никогда не обижали, а угнетали ее только женщины. Когда была жива мать Бланшъ, она неотступно была при ней, а отца никогда не бывало дома. Потомъ учительницы стали запираеть ее, какъ арестантку. Учителей у нея никогда не было. Только одинъ разъ былъ учитель музыки, но онъ хотѣлъ умереть изъ любви къ ней, и за это его прогнали. Теткѣ берегли ее, какъ зеницу ока. Но берегли онѣ ее не отъ несчастій на улицѣ, не отъ пожаровъ и землетрясенія, а отъ чего-то худшаго. Онѣ берегли ее отъ скверныхъ мальчишекъ. А скверные мальчишки были всегда ласковы и любезны, и Бланшъ за это предпочитала ихъ своимъ подругамъ, которыя были завистливы и злы. И Бланшъ не могла понять, почему ее такъ оберегали отъ мужчинъ и за что она должна была имъ мстить. Она думала о томъ, что, если когда-нибудь она будетъ настолько сильна, что сможетъ сражаться съ своими врагами, то сила ея будетъ направлена не противъ мужчинъ. Она мечтала о томъ, что придетъ мужчина и освободить ее. И она представляла себѣ этого мужчину обязательно пахнущимъ табакомъ, въ грязныхъ сапогахъ и съ небритымъ лицомъ, однимъ словомъ такимъ, какихъ презирала и не выносила его тетя Берта.

Она оглянулась въ комнату, ища какого нибудь выхода. Но выхода не было. Она была въ каменномъ мѣшкѣ, въ мышеловкѣ, а снаружи лежали кошки и караулили свою жертву. Бланшъ встала и начала ходить по ковру изъ угла въ уголъ, какъ узникъ по своей тюрьмѣ. У нея болѣла голова. Она достала бутылку съ уксусомъ изъ шкафчика; по мнѣнію тети Берты, студентка не могла имѣть туалетнаго стола. Она намочила уксусомъ полотенце и обернула имъ голову. Потомъ она посмотрѣлась въ зеркало; все лицо было красно, кромѣ темныхъ круговъ подъ глазами. Былъ ли это избытокъ здоровья, которое не могли подорвать ученыя книги, или это былъ признакъ болѣзни? Какъ бы то ни было, но краснота лица не пришлась ей по вкусу, она приложила стклянку ко рту, выпила большой глотокъ уксуса съ такимъ видомъ, будто она уже давно привыкла къ этому напитку, и затѣмъ поставила стклянку на прежнее мѣсто. Послѣ этого она открыла окно, высунулась въ него и хотѣла вдохнуть свѣжаго воздуха, но горячій воздухъ былъ сухъ, и вѣтеръ несъ съ собой столько пыли, что она поспѣшила закрыть окно и спустила штору. Она поставила лампу на столикѣ около дивана. Рядомъ на этажеркѣ стояла шкатулка съ духами. Бланшъ посмотрѣла на нее, потомъ оглянулась на дверь, подошла къ ней на цыпочкахъ, прислушалась и заперла задвижку. Сдѣлавъ это, она подошла къ шкафу, достала изъ него мѣховую пелерину на голубой шелковой подкладкѣ, наинула ее на плечи, забралась съ ногами въ дальній уголъ дивана и поставила себѣ на колѣни шкатулку съ духами.

Было что-то странное и неестественное во всей обстановкѣ этой комнаты, освѣщенной матовымъ свѣтомъ лампы.

Отдѣльные предметы напоминали то дѣвичью комнату, то коморку студента, то комнату коммерсанта. На диванѣ сидѣла хозяйка съ лицомъ дѣвочки и затылкомъ мальчика, съ чернильными кляксами на пальцахъ, какъ у школьника, и съ красивой ногой съ высокимъ подъемомъ, какъ у танцовщицы. Стоячій крахмальный воротничокъ и галстукъ, завязанный узломъ, какъ-то не гармонировали съ дѣвичьей грудью. Неприятный запахъ уксуса смѣшивался съ ароматомъ духовъ, которыми она прыскала вокругъ себя. Сперва полился дождь съ сладкимъ запахомъ нарцисса и илангъ-иланга, отъ котораго воздухъ въ комнатѣ наполнился одуряющимъ ароматомъ. Съ раздувающимися ноздрями и широко открытымъ ртомъ Бланшъ вдыхала опьяняющій воздухъ, и кровь снова усиленно прилиwała къ ея щекамъ, поблѣднѣвшимъ отъ уксуса. Потомъ полился мелкій дождикъ съ запахомъ ландышей, непорочнымъ и чистымъ, какъ весенній ароматъ майскихъ цвѣтовъ. Она закрыла глаза, и въ ея воображеніи проносились знакомые образы, свѣтлые весенніе пейзажи, нескошенные луга, цвѣтушія фруктовыя деревья, рѣзвящіяся дѣти и высоко плывущія облака. Ей чудились звуки альпійской свирѣли, шумъ ручья, гудки пароходовъ и пѣніе молодыхъ голосовъ. Въ эту минуту вся ея печальная, однообразная сѣрая молодость была забыта. Молитвы и учебники, припарки и камфарный спиртъ, разговоры о рентѣ и сплетни, экзамены и награды, докучливыя ласки и строгая любовь. Потомъ мечты подернулись туманомъ, яркіе образы потускнѣли и ихъ замѣнили воспоминанія о будничной сѣрой дѣйствительности. Тогда она снова открыла коробку, на коверъ снова полился душистый дождикъ, и въ ея воображеніи стали

проносятся картины ранней осени съ свѣжескошенными лугами. Сѣно убрано, пестрые увѣты стали сухимъ кормомъ и готовы превратиться въ экспортное масло. Лѣто уже прошло, и настала осень. Нѣтъ, не надо осени! Бланшъ взяла другой флаконъ съ духами фіалки. И изъ пестрыхъ узоровъ пыльнаго ковра стали вырастать фіалки и подснежники, голуби ворковали на солнцѣ, и снѣгъ таялъ. Лебеди цѣловались клювами, и рыбы метали икру, въ травѣ трещали кузнечики и смолистая почка каштана набухала, чтобы потомъ, распустившись цвѣткомъ, исполнить свое назначеніе при свѣтѣ весенняго солнца.

Бланшъ закрыла глаза. Грудь дышала порывисто, и кровь горячей волной приликала къ щекамъ. Вотъ она въ лѣтній вечеръ сидитъ въ Фрейбургскомъ соборѣ. Темнѣетъ, и органъ звучитъ въ неясномъ сумракѣ. Дверь въ часовню гроба Господня открыта. Тамъ лежитъ тѣло Спасителя. Звуки органа гремятъ побѣдно: *dies irae, dies illa, dies irae, dies illa...* Это голоса людей, это голоса ангеловъ, это голоса титановъ; они хотятъ поднять куполь и вырваться наружу, а на дворѣ становится все темнѣе, и разноцвѣтныя окна съ портретами королей и святыхъ теряютъ краски и становятся черными. Стройныя колонны сдвигаются вмѣстѣ какъ тополевая аллея, и ряды скамеекъ собираются въ одну кучу, какъ перепуганная людская толпа. Вдругъ раздается страшный ударъ грома. Можно подумать, что по крышѣ кто-то провезъ батарею громыхающихъ пушекъ. Фиолетовая молнія озаряетъ куполь и осѣщаетъ въ часовнѣ у алтаря образъ святого Франциска. Сразу становится такъ свѣтло, что можно разобрать слова надъ алтаремъ: «Распи свою плоть!» Органъ, заглушаемый гро-

момъ, вступаетъ въ единоборство съ стихіей, и незримый органистъ беретъ одинъ за другимъ могучіе аккорды. Потомъ наступаетъ пауза, во время которой звучитъ только флейта, потомъ къ ней присоединяются высокія и низкія октавы, ее подкрѣпляютъ терціи, подхватываютъ септимы: и звуки разсыпаются въ квинтахъ. Потомъ присоединяются еще новые голоса, гобой и фаготы, vox humana и голосъ ангельскихъ трубъ. Педали гремятъ въ аккордахъ басовъ, и необъятные звуки несутся, какъ хоры титановъ, какъ смѣлые вызовы врагу, какъ громкіе стоны страдающаго человѣчества. Но громъ становится сильнѣе, и эхо въ Фрейбургскихъ Альпахъ и въ глубокихъ долинахъ Сарины удваиваетъ гулъ и грохотъ ударовъ. Органъ выбивается изъ силъ, онъ реветъ и гремитъ, онъ кричитъ и стонетъ, но вотъ новая молнія, за ней слѣдуетъ новый ударъ, и кажется, что все листовое желѣзо на свѣтѣ сброшено съ неба на висячій чугунный мостъ. Стекла дребезжатъ, и двери хлопаютъ. Органъ стихаетъ. Онъ побѣжденъ, у него нѣтъ больше силъ, чтобы бороться, но онъ еще не хочетъ сдаваться. Сначала раздается пѣніе съ аккомпаниментомъ флейты, и постепенно мотивъ переходитъ въ знакомый свѣтскій романсъ, потомъ начинаютъ прорываться удалые звуки какой-то дикой плясовой пѣсни. Тонкія бѣлыя трубы органа превращаются въ огромныя свирѣли, пухлыя щеки золоченыхъ ангеловъ начинаютъ раздуваться, подбородки вытягиваются и украшаются козлиными бородками, въ кудрявыхъ волосахъ появляются острые маленькіе рожки. Херувимы лукаво подмигиваютъ глазами и играютъ на свирѣляхъ гимны въ честь Фавна, бога лѣсовъ, бога природы и плодородія.

Верхушки колоннъ покрываются листьями, и воздухъ оглашается веселымъ пѣніемъ птицъ. Подъ сморщенной синеватой кожей святого Франциска начинается просвѣчивать розовое мясо, и онъ въ видѣ счастливаго юноши беззаботно уходить съ Маріей Магдалиной на верхніе хоры, и тамъ они любовно отпускаютъ другъ другу грѣхи. Изъ часовни гроба Господня выходитъ Аполлонъ съ колыхающимися бедрами и развитой грудной клѣткой. Онъ съ веселой улыбкой смотритъ на плачущихъ у гроба женщинъ, простираетъ руку въ знакъ своей побѣды надъ смертью и побѣдно говоритъ: „Христосъ воскресъ!“ Подъ землею въ это время слышенъ стукъ; это мертвецы хотятъ выйти изъ своихъ гробовъ и кричатъ: „Слово было плотью!“

Отъ этого шума Бланшъ проснулась. Лампа еще горѣла на столѣ. Воздухъ въ комнатѣ былъ невыносимо душливъ. Кто-то стучался въ дверь.

Бланшъ вскочила, открыла задвижку и упала, рыдая, на стулъ. Все тѣло ея вздрагивало отъ рыданій. Тетки уложили ее въ постель, развели въ каминѣ огонь и наполнили ее ромашкой.

Экзаменъ прошелъ благополучно, и въ этотъ вечеръ Бланшъ сидѣла дома съ тетками, пригласившими къ чаю нѣсколькихъ подругъ. Тетя Берта сіяла, какъ подушка, утыканная иголками. Бланшъ чувствовала себя спокойной, какъ человекъ только что избавившійся отъ опасности. Наступила уже жара, поэтому окна оставались открытыми весь вечеръ, и съ улицы доносился веселый гулъ. Бланшъ знала, что новые студенты собирались устроить праздникъ; одинъ изъ товарищей даже просилъ ее принять въ немъ

участіе, но у нея не хватало смѣлости попросить объ этомъ тетокъ и не было мужества оставить ихъ однѣхъ въ такой вечеръ, какъ сегодня. Бланшъ радовалась тому, что ея заточенію приходитъ конецъ. Въ ней снова оживала надежда на свободу, но она понимала, что въ лучшемъ случаѣ ей удастся только удлинить свою цѣпь, и она знала, что ненавистныя цѣпи не будутъ порваны.

— Вотъ, послушайте, — сказала тетя Берта, — какое прекрасное сообщеніе помѣщено въ газетѣ по поводу экзамена Бланшъ. «Освобожденіе женщины, повидимому, уже становится дѣйствительностью, — читала тетка. — Въ теченіе многихъ столѣтій упорно держался предразсудокъ, будто бы назначеніе женщины состоитъ исключительно въ томъ, чтобы рожать и кормить дѣтей, но сегодня онъ получилъ блестящее опроверженіе. Мы съ особымъ удовольствіемъ сообщаемъ нашимъ читателямъ, что мадемуазель Бланшъ Шапюи сегодня блестяще выдержала экзаменъ зрѣлости и поступила въ цюрихскій университетъ на медицинскій факультетъ».

— Я совершенно не понимаю, — сказала Бланшъ, которую совсѣмъ не интересовало подобное освобожденіе, — почему эти господа такъ восторгаются, когда дѣвушка выдерживаетъ экзаменъ, который безъ особаго труда дается даже самымъ глупымъ мужчинамъ.

— Бланшъ права, — сказала молодая учительница, — и по-моему «La Revue» дѣлаетъ совершенно вѣрное замѣчаніе, говоря: «Очень характерно, что наши консервативные коллеги трубятъ побѣду каждый разъ, какъ молодая дѣвушка выдержитъ экзаменъ и поступитъ въ университетъ. Въ наши дни интеллигентный пролетаріатъ предста-

вляеть уже внушительный общественный классъ; но экзаменъ зрѣлости, къ сожалѣнію, до сихъ поръ доступенъ только состоятельнымъ людямъ и останется привилегіей богатыхъ. Наши студентки должны открыто заявить, что онѣ отказываются отъ чести быть предметомъ восторговъ и восхваленій, потому что такое положеніе является оскорбительнымъ для всего женскаго пола. Уже одно то, что консервативные элементы принимаютъ съ распростертыми объятіями каждую новую студентку, можетъ служить подтвержденіемъ нашему мнѣнію, что эти господа рассчитываютъ на подкрѣпленіе своихъ рядовъ учеными женщинами. Мы только тогда присоединимъ свой голосъ къ общему ликованію, когда экзаменъ зрѣлости станетъ доступнымъ для всѣхъ безъ различія пола и общественнаго положенія».

— Удивительно разсуждаютъ ваши люди прогресса! Скажите пожалуйста,—экзаменъ зрѣлости для всѣхъ! Это не штука, выдержать такой экзаменъ! — сказала сердито тетя Берта.

— Да мы и не собираемся показывать фокусы,—отвѣтила Бланшь,—и по-моему «la Revue» совершенно права.

— Теперь я знаю, чему васъ учать, — ворчала тетя Берта.

— Знаешь ли тетя, — сказала Бланшь, чувствовавшая въ этотъ вечеръ какую-то непривычную смѣлость, — ты, конечно, не найдешь этихъ мыслей у Эвклида или Юлія Цезаря, потому что въ учебникахъ очень много говорится или о пустякахъ или о насгоящихъ глупостяхъ. Но подумай только, что должны чувствовать всѣ портнихи, ирачки, всѣ поденщицы и крестьянки, которымъ не уда-

лось сдѣлать того, что сдѣлала я, исключительно благодаря вашей щедрости? Можетъ быть, ты, тетя, думаешь, что всѣ женщины должны сдавать экзаменъ зрѣлости? Но въ такомъ случаѣ, почему же ты забываешь про всѣхъ мужчинъ, про ремесленниковъ, рабочихъ, крестьянъ, конторщиковъ и прочихъ? Все, въ сущности, сводится къ чисто экономическому вопросу, и если кому-нибудь удалось приобрести немножко знаній, благодаря состоятельности родственниковъ или друзей, то этимъ нечего хвастаться въ газетахъ, потому что это такъ же нелѣпо, какъ публиковать о томъ, что у меня хватило средствъ, чтобы сшить себѣ шелковое платье.

— Наша маленькая Бланшъ стала такимъ философомъ, — сказала тетя Берта, — что ея старая тетка, которая не сдавала экзамена зрѣлости и потому не можетъ спорить съ ней въ учености, даже не знаетъ, что ей отвѣтить. Но маленькая Бланшъ должна бы была показать намъ, что она дѣйствительно образованная дѣвушка, и ей не слѣдовало бы говорить со старшими такъ смѣло, чтобы не сказать — такъ дерзко. Конечно, можно знать очень много наукъ и вмѣстѣ съ тѣмъ можно быть необразованнымъ человекомъ. Потому что образованіе надо искать не въ книгахъ, а въ собственномъ сердцѣ. Да, въ собственномъ сердцѣ, милая Бланшъ!

Бланшъ раскаивалась въ томъ, что невольно оскорбила тетку, но ей ужасно хотѣлось продолжать споръ и разбить легковѣсные аргументы тети Берты. Однако, она устояла противъ искушенія, хотя прекрасно понимала, что совершенно не заслуживаетъ тѣхъ упрековъ, которые ей сдѣлала тетка. Бланшъ чувствовала, что гнѣвъ и раздраженіе

тети Берты достигли тѣхъ предѣловъ, когда она уже не можетъ слышать возраженій и принимаетъ ихъ за личное оскорбленіе.

За ужиномъ тетя Берта подняла свой стаканъ и предложила выпить за сегодняшнюю побѣду (капитала?). Она выразила надежду, что скоро настанетъ время, когда всѣ женщины (но не всѣ мужчины!) будутъ сдавать экзаменъ зрѣлости, и сказала, что увѣрена въ томъ, что настанетъ день, когда женщины выйдутъ побѣдительницами изъ борьбы (съ законами природы?) и покажутъ мужчинамъ...

Сквозь открытыя окна слышались звуки оркестра. Бланшъ знала, что это такое. Это студенты спускались въ Бориважъ на свой сегодняшний праздникъ. Сапоги ихъ звонко стучали о камни мостовой. Бланшъ не могла сидѣть смирно, она вскочила и подбѣжала къ окну. Они шли толпой по улицѣ съ развѣвающимися знаменами и съ разноцвѣтными лентами. Какъ бы она хотѣла быть въ эту минуту съ ними! Какъ бы она хотѣла идти съ ними подъ руку, пѣть полною грудью, свободно высказывать свои мысли и потомъ, можетъ быть, танцевать! Но вотъ ее увидели. Знамена приклонились, шапки полетѣли вверхъ и громовое ура на минуту заглушило оркестръ. Это привѣтствіе, которое она не желала принимать, какъ поклоненіе, такъ тронуло Бланшъ, что слезы показались у нея на глазахъ, и въ то же время она почувствовала какую-то острую боль въ сердцѣ и пудовыя гири въ рукахъ и ногахъ. Вдали замирали звуки шаговъ, и Бланшъ увидела идущаго по улицѣ знакомаго студента, отставшаго отъ товарищей. Онъ привѣтливо махалъ ей фуражкой и какъ будто звалъ ее съ собой туда, далеко, далеко, къ счастью,

къ свободѣ и къ борьбѣ. Бланшъ уже хотѣла отойти отъ окна, когда она вдругъ замѣтила у воротъ противоположнаго дома сапожнаго подмастерья. Онъ стоялъ за воротами съ парой сапогъ подъ мышкой и смотрѣлъ вслѣдъ уходившимъ студентамъ. Какъ и она, онъ смотрѣлъ имъ въ слѣдъ долгимъ, долгимъ взглядомъ. И Бланшъ подумала: «На свѣтѣ больше мужчинъ, мечтающихъ о свободѣ, чѣмъ насъ, женщинъ». А бѣдно одѣтый юноша вышелъ изъ-подъ воротъ и тихо и незамѣтно пошелъ своей дорогой, и не замѣтили его тѣ счастливыя, которые, сами того не зная, помимо своей воли, доставили ему тяжелое огорченіе.

Ужинъ кончился, и гости ушли. Бланшъ сказала, что она устала послѣ тревоженій этого дня, и заперлась у себя въ комнатѣ. Первымъ дѣломъ она собрала всѣ учебники и швырнула ихъ въ уголъ. Потомъ она сѣла къ письменному столу и задумалась. Она вспомнила экзамены и думала о томъ, что они какимъ-то чудомъ прошли такъ благополучно. Если бы учитель спросилъ про испанскія войны, если бы ее заставили переводить изъ третьей книги Ливія, если бы ее попросили разсказать о пропорціяхъ или о злакахъ, если бы ее стали спрашивать по остеологіи или освѣдомились объ ея познаніяхъ о нѣмецкихъ предлогахъ или о сослагательномъ наклоненіи, тогда бы этотъ день сталъ для нея днемъ позора. Какое счастье, что она выдержала экзамень, но какъ ничтожна ея заслуга! А теперь ее расхваливаютъ газеты за то, что ей повезло на экзаменахъ. Въ сущности надо бы было похвалить снисходительныхъ экзаменаторовъ. За счастье же, которое благопріятствовало ей, никого нельзя было хвалить. А освобожденіе,

гдѣ оно? Теперь она скоро должна быть свободной. Но какимъ образомъ это случится? Химія, анатомія, физика и больше всего латынь... Была ли она до сихъ поръ свободна? Да, она была свободна отъ неудобства знать меньше, чѣмъ другія товарки. Конечно, это тоже была своего рода свобода, но совсѣмъ не та свобода, о которой она мечтала. Самыя лучшія, самыя свѣжія мысли приходили ей въ голову не изъ учебниковъ, когда она сидѣла здѣсь одна въ свободные часы. Тогда она сидѣла такой же плѣнницей подъ стражей двухъ часовыхъ, какъ сидитъ и теперь. Когда кончится шестилѣтній курсъ и она выйдетъ изъ университета врачомъ, тогда-то ужъ, конечно, она будетъ совершенно свободна. Цѣлыхъ шесть лѣтъ! Это было ужасно много, но все-таки это была надежда. Теперь наступаетъ лѣто. Она проведетъ его съ тетками въ пансіонѣ въ Интерлакенѣ. Тамъ, можетъ быть, удастся встрѣтить людей, но не такихъ, какихъ описываютъ въ книгахъ, а настоящихъ. Въ книгахъ вообще пишутъ ужасно осторожно, какъ будто даже нарочно стараются молчать о настоящей жизни. Съ этими мыслями Бланшъ легла въ постель и скоро заснула.

Спала она не долго, всего часъ, два, и проснулась. Мѣсяцъ освѣщалъ комнату, и на полу лежали желтые узоры и блики. Гдѣ-то пѣли. Звучный и веселый мужской голосъ пѣлъ подъ аккомпаниментъ гитары какой-то итальянскій романсъ, и въ концѣ каждой строфы вступалъ хоръ. Бланшъ лежала на спинѣ и слушала. Почему такъ поздно ночью пѣли на улицѣ? Кто могъ пѣть въ такой часъ? Она надѣла туфли и подошла къ окну. На улицѣ подъ ея окномъ стояли студенты; она узнала ихъ

по фуражкамъ. Всѣ они смотрѣли на ея окно. Очевидно, они пѣли серенаду. Но кому? Неужели ей?

Въ это время вошла тетя Матильда въ нижней юбкѣ.

— Дѣтка, скорѣй спускай штору и зажигай свѣчу. Это серенада въ твою честь.

— А гдѣ же тетя Берта? — тревожно спросила Бланшъ.

— Она притворилась спящей, — отвѣчала шопотомъ тетя Матильда. — Ну, скорѣй, скорѣй, зажигай свѣтъ, а то они уже давно тамъ поютъ.

Штору опустили и зажгли свѣчу.

Когда все снова стало тихо, Бланшъ легла въ постель и стала думать. Эти веселые юноши сегодня повеселились, и пришли приглашать ее къ десерту. Куда пошли они теперь со своей гитарой и хриплыми голосами? И за что они оказали ей такую честь? Другимъ студентамъ они вѣдь не пѣли серенады. Значитъ, ей воздавался почетъ, какъ женщинѣ. Какъ женщинѣ! Слѣдовательно, есть что-то особенное, что-то благородное въ томъ, чтобы быть женщиной. По ихъ мнѣнiю, вѣроятно, да. По ея же мнѣнiю, было просто скучно быть женщиной. Можетъ быть, въ этомъ заключалось какое-нибудь преимущество, какая-нибудь выгода? И она вспомнила, что на-дняхъ читала въ газетѣ о томъ, какъ какая-то жена била своего мужа. Это было рассказано въ видѣ комичнаго анекдота въ отдѣлѣ смѣси. Но почему та же самая газета помѣщала въ отдѣлѣ преступленiй рассказы о томъ, какъ мужья бьютъ своихъ женъ, и предпосылали имъ заголовки «ужасное звѣрство» или «возмутительная жестокость»? Развѣ законъ не беретъ подъ свою защиту мужчину въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ оказывается слабѣйшимъ? Женщину законъ

защищаетъ всегда, и при этомъ никто не справляется о томъ, сильнѣйшая или слабѣйшая она, а веселый анекдотъ доказываетъ, что въ жизни бываютъ случаи, когда женщина оказывается сильнѣйшей. Значить, и законъ былъ несправедливъ! Такимъ образомъ женщиной быть иногда выгодно, иногда не выгодно. Но было ли это выгодно въ въ самыхъ важныхъ случаяхъ жизни? Если да, то почему же тетя Берта такъ ненавидѣла мужчинъ и называла ихъ всѣхъ тиранами, которыхъ надо непременно свергнуть? Въ самомъ дѣлѣ, почему?

Съ этимъ она заснула.

Была уже осень когда Бланшъ вошла въ первый разъ въ химическую лабораторію цюрихскаго политехникума. Ассистентъ повелъ ее въ большую залу, гдѣ для нея былъ приготовленъ столъ съ ящиками, полками, банками, стеклянками, разными реактивами и всевозможными красками. Ей указали ея мѣсто. Кранъ отъ газа и горѣлка, кранъ съ водой и подъ нимъ раковина. Цѣлый рядъ пробирокъ, колбы, мензурки, реторты, зацы, стаканы, фильтры, воронки, трубки, пипетки. Посреди комнаты стоялъ огромный вытяжной шкафъ со стекляннымъ колпакомъ, раздвижными рамами и горящими газовыми рожками для того, чтобы получалась тяга воздуха и удалялись вредные газы. Все это было ново и таинственно. Не было ничего похожего на то, что мы видимъ въ обыденной жизни. Причудливая форма реторты напоминала средневѣковаго алхимика, пробирки напоминали темную комнату врача, а реактивы въ стеклянкахъ — аптеку. Двухромокислый кали свѣтился на солнцѣ и горѣлъ, какъ лѣтній закатъ; растворъ купороса

синѣль, какъ Женевское озеро, а зеленая мышьяковая кислота напоминала листья березы.

Облачившись въ длинный синій передникъ, Бланшъ принялась за работу и стала изучать тайны природы. Ассистентъ, который долженъ былъ руководить ея занятіями, подошелъ къ ней и безъ всякихъ предисловіи началъ объясненія. Онъ говорилъ спокойнымъ сухимъ голосомъ безъ особой любезности, но нельзя было сказать, что онъ былъ невѣжливъ. Онъ бралъ ея руку, какъ какіе-нибудь щипцы, и училъ ее, какъ надо правильно держать пробирку. Онъ убѣждалъ ее старательно записывать кранъ отъ газа, когда ей не надо пламени, и просилъ мыть раковину послѣ окончанія занятій. Потомъ онъ ушелъ въ другія залы.

Это былъ первый мужчина, который говорилъ безъ особой вѣжливости съ Бланшъ, и она чувствовала себя почти оскорбленной. Но потомъ, она объяснила себѣ поведеніе ассистента тѣмъ, что онъ знаетъ много больше ея и потому чувствуетъ свое превосходство.

За другими столами вокругъ нея стояли студенты и работали. Когда она вошла въ залу, они болтали, смѣялись и пѣли; при ней они притихли и только перешоптывались между собой. Но Бланшъ слышала то, что они говорили. Въ новой непривычной обстановкѣ она волновалась, и нервы ея были страшно натянуты.

— Какова она, по-твоему? — говорилъ шопотомъ чей-то голосъ позади нея.

— Рожа! — отвѣчалъ другой голосъ за сосѣднимъ столомъ.

Это неприятно поразило Бланшъ. Кто станетъ спрашивать про мужчину, собирающагося изучать химию, красивъ онъ или дуренъ? И потомъ, развѣ она ужъ въ самомъ дѣлѣ такъ дурна? Она посмотрѣла на свое лицо въ большую стеклянную колбу, кипѣвшую въ это время на штативѣ. Она увидала въ ней длинное лицо съ большимъ носомъ, но все это такъ было искажено, благодаря кривизнѣ стекла, что она не могла сдѣлать никакого заключенія. Эти господа нашли, что она некрасива. Собственно говоря, это ея послѣдняя забота.

Когда первая реакція удалась ей благополучно, Бланшъ захотѣла показать свою работу ассистенту, чтобы получить его одобреніе. Но его поблизости не оказалось. Она было хотѣла пойти его поискать, но потомъ раздумала. Ей не хотѣлось проходить мимо этихъ мужчинъ, работавшихъ въ лабораторіи. Она стала ждать возвращенія ассистента и тѣмъ временемъ принялась откупоривать всѣ стклянки и нюхать ихъ содержимое. Потомъ она попробовала вымыть пробирку и запачкала пальцы сѣрной кислотой. Пальцы тотчасъ же почернѣли.

Вскорѣ пришелъ ассистентъ. Бланшъ подошла къ нему со своими пробирками и показала ему ихъ съ такимъ видомъ, будто ожидала отъ него похвалы. Ассистентъ посмотрѣлъ на нее такъ, какъ взрослые смотрятъ на ребенка, и сказалъ:

— Ничего! — переходите къ слѣдующей реакціи, — и ушелъ. Бланшъ осталась недовольна такимъ обращеніемъ. Ей стало почему-то неловко, и она думала: «Ничего! Развѣ такъ говорятъ? Онъ долженъ былъ бы сказать: «Очень хорошо, сударыня!» Онъ, повидимому, забылъ, что имѣетъ дѣло со студенткой а не со школьницей».

Вернувшись домой, Бланшъ должна была подробно рассказать, какъ прошелъ день. Тетя Берта кусала себѣ губы, но сказала только: «Завистники!»

Вечеромъ фереинъ студентовъ медиковъ «Эскулапъ» устраивалъ вечеринку, и послѣ долгихъ обсужденій Бланшъ получила разрѣшеніе отправиться на нее съ тѣмъ, чтобы въ десять часовъ она вернулась домой.

Въ семь часовъ она пришла въ кафэ. Въ отдѣльную комнату, отведенную для вечеринки, ей пришлось итти черезъ общій залъ. Комната была полна курящей и пьющей публикой, полъ былъ грязный, все имѣло очень непривлекательный видъ. Совершенно иначе представляла она себѣ мѣсто веселыхъ сборищъ, гдѣ, какъ она знала, мужчины такъ охотно проводятъ вечера. Она вошла въ комнату ихъ собранія. Никто не встрѣтилъ ее, не помогъ ей раздѣться, какъ это бывало прежде, когда она пріѣзжала на балы. Въ комнатѣ было неуютно. Студенты сидѣли группами и курили сигары, которыя они съ неудовольствіемъ побросали въ уголъ, какъ только она вошла. Смѣхъ оборвался, и разговоръ смолкъ. Изъ-за двери двое студентовъ глядѣли на нее въ пенснэ. Пробѣжалъ тотъ же шопоть, что и раньше въ лабораторіи. «Хорошенькая?» Отвѣтъ: «Страшна, какъ вѣдьма!»

Руководителя вечеринки еще не было. Никто не поднялся ей навстрѣчу, и она никого не знала. Наконецъ, она вошла. Мужчины, не вставая, слегка поклонились ей. Наступило молчаніе. Бланшъ оглядѣлась и увидѣла, что она была единственной дамой. Она сѣла на свободный стулъ, никто не подумалъ предложить ей мѣста.

Наконецъ явился руководитель вечеринки. Правда, онъ

поздоровался, но не сказалъ ничего любезнаго. Вслѣдъ за нимъ пришли пять дѣвушекъ. Ихъ сейчасъ же оглядѣли и одну изъ нихъ нашли хорошенькой. Бланшъ старалась заговорить съ ними, но онѣ держали себя очень недоступно.

Началось засѣданіе. Были произведены выборы, прочитанъ уставъ. «Невыносимо», подумала Бланшъ. Затѣмъ былъ прочитанъ докладъ о теоріи происхожденія видовъ. Для Бланшъ эта теорія была новой, но она нашла ее слишкомъ грубой. Докладчикъ сравнивалъ людей съ животными, а вѣдь Богъ создалъ человѣка по своему подобію, а животныхъ на пользу человѣка. Онъ утверждалъ, что лошадь вовсе не создана ходить въ упряжи или подъ сѣдломъ, потому что Ной не пользовался ей въ этихъ цѣляхъ. Верблюды кажутся рожденнымъ съ сѣдломъ; но это совсѣмъ не такъ, и одногорбый верблюдъ, повидимому, созданъ именно для того, чтобы не возить взадниковъ. Все это было «отвратительно», по мнѣнію Бланшъ.

Затѣмъ началась общая бесѣда. Вставали съ мѣстъ, ходили по комнатѣ. Мужчины снова вынули сигары и заказали пива. Кельнеръ бѣгалъ съ кружками, въ отдѣльныхъ группахъ вдругъ прорывался взрывъ смѣха, сопровождаемый лукавыми взглядами по сторонамъ. Дѣвушки сидѣли на своихъ мѣстахъ, какъ неприглашенныя дамы на балу, и Бланшъ было не по себѣ. Ей было скучно. Она видѣла, что мужчины стѣсняются, чувствовала себя среди враждебнаго элемента. Мужчины чуяли конкурентокъ, а женщины держали себя насторожѣ въ присутствіи соперниковъ. Мужчины не рѣшались вступать съ ними въ разговоръ, потому что это могло быть принято за ухаживанье, а они знали, что эмансипированныя дамы не желаютъ признавать

себя женщинами. Онъ пришли сюда только съ условіемъ, что съ ними будутъ обращаться, какъ съ равными. Да, но въ этомъ равенствѣ было что-то унижительное. Бланшъ казалось, что здѣсь равенство граничитъ съ невѣжливостью; и, несомнѣнно, было бы пріятнѣе, если бы обращались съ ней попрежнему. Ее удивляло, что никто изъ мужчинъ ничего не предлагаетъ дамамъ. Правда, каждый заказывалъ самъ себѣ пива, и со стороны незнакомыхъ мужчинъ было бы въ высшей степени невѣжливо предлагать что-нибудь дамамъ.

Бланшъ, чувствовавшая себя все больше неловко; наконецъ, она собралась съ духомъ и спросила остальныхъ дѣвушекъ, не хотятъ ли онѣ чего-нибудь выпить. Ей отвѣтили изумленными взглядами и рѣзкимъ вопросомъ: «Выпить? Пива? Фуй!» Положеніе становилось все болѣе натянутымъ. Руководитель вечеринки завелъ съ дамами разговоръ о химіи и втягивалъ въ него одного студента за другимъ; говорили о физикѣ, о латыни, обо всемъ, что не напоминало ухаживанья. Дѣвушки замѣтили, что мужчины «исполняютъ обязанность», и становились все односложнѣе. Наконецъ, хорошенькая дѣвушка искусно перемѣнила тему и заговорила съ своимъ кавалеромъ попросту. Скоро къ нимъ подошли еще три студента, и у нихъ завязалась веселая бесѣда. Другія дѣвушки еще больше замкнулись въ себѣ и приняли съ недовольными лицами эту недостойную попытку къ сближенію. Красавица пошла еще дальше и заказала себѣ большую кружку пива. Вокругъ нея толпилось все больше народа, а оппозиція въ лицѣ другихъ дѣвушекъ проявлялась все рѣже. Онѣ вдругъ сразу подружились и вступили въ оживленный разговоръ, смол-

кавшій каждый разъ, какъ приближался кто-нибудь изъ студентовъ.

Было такое ощущение, словно въ воздухѣ собирается гроза, батарея, занявшая позицію въ одномъ углу, становилась все безпокойнѣе, и каждый разъ, какъ кто-либо изъ мужчинъ старался разрядить электричество путемъ разговора, онъ встрѣчалъ сильный отпоръ. Красавица перенесла поле битвы на опасную и запретную почву и этимъ побѣдила.

Чтобы спасти положеніе, предсѣдатель поднялъ кружку, застучалъ по столу, откашлялся и произнесъ юмористическую рѣчь.

— Товарищи,—началъ онъ. Все смолкло, и дамы насторожились при этомъ новомъ обращеніи, такъ непохожемъ на обычное «милостивыя государыни и господа».

— Въ дѣтствѣ насъ учили, что женщина создана изъ ребра мужчины и что, слѣдовательно, мужчина существовалъ раньше женщины; поэтому невѣдомый авторъ книгъ Моисея (который, живи онъ теперь, навлекъ бы на себя обвиненіе въ проповѣди мормонизма) могъ бы по праву требовать, чтобы женщина была подвластна мужчинѣ, потому что вѣдь Адамъ былъ отцомъ Евы, а по § 4 гражданскаго кодекса Моисея Ева обязана почитать своего отца. А теперь наука учитъ насъ, что женщина существовала раньше мужчины. Первая клѣточка была женской, она одна заключала въ себѣ весь родъ. Я обойду молчаніемъ нерегулярный образъ жизни прекрасныхъ цвѣтовъ и перейду къ животнымъ, начавъ съ самыхъ низшихъ и кончая величайшимъ изъ нихъ — человѣкомъ. У моллюсковъ мы встрѣчаемъ уже, такъ сказать, Гермеса и Афродиту, но еще

не какъ отдѣльные индивидуумы; мужчина еще не существуетъ. Первый разъ Адамъ появляется не въ прекрасномъ райскомъ саду, а въ глубинѣ моря среди издавна извѣстныхъ усоногихъ раковъ, гдѣ онъ ведетъ жизнь паразита, какъ маленькое жалкое существо, прикованное неразрывными супружескими узами къ гораздо болѣе крупной и сильной Евѣ; такъ что онъ появляется гораздо позже классическаго ребра, изъ котораго — простите мнѣ выраженіе — выскочила его жена, и всецѣло опровергаетъ теорію британскаго библейскаго общества о сотвореніи женщины. Но оставимъ низшихъ животныхъ и поднимемся выше. Еще у насѣкомыхъ мать стоитъ на своемъ естественномъ, высокомъ положеніи; она царица у муравьевъ и пчелъ. Она владѣлица, праматерь, и только благодаря ей пчелиный улей — не только коробка, муравейникъ — не просто куча — а общество. Но и работники, помогающіе ей, еще не мужчины; честь работать и быть въ состояніи вести самостоятельную жизнь достается имъ гораздо позднѣе. Рабочій муравей—это изуродованная безполая особь женскаго рода, которая добываетъ пищу, строитъ гнѣзда, ведетъ войны и воспитываетъ дѣтей. Слѣдовательно, раньше воиномъ была женщина! Мужчина — простите за выраженіе — еще не эмансипировался. Онъ несамостоятельный малый, на которомъ лежитъ печальная обязанность стать отцомъ дѣтей, которыхъ онъ никогда не увидитъ — и затѣмъ умереть! Сдѣлаемъ большой шагъ впередъ и взглянемъ на рыбъ. Мужская особь уже добилась свободы и ведетъ самостоятельную жизнь. Она возвысилась до положенія воспитателя дѣтей и этимъ самымъ становится рабомъ. Еще шагъ выше — навстрѣчу идеалу — и мы уже въ воздухѣ у птицъ.

Самецъ уже работникъ, воинъ и супругъ. Самка эмансипировала его и окутала сѣтями любви. Работа уже дѣлится, а у хищныхъ звѣрей раздѣленіе труда идетъ дальше, нѣсколько варьируясь, потому что развитіе идетъ не прямо, какъ стрѣла, и не быстро, какъ молнія, но то повышаясь, то понижаясь.

И, наконецъ, мы достигаемъ ангеловъ, я хотѣлъ сказать, людей. У дикихъ народовъ подчиненное положеніе мужчинъ еще въ полномъ расцвѣтѣ. Женщина сидитъ дома у очага, смотритъ за дѣтьми, заботится о посудѣ, если таковая имѣется, и готовитъ пищу, если это производится дома. Мужчина бродитъ по лѣсамъ, убиваетъ звѣрей и добываетъ пищу. И въ этомъ заключаются ихъ обязанности. Но у нѣкоторыхъ племенъ мы еще находимъ слѣды атавизма, какъ выражаемся мы, ученые, слѣды старинныхъ допотопныхъ отношеній. Сказанія и историки рассказываютъ объ амазонкахъ древнихъ временъ. Это напоминаетъ устройство муравейниковъ. Женщины обходятся сами собой, ведутъ войны, кормятъ себя и дѣтей, а мужчины призываются только разъ въ годъ. Подобныя отношенія существуютъ еще у афганцевъ, гдѣ мужъ—собственность жены и у дагомейцевъ, гдѣ женщины управляютъ и ведутъ войны. У цивилизованныхъ народовъ—говорю о насъ,—раздѣленіе труда между полами такъ неравномѣрно главнымъ образомъ благодаря социальному вопросу. У бѣдныхъ работаютъ и мужъ и жена, хотя мужъ и несетъ болѣе тяжелый трудъ, потому что женщина еще не добила права работать въ угольныхъ копяхъ и на лѣсопильняхъ.

Семья первоначально была общиной, владѣвшей общиннымъ имуществомъ. Собственность принадлежала семьѣ, а

такъ какъ мужъ одинъ несъ на себѣ обязанность заботиться о женѣ и дѣтяхъ, то женѣ незачѣмъ было наследовать ему, да собственно и этого и не могло быть, потому что собственность, какъ принадлежащая семьѣ, при выходѣ замужъ дочери не могла быть передана другимъ. Эти доводы весьма несовершенны, и я не буду вдаваться въ подробности, которыя могутъ насъ завести въ тайны собственности, священнаго имущественнаго права; я оставляю это до слѣдующаго раза.

Для общины, называемой семьей, общество требовало представителя. Женщина несла домашнія обязанности и смотрѣла за дѣтьми, дѣти были неразумны, и поэтому мужъ взялъ на себя самую тяжелую ношу и сталъ у кормила правленія. Но среди высшихъ классовъ, я не хочу сказать—рабочихъ, гдѣ дегенерация начинаетъ постепенно разрастаться, появляются уже нѣкоторые симптомы. Женщина почувствовала себя униженной тѣмъ, что она возведена въ королевы, и хочетъ снова стать рабочимъ муравьемъ: то-есть, хочетъ снова вернуться къ муравейнику. За этимъ, несомнѣнно, слѣдуетъ пониженіе власти мужчины. Теперь я спрашиваю: идемъ ли мы впередъ, слѣдуя эмансипаціи, или идемъ обратно? Права ли женщина, снова желая присвоить себѣ власть, первоначально принадлежавшую ей, или правъ мужчина, оказывая ей сопротивленіе?

Мнѣ кажется, эмансипація—это антиципація, нѣчто, пришедшее слишкомъ рано, потому что мы стоимъ передъ новой эпохой въ развитіи половъ. Это не будетъ ни улей, ни строй дагомейцевъ, ни токъ глухарей и стадо овецъ, но отъ всѣхъ ученій будетъ взято понемногу. Какъ далеко зайдетъ раздѣленіе труда въ новомъ обществѣ, мы этого еще

не знаемъ, но что оно не перейдетъ естественныхъ границъ каждаго пола, это понятно само собой, потому что теперь человѣчество снова, повидимому, овладѣло своимъ здоровымъ разумомъ, а разумъ — это природа.

Милостивыя государыни, я обращаюсь къ вамъ со всѣмъ тѣмъ уваженіемъ, какое я всегда питаю къ женщинамъ и которое не умаляется во мнѣ, когда я вижу ваши попытки снять тяжелую ношу съ плечъ мужчины и раздѣлить его трудъ; вы, милостивыя государыни, сдѣлали первый шагъ къ освобожденію мужчины, и за это я приношу вамъ сердечную благодарность отъ имени всего моего пола!

Красавица засмѣялась и студенты тоже, но въ углу у печки было тихо, такъ непріятно тихо. Вскорѣ дамы начали подниматься и надѣвать пальто. Какъ по данному знаку, студенты бросились помогать дамамъ, но онѣ поблагодарили, ясно выказавъ, что онѣ не нуждаются ни въ какой помощи. Одѣвшись, онѣ надѣли перчатки и пристально уставились въ ту сторону, гдѣ сидѣла хорошенькая дѣвушка. Но та ничего не поняла, пила пиво и смѣялась. Бланшъ была съ ней знакома и считала долгомъ вѣжливости сказать ей, что другія дѣвушки уходятъ. — Хорошо, идите, — отвѣчала она, — и онѣ ушли. Онѣ прошли черезъ сильно накуренную общую залу, сопровождаемая дерзкими взглядами, и вышли на улицу. Тутъ онѣ остановились, дожидаясь трамвая. Бланшъ случайно обернулась. Изъ кафэ доносилось пѣнье и игра на фортепiano. Она подошла къ окну и изъ-подъ шторы заглянула въ комнату; сигары и спички у всѣхъ въ рукахъ, веселыя лица, пѣніе и игра, а посреди одной группы стояла Луиза (такъ звали красавицу) и курила. Она почувствовала, какъ ее

кольнуло въ сердце. Теперь они веселятся! Теперь! И Луиза была одна дама среди мужчинъ. Какое неприличіе. Какая испорченная дѣвушка! Но во всякомъ случаѣ, они веселились!

Когда Бланшъ вернулась домой, тетя Берта сидѣла и ждала ея разказовъ. — Было весело? — Весело? Страшно скучно! И какъ невѣжливы были студенты! — Они курили? — Нѣтъ, но они пили пиво и говорили безнравственныя вещи. Предсѣдатель сравнилъ женщинъ съ клѣточками, раками и тому подобнымъ! — Сравнивалъ онъ ихъ и со звѣрями? — Да, и потомъ онъ говорилъ о вещахъ, которыя можно читать въ книгахъ, но о которыхъ можно говорить, развѣ только на лекціи. — Что же онъ сказалъ? Что-нибудь неприличное? — Да, въ родѣ того. И потомъ онѣ ушли, а Луиза, та осталась. — Одна? — Одна; и потомъ она курила! — Курила и одна! Мы это замѣтимъ, — сказала тетя Берта. И потомъ начала спрашивать обо всемъ подробно.

Бланшъ легла поздно. Ей надо было о столькомъ подумать. Почему было скучно сегодня вечеромъ? Почему мужчины были такіе принужденные, невѣжливые и враждебные? Что онъ хотѣлъ сказать своей рѣчью? Такъ вотъ желанная свобода, когда можно видѣть вблизи, безъ надзора, любезныхъ кавалеровъ! Можетъ быть, они вовсе не такъ хороши, какъ это кажется? Но съ Луизой они обращались такъ, какъ это принято на балахъ. Какъ непохожи мечты на дѣйствительность. Какъ непохожи! Но вотъ Луиза веселилась же!

На слѣдующее утро тетя Берта одѣлась и отправилась съ жалобой къ ректору факультета. Профессоръ, къ со-

жалѣнію, былъ человѣкъ грубой, привыкшій говорить все, что думаетъ, а тетя Берта, къ сожалѣнію, считала, что профессоромъ долженъ быть человѣкъ образованный, знающій, что можно говорить и чего нельзя.

Тетя Берта явилась, конечно, въ такой часъ, когда профессоръ не принималъ. Но что ей за дѣло? Онъ долженъ принять, разъ дѣло идетъ о чести университета и благополучіи юношества. Наконецъ, ее приняли; она высказала свою жалобу и передала содержаніе рѣчи. Профессоръ глядѣлъ на нее какъ на какую-нибудь новую разновидность и, наконецъ, отвѣтилъ:

— Что же мнѣ до этого?

— Что вамъ до этого?

— А что вамъ до этого?

— Что? Что? Да вѣдь нравственность юношества въ опасности!

— Почему? Объясните! Что случилось? Онъ сравнилъ женщинъ съ клѣточками (разумѣется, это неправда). Было бы гораздо хуже, если бы онъ сравнилъ ихъ съ ангелами! Вы вѣрите въ священное писаніе? Разумѣется. Ну. Онъ сказалъ, что женщина властительница, а мужчина рабъ. Это было сказано очень любезно! Хотите послушать, что написано въ Библии? «Воля твоя должна быть подчинена твоему мужу; и онъ долженъ быть твоимъ господиномъ!» Развѣ это не правильно?

— Это неправильно!

— Что? Такъ, значитъ, вы свободомыслящая и отрицаете святое слово Божіе? Развѣ не такъ?

Тетушка чувствовала себя, словно она попала въ ловушку. Она трясла головой и была готова упасть безъ

чувствъ. Но профессоръ продолжалъ: «Въ болѣзняхъ радишь ты чадо свое!» Исполнила ли она эту заповѣдь Бога?— Нѣтъ, этого она не хочетъ!— Такъ, такъ, она возстаетъ противъ священныхъ заповѣдей! Но къ дѣлу! Студенты не курили, вели себя прилично, раздѣляли мнѣніе вашей особы, что ученіе Библии безумно, и вообще — все, что они дѣлаютъ на своихъ собраніяхъ, никого не касается. Какое ей дѣло, курить ли мадемуазель Луиза или пьетъ пиво? Табакъ не запрещенъ ни въ гражданскомъ, ни въ моральномъ уложеніи. Есть старыя дамы, которыя нюхаютъ табакъ. И всѣ старыя дамы завидуютъ молоденькимъ дѣвушкамъ, которыя веселятся — особенно въ мужскомъ обществѣ. Кому не нравится, тотъ можетъ и не ходить туда, а кто переноситъ все, что тамъ дѣлается — такъ того просто можно вышвырнуть! Пусть такъ и знаютъ! Никто не имѣетъ права врываться въ частныя собранія! Зачѣмъ это нужно? «Уваженіе, которымъ обязаны женщины?» А какимъ уваженіемъ обязаны мужчины? Никакимъ? Это и видно! Иначе бы ему не приходили мѣшать и надоѣдать со сплетнями! Почему дѣвушки не образуютъ своего ферейна? Что! Это не будетъ такъ весело, конечно! Прошу извинить, но мнѣ пора на лекцію! Я профессоръ университета, а не полицейскій!

Результатомъ было то, что тетушка основала женскій ферейнъ. Бертъ запретили ходить на вечеринки. Она принуждена была ходить въ дамскій ферейнъ и проводить тамъ ужасные вечера. Жизнь въ Цюрихѣ, отъ которой она такъ много ожидала, становилась все невыносимѣе. Непрестанный надзоръ, безконечныя лекціи: еще больше римскихъ императоровъ, еще больше королей и королевъ,

еще больше философіи. Когда же это кончится? Да и кончится ли когда-нибудь? Какая жизнь начнется для нея послѣ окончанія экзаменовъ? Свобода? Нѣтъ, тогда начнется новое рабство. Какъ наемный экипажъ она должна быть готова къ услугамъ перваго встрѣчнаго, кто позоветъ ее; переходить изъ дома въ домъ, гдѣ ее будутъ встрѣчать, какъ чудодѣя, когда она сама знаетъ, какъ мало можно сдѣлать. А свобода? Осмѣлится ли она появляться съ мужчиной, если она предпочитаетъ его общество женскому (что вѣроятно и будетъ)? Ни въ какомъ случаѣ, этимъ она подорветъ къ себѣ уваженіе; пациенты будутъ избѣгать ее, и общество оттолкнетъ ее. Никакого исхода! Одинъ, впрочемъ. Выйти замужъ! Замужнія женщины имѣютъ право жить вмѣстѣ съ женщиной, ѣсть за однимъ столомъ, спать на одной постели, вращаться въ обществѣ мужчинъ, ходить одной по улицамъ! Но тутъ есть одно «но». Жены ѣдятъ чужой хлѣбъ, управляютъ чужимъ хозяйствомъ, смотрятъ за чужимъ бѣльемъ и увѣряютъ, что онѣ рабыни. Этого Бланшъ не хочетъ. Такъ и въ бракѣ нѣтъ свободы?

Работая однажды въ лабораторіи, она должна была произвести синтезъ. Онъ былъ очень труденъ и требовалъ большого вниманія. Съ этой цѣлью ей отвели мѣсто около печки, гдѣ она могла свободнѣе расположиться. Она надѣла на лицо маску и устроила сильную тягу въ шкафу, гдѣ стоялъ ея аппаратъ, потому что выдѣлявшіеся газы были очень вредны для вдыханія. Она гнула стеклянныя трубки, приготавливала песочныя ванны для колбъ и готовила безконечные провода и приѣмники.

Ассистентъ, съ которымъ она не говорила съ знамени-

той вечеринки, проходилъ черезъ комнату. Съ лицомъ, скрытымъ подъ маской, она испытывала упорное желаніе заговорить съ нимъ. Со времени разговора тетки съ профессоромъ на Бланшъ всѣ смотрѣли, какъ на сплетницу, и никто не сближался съ ней. Поэтому она чувствовала потребность оправдать себя. Но и ассистентъ считалъ также, что переговорить необходимо.

— Весело стряпать въ этой кухнѣ? — насмѣшливо спросилъ онъ.

— Въ этой кухнѣ еще терпимо, но въ настоящей кухнѣ, должно быть, не очень-то весело, — отвѣчала Бланшъ.

— Я тоже не думаю, чтобы кухарки находили веселымъ готовить обѣдъ на господъ, — отвѣчалъ ассистентъ. Съ хозяйками, вѣроятно, трудно ладить.

Бланшъ покраснѣла подъ маской.

— Вы больше не ходите на вечеринки? — снова заговорилъ онъ.

Бланшъ промолчала.

— Вы находите ихъ скучными? — продолжалъ онъ. — Хотите пойти въ другой фереинъ, гдѣ не скучаютъ? Хотите сходить со мной къ русскимъ?

Бланшъ такъ много слышала про русскихъ, что въ ней пробудилось любопытство.

— Я думаю, тетя не позволитъ мнѣ, — отвѣтила она совсѣмъ по-дѣтски.

Ассистентъ улыбнулся.

— А почему тетюшка этого не позволитъ? Развѣ вамъ грозитъ опасность? Развѣ опасно слышать новыя, свѣжія мысли?

— Нѣтъ,—отвѣчала Бланшъ.—Но русскія дѣвушки такія свободныя.

Онъ опять улыбнулся и заглянулъ ей въ глаза.

— А развѣ вы не хотѣли бы быть свободной?

Бланшъ почувствовала потребность высказать ему все. И онъ казался ей тѣмъ, кто можетъ помочь ей разбить цѣпи.

— Конечно, сказала она, я хотѣла бы быть свободной. О, совѣмъ свободной!

— Видите, видите! Пойдемте завтра со мной!

— Да! Но тетя!

— Ну, сочините ей что-нибудь!

Бланшъ вздрогнула. Онъ, казавшійся олицетвореніемъ честности и правды, онъ совѣтуетъ ей солгать!

— Развѣ не безчестно лгать?

— Не всегда! Если убійца, намѣренія котораго мнѣ извѣстны, проситъ указать дорогу къ жертвѣ, то я указываю ему ложный путь и лгу съ радостнымъ чувствомъ!

— Но развѣ тетя убійца?

— Конечно, да! Развѣ вы не чувствуете, какъ отъ ея отравы ваша кровь начинаетъ стынуть? Ея ненависть, ея месть, которую вы должны осуществить, текутъ въ ваши жилы, поглощаются вашими легкими, парализуютъ вашу нервную систему! Развѣ вы свободны? Вы ѣдите хлѣбъ этого вампира, который вы не заработали, она платитъ вамъ за то, чтобы вы выполнили ея месть, вы продали вашу душу, какъ другія женщины продаютъ свое тѣло. Почему вы стремитесь къ этой дѣятельности? Чувство ли долга по отношенію къ людямъ, или жажда вращаться среди неопрятностей, вдыхать воздухъ комнаты больного,

слышать вопли боли, быть отрываемой отъ сна и вызываемой изъ-за обѣда? Нѣтъ, это мечь! Кому? Отставнымъ возлюбленнымъ вашей тетקי? Нужны вы какъ врачъ? Нужно ли пятьдесятъ процентовъ тѣхъ, что уже существуютъ? Вы думаете, не хватаетъ писака рецептовъ? О, они наступаютъ другъ другу на ноги и ничего не могутъ подѣлать. Зачѣмъ русскія дѣвушки становятся врачами?—спрашиваете вы. Да, не для того, чтобы писать рецепты, не для того, чтобы имѣть возможность не выходить замужъ, но изъ тѣхъ же побужденій, почему пропагандисты поступаютъ въ мастерскія, почему дѣвушки изъ богатой семьи идутъ въ служанки—для того, чтобы вылѣчить человечество отъ еще большихъ страданій такъ, чтобы оно не нуждалось больше во врачахъ, потому что равномерное распредѣленіе знаній дѣлаетъ всѣхъ попечителями о здоровьѣ.

Бланшъ чувствовала себя, какъ пріемникъ электрической машины; она подхватывала всѣ искры, которыя металъ вокругъ себя этотъ человѣкъ, и въ то же время она испытывала желаніе оттолкнуть его отъ себя. Она была словно пустая, и онъ хотѣлъ наполнить ее избыткомъ своей души. Глаза его сверкали, его сильное мужественное лицо казалось олицетвореніемъ правды, когда онъ говорилъ ей: «солги!» Она искала точки, съ которой она можетъ обезоружить и ранить его, и могла это сдѣлать именно въ этомъ пунктѣ. Онъ стоялъ передъ ней такой высокій и ясный, выше, чѣмъ она хотѣла признаться, и она должна ниспровергнуть его. И въ то же время ей хотѣлось видѣть его великимъ и сильнымъ, какъ опора, которую она ищетъ, какъ освободителя. Она безсознательно чувствовала, что освободи-

тель можетъ стать властелиномъ; она и искала и отталкивала его. Наконецъ, она сказала:—Вы проповѣдуете иезуитскую мораль.

Но у него, знающаго всѣ избитыя фразы, отвѣтъ былъ уже готовъ:

— Нѣтъ, я этого не дѣлаю. Тайна иезуита лежитъ въ обманчивомъ выводѣ; онъ показываетъ словами фокусы, какъ на картахъ, и вы обмануты. Онъ говоритъ: цѣль (дурная или хорошая) оправдываетъ средство. Я говорю: святая, великая, прекрасная цѣль оправдываетъ средство. Низкая цѣль не оправдываетъ никакихъ средствъ. Вы кораллъ, осѣвшій на старый стволъ: берегитесь прирасти къ нему и окаменѣть! Такъ гласитъ новая мораль, которая уже была новой, когда ее возгласилъ Монтескье: «Если я знаю что-нибудь полезное для меня, но вредное для моей семьи, я изгоняю это изъ моего сердца! Если я знаю что-либо полезное для моей семьи, но вредное для моей родины, я стараюсь забыть это, и если я знаю что-либо полезное для моей родины, но губительное для Европы или человѣчества, я считаю это преступленіемъ!» Эгоизмъ, этотъ прекрасный даръ, который подъ именемъ чувства самосохраненія даетъ жить всему живому, также разовьется, и онъ уже готовъ сдѣлать крупный шагъ впередъ въ сторону альтруизма, т.-е. любви къ другимъ. Эта любовь выразилась сначала въ любви къ дѣтямъ, затѣмъ къ семьѣ. Но семья находится на той стадіи развитія, когда мы должны отбросить ее и развить въ общество, грядущее общество. Вы живете еще въ сѣтяхъ семьи, которая является только экономическимъ институтомъ; вырвитесь изъ тѣсныхъ ячеекъ домашняго улья, бросьте ихъ и постройте свой соб-

ственный улей; покиньте вашъ полъ съ его конгломератомъ мелкихъ интересовъ и изолированныхъ эгонстичныхъ жизней и живите для человѣка.

Бланшъ казалось, что стѣны раздвигаются, двери распахиваются безконечной вереницей; его слова дѣйствовали какъ сырость и тепло на старья сѣмена, долго лежавшія въ холодномъ мѣстѣ. Она чувствовала, какъ распускается все ея существо, и скорлупа готова была лопнуть! И вдругъ ее охватило непостижимое желаніе бороться съ этой душой, желавшей обогатить ея душу. Она, какъ жаворонокъ, неслась все выше и выше отъ преслѣдующаго ее супруга, съ чувствомъ, что въ его поцѣлуяхъ таится ея смерть какъ личности въ ту минуту, какъ она даетъ жизнь роду.

— Зачѣмъ вы говорите мнѣ все это? Зачѣмъ вы расточаете всѣ эти слова передо мной незначительной чужой дѣвушкой!—спросила она.

— Вы уже отгадали!—отвѣчалъ онъ.—Но если вы хотите, чтобы я самъ высказалъ это, пойдѣте со мной завтра вечеромъ къ русскимъ!

Онъ схватилъ ее за руку.

— Вы пойдете? Да?

— Да, я пойду,—отвѣчала Бланшъ, словно она не могла отвѣтить иначе.

Когда Бланшъ, придя домой, сидѣла за обѣдомъ, она испытывала такое чувство, словно тайна, которую она несла въ себѣ, стала стѣной между ею и тетками. Связь была порвана. Ей казалось, что она владѣетъ чѣмъ-то, полученнымъ не отъ нихъ. Это принадлежало только ей, это были ея новыя мысли, ея тайна. Она думала о томъ, какой слабой оказалась эта связь. Это не были узы любви, по-

тому что она не любила ихъ, этихъ тюремщицъ, это были исключительно матеріальныя узы. Онѣ были нужны ей, какъ удобреніе тополи, какъ хозяинъ паразиту. Она ждала, что въ ней заговоритъ голосъ крови, но онѣ молчалъ. Ни угрызений совѣсти, ни подстерегающихъ предчувствій. Все старое отпадало, какъ плохо приклеенныя обои, и она сознавала, что она выросла. Теперь впервые ощутила она на своихъ изнуренныхъ щекахъ освѣжающее дуновеніе крыльевъ свободы; сковано было не только ея тѣло, но и душа!

* * *

Бланшъ пришла первая на назначенное мѣсто въ паркѣ. Тихо падалъ легкій снѣжокъ, и озеро казалось чернымъ. Она была очень взволнована и, когда у нея подъ ногой шуршали сухіе листья, она вздрагивала, но снѣгъ все шелъ, не переставая, и скоро шаговъ ея не стало больше слышно. Изрѣдка песокъ еще скрипѣлъ подъ ногами, но снѣгъ и его заставилъ замолчать. Она чувствовала, что каждый ея шагъ велъ ея къ новому поприщу, къ невѣдомымъ судьбамъ, но онѣ велъ ее на волю. Куда? Она сознавала, что нарушаетъ договоръ! Она продала свою свободу этимъ двумъ старымъ женщинамъ, и онѣ давали ей средства къ жизни за то, что она отдавала свою свободу. Теперь она подводила свой счетъ, теперь она могла перестать черпать у нихъ средства! Такъ, въ сущности, это просто экономическая проблема. Только тотъ, кто имѣетъ средства къ существованію, свободенъ; остальные рабы. Въ ней начала расти скрытая вражда противъ старухъ. Если бы у Бланшъ были свои деньги, тогда она была бы свободна. Зачѣмъ кричать

люди о свободѣ, когда у нихъ нѣтъ ни гроша? Свобода безъ денегъ невозможна. Она бѣжала изъ дома, изъ тюрьмы школы въ тюрьму университета, тюрьму практической жизни, расположенія публики. Всюду тюрьмы. И если придетъ освободитель, сильный и смѣлый, и разорветъ ея цѣпи, то только для того, чтобы отвести ее въ новую, крѣпкую тюрьму, послѣднюю, которую отворить только смерть. Она не могла разрѣшить этой задачи. Сможетъ ли это сдѣлать онъ, умѣющій отвѣтить на всѣ вопросы?

Снѣгъ заскрипѣлъ подъ сильными шагами, отъ его запыхавшагося лица шелъ паръ; онъ остановился рядомъ съ ней и взялъ ее за руку.

— Угрызенія совѣсти?—спросилъ онъ.—Это бываетъ. Корсиканецъ, допустившій врага умертвить всю свою семью, тоже мучается угрызеніями совѣсти. Совѣсть, терзающая человѣка за допущенное имъ убійство, условна. Прочь ее!

Онъ повелъ ее за собой. Они шли въ ногу, и рукѣ ея такъ хорошо было покоиться на его рукѣ.

— Это далеко?—спросила Бланшъ.

— За городомъ,—отвѣчалъ Эмиль.—Русскіе не любятъ городов!

Они шли между бѣлыхъ полей, поднимались на холмы и пересѣкали виноградники; наконецъ, они пришли въ *Café des Alpes*, маленькое деревянное шалѣ, окруженное лиственницами и соснами. Оно имѣло идиллическій, уютный видъ, непохожій на рестораны или кафэ, гдѣ праздные люди убиваютъ свое время; оно казалось скорѣе пристанищемъ при дорогѣ, гдѣ усталые путники находятъ покой и отдыхъ.

Они поднялись по деревянной лѣстницѣ, ведущей по

наружной стѣнѣ дома навѣрхъ, и очутились на балконѣ, освѣщенномъ свѣтомъ изъ большой залы. Пока они отряхивали съ себя снѣгъ, изъ залы вышелъ господинъ и поздоровался съ ними, какъ со старыми друзьями. Это былъ высокій темноволосый человѣкъ съ головой казака на широкихъ плечахъ. Онъ протянулъ Бланшъ руку, тепло пожалъ ее, какъ сестрѣ, снялъ съ нея накидку и ввелъ въ залу. Это было старинное помѣщеніе съ низкимъ деревяннымъ потолкомъ, на которомъ виднѣлись балки. Надъ высокой деревянной панелью были изображены альпійскіе ландшафты съ охотой на медвѣдей; тамъ и тутъ висѣли зажженныя стѣнные лампы, блестящіе жестяные щитки которыхъ отражали свѣтъ. Посреди залы стоялъ большой столъ, вокругъ котораго сидѣло человѣкъ двадцать мужчинъ и женщинъ; они пили чай и курили папирсы, въ то время какъ огромный блестящій мѣдный самоваръ шумѣлъ посреди стола. Въ большой, похожей на шкафъ зеленой кафельной печи ярко пылали буковы вѣтви.

Когда Бланшъ и ея спутникъ вошли въ комнату, всѣ поднялись и пожалы имъ руки. Дѣвушки поцѣловали Бланшъ въ щеку и освободили для нея мѣсто. На нее словно пахнуло тепломъ родины, ничто не напоминало холодной, непріятной обстановки студенческой вечеринки. Ни враждебности, ни соперничества, ни зависти конкурентовъ, и Бланшъ скоро почувствовала себя, какъ дома. Мужчины были съ дамами любезны безъ ухаживанья, а дамы принимали ихъ знаки вниманія съ дружеской благодарностью. Онѣ курили папирсы, но у нихъ не было ни короткихъ волосъ, ни синихъ очковъ; онѣ были изящны въ своихъ движеніяхъ и не старались рѣзкими жестами и словами подражать

мужчинамъ. Онѣ говорили серьезно безъ боязни быть непонятыми, потому что всѣ они стояли на одной ступени развитія и бесѣдовали между собой, не желая никого поучать.

Бланшъ предложили чай, который былъ устроенъ на общій счетъ. Она нашла это пріятнѣе, чѣмъ когда каждый заказываетъ себѣ отдѣльно и кельнеръ все время бѣгаетъ по комнатамъ. Ей предложили папирось, но она отказалась. Она не находила ничего отталкивающаго въ томъ, что дамы курятъ, разъ у нихъ было такое «обыкновеніе».

— Павелъ Бестужевъ, — произнесла смуглая дѣвушка, бывшая въ этотъ вечеръ предсѣдательницей, — просилъ на сегодняшній вечеръ слова. Но не больше получаса, голубчикъ.

Тотъ, кого она называла Бестужевымъ, отодвинулся отъ стола, не вставая съ мѣста, и вынулъ листокъ съ замѣтками.

— Я буду говорить о Святая Святыхъ, — началъ Павелъ и отпилъ чая.

— Но вѣдь не о религіи же? — спросилъ одинъ съ рыжей бородой.

— Нѣтъ, — отвѣчалъ Павелъ. — Объ этомъ говорить нечего. Нѣтъ, я хочу говорить о томъ, что святѣ святого, о Святая Святыхъ.

«На ранней ступени развитія общества, прежде чѣмъ раздѣленіе труда создало высшіе и низшіе классы, земля была матерью всѣхъ. Родъ нераздѣльно владѣлъ территоріей или же дѣлилъ ее на участки, какъ въ сельскомъ хозяйствѣ, для пользованія на извѣстный промежутокъ времени, не теряя права собственности. Такой коммунизмъ

мы встрѣчаемъ въ русскомъ міру или общинѣ, и на нашей родинѣ живетъ почти сорокъ милліоновъ легализованныхъ коммунистовъ. И если все-таки нашъ бѣдный мужикъ не счастливъ, то причина этого кроется совсѣмъ въ другомъ, что и должно быть теперь измѣнено.

Когда побѣдоносные высшіе классы начали захватъ первоначально коммунальныхъ владѣній, т.-е. грабежъ, то въ ту же минуту этотъ грабежъ былъ объявленъ священнымъ. Захваченныя земли стали священной собственностью высшихъ классовъ; но когда низшіе классы хотѣли послѣдовать ихъ примѣру и отобрать назадъ отнятое, имъ пришлось платить новыя подати на тюрьмы. Итакъ, въ возникновеніи святыни было мало справедливаго.

А между тѣмъ, отнятой собственности все больше и больше грозила опасность быть возвращенной ея настоящимъ хозяевамъ. Святость росла. Можно было преступать всѣ божескіе и человѣческіе законы и все-таки стоять подъ охраной закона, какъ въ Швейцаріи, но за посягательство на собственность насъ высылаютъ. Собственность стала святѣ морали и Бога.

Но это время прошло, и петля на шеѣ высшихъ классовъ затягивается все сильнѣе. Наше время видѣло легализацію трехъ великихъ посягательствъ на собственность. Первое, какъ извѣстно, — уничтоженіе въ Россіи крѣпостного права (крѣпостные были собственностью); второе — освобожденіе отъ рабства американскихъ негровъ (негры были собственностью, слѣдовательно, неприкосновенны); и третье, которое каждый день происходитъ у насъ на глазахъ, называется отчужденіемъ. У моего отца было имѣніе и прекрасный садъ, который онъ очень любилъ. Онъ самъ са-

жалъ всѣ деревья, и каждый кустикъ былъ ему знакомъ. Онъ не хотѣлъ его продавать, потому что любилъ его, какъ любятъ живое существо. Однажды къ нему является инженеръ одного желѣзнодорожнаго общества, срубаетъ деревья, вырываетъ кусты. Отецъ плакалъ и проклиналъ. Инженеръ сказалъ, что земля отчуждена, и отецъ получить за нее изъ земства деньги. Отецъ не хотѣлъ продавать своего сада, не хотѣлъ брать за него деньги. Тогда его просто отобрали.

Эти крупные примѣры поколебали святость собственности. Люди будущаго не будутъ поступать, какъ государство, и отнимать; напротивъ, они будутъ давать. Но мы увидимъ это только тогда, когда всѣ убѣдятся въ преимуществахъ слѣдующаго положенія: никто не владѣеть тѣмъ, чего онъ можетъ лишиться завтра, и всѣ являются собственниками того, что никогда не можетъ быть отнято.

Теперь я хочу разсмотрѣть только «моральную сторону» собственности, которая, быть можетъ, больше всего способствовала и моральному состоянiю общества.

Понятiе и чувство собственности проникало въ нашу духовную жизнь и развивало нашъ эгоизмъ. Даже наши мысли стали объектомъ нашей жадности. Ученый бережетъ свое открытiе, потому что оно доставитъ ему славу, а не потому, что оно приноситъ пользу человѣчеству; изобрѣтатель спѣшитъ взять патентъ, чтобы помѣшать человѣчеству пользоваться его изобрѣтениемъ; священники, служители Бога, рвутъ другъ у друга кусокъ хлѣба и повышенiя по службѣ, нѣкоторые даже, какъ кафешантанныя пѣвицы, обходятъ церковь съ тарелкой, что заставляетъ говорить, что они творятъ чудеса за деньги. Народный представи-

тель, обязанный въ парламентѣ говорить только правду, долго колеблется передъ тѣмъ, какъ произнести слово, потому что за нимъ скалятъ зубы его кредиторы; журналистъ, который долженъ вонзить топоръ въ корни подгнившаго дерева, извивается какъ червякъ, прежде чѣмъ нанести ударъ, потому что онъ видитъ подъ нимъ головы своей жены и дѣтей! Жена и дѣти! Сколько разъ ради нихъ разбивается воля, сердце обливается кровью! Мужчина — собственность крѣпостной общины, семьи, и поэтому — какъ хитро! — высшіе классы дали ему избирательное право и мнимую власть, такъ какъ они отлично знаютъ, что на ногахъ его оковы. И насколько свободнѣе женщина въ общественной жизни, имѣя за собой экономическую поддержку! Въ ея силѣ слабость мужчины. Положеніе женщины свободнѣе, чѣмъ мужчины, и поэтому она смѣлѣе. Когда мужчина даетъ торговцу обмануть себя товаромъ и боится поднять шумъ, чтобы не нажить себѣ враговъ, женщина безъ всякихъ разговоровъ кидаетъ обманщику товаръ въ лицо.

Но понятія о собственности проникли и въ наши священнѣйшіе тайники, священнѣйшіе, потому что ихъ скрываетъ сама природа. Юноша смотритъ на дѣвушку; онъ нравится ей, въ душѣ они любятъ другъ друга, но тутъ есть одно важное обстоятельство: есть у него деньги? Нѣтъ! Такъ пусть проходитъ дальше! Дѣти, которыя должны бы быть общественной собственностью, рассматриваются какъ частная собственность родителей; на нихъ лежитъ обязанность забавлять ихъ своими ласками и болтовней въ дѣтствѣ, а когда становятся старше, дѣлать имъ «честь» и — почему же нѣтъ — добывать имъ деньги. Супруги, по-

клявшіеся «принадлежать» другъ другу, скоро, въ силу привычки, начинаютъ смотрѣть другъ на друга, какъ на собственность.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о дурномъ и тѣмъ болѣе опасномъ символѣ собственности—деньгахъ.

Деньги—это поэзія; прекрасная для собственниковъ, но обманчивая, какъ и всякая красота! Это—плохой измѣритель цѣнности, потому что онѣ не измѣряютъ ее. Сегодня можно купить за луйдоръ цѣлый мѣшокъ пшеницы, завтра—только половину. Онѣ не измѣряютъ ни пользы, ни цѣнности, потому что бутылка капскаго вина, стоящая луйдоръ, не можетъ равняться по цѣнности съ мѣшкомъ пшеницы. Пока я съѣдаю мѣшокъ пшеницы, моя душа освобождается отъ заботъ о пищѣ, можетъ быть, на цѣлый мѣсяць, во время котораго она можетъ работать, между тѣмъ какъ бутылка капскаго вина усыпляетъ меня на нѣсколько часовъ, а затѣмъ обращаетъ въ раба.

Деньги опасны, какъ измѣритель цѣнности; онѣ являются въ такой концентрированной формѣ, что глазъ не можетъ усмотрѣть присущую имъ пользу. Тысяча франковъ золотомъ, лежащая на столѣ, не даютъ истиннаго понятія о цѣнности, но мѣшки хлѣба на тысячу франковъ я могу себѣ представить. Поэтому первой монетой былъ скоть, *resus, resunia*. Ребенокъ, въ первый разъ получающій деньги, получаетъ ихъ на конфеты! Это весьма прискорбное искаженіе понятій, потому что ребенокъ пріучается видѣть въ деньгахъ средство для наслажденій.

Самое дурное въ деньгахъ—это то, что онѣ обманчивы. Говорятъ, что онѣ представляютъ изъ себя все самое не-

обходимое. Это неправда. Полезного не такъ много, какъ денегъ. А деньги бесполезны. Мы видимъ, какъ разоряются банки, выпустившіе бумагъ больше, чѣмъ есть въ наличности денегъ, и держащіеся до тѣхъ поръ, пока живеть вѣра въ бумаги. Когда же наступитъ день, когда будетъ поколеблена вѣра въ деньги, когда за бесполезныя деньги нельзя будетъ получить ничего полезного? Это мы видѣли при осадѣ Парижа. Городъ былъ полонъ золота, но никто не хотѣлъ денегъ, хотѣли только пищи, которой нельзя было достать. Въ тѣ дни золото потеряло всю свою цѣнность. Арабъ, нашедшій въ пустынѣ мѣшокъ жемчуга, былъ такъ же бѣденъ, какъ осажденные парижане.

И, несмотря на это, въ обращеніи находится много полезностей. Рынокъ заваленъ хлѣбомъ, между тѣмъ какъ полмилліона людей голодаетъ. Вина этого въ распредѣленіи продуктовъ. А оно зависитъ отъ денегъ, цѣнныхъ бумагъ и сильно развитого раздѣленія труда. Когда принципомъ явится самопомощь, когда собственность изъ частной перейдетъ въ общинную, когда бѣдные займутся производствомъ пищевыхъ продуктовъ, а не предметовъ роскоши, — тогда нужды не будетъ!

Поэтому будемъ стараться показать людямъ всѣ выгоды уничтоженія частной собственности!

— А теперь, навѣрное, уже прошло полчаса!

Послѣ этого начались пренія. Такъ какъ было много новичковъ, то для нихъ были даны нѣкоторыя разъясненія.

— Я бы хотѣла указать на то, — начала Анна, — что если раздѣлить всѣ сокровища міра, то каждый человѣкъ получитъ 50 сантимовъ, и этимъ ничему не поможешь.

— Это возраженіе,— отвѣчалъ Бестужевъ,— зарегистрировано у насъ подъ № 1. Я постараюсь отвѣтить на него: «если три миллиарда долларовъ Вандербильтда, Стевара и Астора раздѣлить между полутора миллиардами жителей всего міра, то каждый получитъ по два доллара, т.-е. десять франковъ. Если же мы представимъ, что только Европа и Америка примутъ участіе въ этомъ дележѣ, то полмилліарда получаютъ по двѣнадцати долларовъ на человѣка, т.-е. по шестидесяти франковъ. На шестьдесятъ франковъ столяръ можетъ купить себѣ инструменты, рыбакъ — сѣти, гребець — лодку, купецъ — товары, ищущій службу — новое платье и т. д. Это раздѣленіе уже не такъ бесполезно; а вѣдь мы приняли въ соображеніе только три капитала; подумайте, если взять всѣ! — А теперь я буду по порядку отвѣчать на послѣдующія возраженія, знакомыя мнѣ заранѣе. Итакъ, возраженіе № 2. Если въ 8 часовъ утра раздѣлить землю, то къ 12 часамъ хитрѣйшіе и сильнѣйшіе захватятъ ее. Отвѣтъ: очень вѣроятно. Не социалисты, а только узкіе консервативные умы дошли до такого абсурда. Здѣсь вообще нѣтъ и рѣчи о какомъ бы то не было раздѣленіи; именно современное раздѣленіе (при которомъ двадцать человѣкъ дѣлятъ всю землю Англіи) должно быть уничтожено. Государство должно постепенно отчудить всю собственность, такъ какъ вѣдь собственно она принадлежитъ ему, а государство можетъ дѣлать государственные займы. А тогда государство постережется производить новый дѣлежъ! Ясно это? — Возраженіе № 3. Социалисты, послѣдователи Дарвина, не должны были бы нападать на права наслѣдованія, потому что наслѣдованіе средствъ къ существованію—это хорошее

средство для улучшения расы. Поймите! Сознание того, что владеешь незаработанным своим трудом, ведет расу к вырождению. Взгляните на древние королевские и дворянские роды. Все, кто не работает, умрут естественной смертью, когда на землю наступит кризис. Самое плохое наследство, какое можно оставить детям — это собственность, потому что она перестала быть средством труда, а стала средством наслаждений. — Возражение № 4 (видите, у нас все предусмотрено). Если отменить наследственное право, человек не будет производить больше того, что ему нужно. Это — то нам и нужно. Благодаря этому прекратятся сосредоточение капиталов в одних руках и перепроизводство, влекущее за собой кризисы. Я не буду сейчас подробно останавливаться на этом, скажу только, что если никто не будет оставлять детям наследства, — наследства, так часто расточаемого опекунами и наследниками, могущаго потерять всю свою ценность, сгореть, погибнуть от землетрясения, — тогда каждый будет оставлять своим детям лучшее наследие — воспитание! Да, сильные руки и здоровую душу. Тогда священные сыновние чувства не будут оскверняться у ложа умирающаго отца постыдными мыслями о наследстве, о выгоде, какую приносит его кончина, а умирающій будет испытывать радостное сознание, что он оставляет потомству сильнаго, полезнаго, дѣятельнаго гражданина; между тем как собственность его переходит в общее пользование, а, следовательно, и его сыну, который будет чувствовать свою солидарность со всем обществом, совместно пользующимся тем, что приобретает каждый из его членов».

Прения окончились. Самоваръ еще шумѣлъ, и налили

новья чашки благоухающаго напитка. Серьезная часть вечера кончилась, и всѣмъ хотѣлось повеселиться. Эмиль взялъ гитару и запѣлъ. Потомъ столы сдвинули въ сторону и начали танцовать, послѣ чего была подана легкая закуска. Студенты вели себя весело и непринужденно. Всѣ веселились какъ дѣти, съ полнымъ сознаниемъ, что можно быть серьезнымъ, не лишая себя радостей.

Было поздно, и Бланшъ пора было идти. Эмиль пошелъ ее проводить.

Погода прояснилась; мѣсяцъ сіялъ надъ озеромъ и Альпами. Бланшъ взяла подъ руку Эмиля, и они молча шли рядомъ.

— Вамъ было сегодня весело?—спросилъ Эмиль.

— Какъ никогда,—отвѣчала Бланшъ.—Но скажите мнѣ, они женаты, эти молодые люди?

— То-есть какъ?

— Я нашла, что они очень, какъ бы это сказать, интимно держатъ себя!

— Да, они женаты, тайно.

— И повѣнчаны?

Наступило молчаніе.

— Нѣтъ, не повѣнчаны,—сказалъ Эмиль.

Бланшъ вздрогнула.

— Въ какое же общество вы ввели меня?

— Въ общество женатыхъ людей.

— Но не вѣнчанныхъ?

— Ваша тетка тоже была замужемъ, но не была обвѣнчена.

— Моя тетя?

— Да, она вступила въ гражданскій бракъ. Вѣнчаніе довольно позднее изобрѣтеніе, появившееся только въ

IV вѣкѣ; оно стало обязательнымъ въ четырнадцатомъ и добровольнымъ послѣ революціи.

Бланшъ задумалась.

— Они живутъ вмѣстѣ?

— Нѣтъ,—отвѣчала Эмиль.—Любящіе не обязаны жить въ одной квартирѣ, пользоваться одной и той же мебелью и ѣсть за однимъ столомъ. И гражданскій законъ не требуетъ этого.

— Вы защищаете развратъ?

— Развратъ, милая барышня, благодаря которому вы и я и всѣ люди появились на свѣтъ; развратъ, на который священникъ при вѣнчаніи призываетъ благословеніе Божье; развратъ, результатовъ котораго со страстнымъ нетерпѣніемъ ждутъ родители молодыхъ супруговъ, и которые являются высшей радостью человѣка.

— Вы говорите такъ странно,—произнесла Бланшъ,—но вы правы.

Они продолжали идти молча и скоро дошли до города.

— Что скажетъ тетя?—заговорила Бланшъ.—Я никакъ не могу считать честнымъ ѣсть ея хлѣбъ и не исполнять своихъ обязанностей.

— Ея хлѣбъ? А откуда онъ у нея? Она сама заработала его? Нѣтъ, она никогда не работала! Она наслѣдовала его отъ отца, который былъ купцомъ и нажилъ состоянія благодаря запасамъ и спросу, то-есть, вѣрнѣе, чужой нуждѣ.

— Чужой нуждѣ?

— Да, конечно. Когда хлѣба родится много и, слѣдовательно, нѣтъ нужды, цѣны падаютъ; когда наступаетъ нужда, то-есть повышается спросъ, тогда цѣна поднимается. Сама собой? Нѣтъ, купецъ устанавливаетъ цѣну и поль-

зуются людскою нуждою. Экономическій законъ — прекрасный законъ! Крупный торговецъ приглашаетъ приказчика на жалованье 1200 франковъ. Онъ печатаетъ объявленіе. Если является только одинъ, то онъ даетъ ему эти 1200 франковъ, потому что боится иначе остаться безъ приказчика. Но если является двадцать человѣкъ, онъ предлагаетъ уже 1000 франковъ, а если ихъ пятьдесятъ, то только 500 франковъ. То-есть, онъ пользуется нуждою другихъ. Кто создалъ этотъ законъ? Только благодаря ему ваша тетка получаетъ ренту! Сколько смертей, голода и страданій стоитъ эта рента! Теперь же вы должны загладить злодѣянія отцовъ и послужить страждущему человечеству, — разумѣется за гонораръ. Вы будете прописывать горганку противъ желудочныхъ заболѣваній, возникшихъ благодаря неправильной ѣдѣ, будете брать четыре франка за визитъ, а аптекарь, вашъ соучастникъ, возьметъ франкъ за горганку, которая растетъ на волѣ на горахъ, и $\frac{1}{2}$ франка за пузырекъ, потому что стеклянный заводъ тоже хочетъ существовать. Какая прекрасная цѣль открывается вамъ! вмѣсто того, чтобы дать бѣдняку шесть франковъ на мясо, вы возьмете ихъ отъ него, чтобы онъ могъ купить у аптекаря привилегированную горганку, которая не насыщаетъ и которую, при небольшомъ знакомствѣ съ лѣченіемъ, бѣднякъ самъ могъ бы нарвать. Какая благородная задача — заниматься законнымъ шарлатанствомъ!

— Но вы лишаете меня всего! Скажите мнѣ, зачѣмъ же русскія дѣвушки дѣлаются врачами?

— Чтобы обнаружить нужду; чтобы открыть фальшивыя карты и поглядѣть, лежатъ ли причины болѣзней въ бѣдности или богатствѣ, добродѣтели или пороки, чтобы

изучить возможность предупреждать болѣзнь, вмѣсто того чтобы лѣчить ее! Пропишите малокровному филэ и крѣпкій эль вмѣсто горганки и послушайте, что онъ вамъ отвѣтитъ!—Ну, вотъ мы и пришли! Прощайте! Встрѣтимся мы завтра въ паркѣ? Чтобы поговорить еще?

— Да,—сказала Бланшъ.—Почему не можете вы войти со мной, стать рядомъ и говорить за меня, когда я буду лгать теткѣ?

— Да почему бы и нѣтъ?—сказалъ Эмиль и ушелъ.

На слѣдующій вечеръ, когда мѣсяцъ взошелъ надъ озеромъ, Бланшъ и Эмиль снова встрѣтились въ паркѣ.

— Что такое любовь?—спросила Бланшъ, опираясь на руку Эмиля.

— Это тайна, прозаическаго разрѣшенія которой вы еще не можете постичь! Мы такъ насыщены ложью, что истина противна намъ.

— Но все таки скажите, скажите, только забудьте о клѣточкахъ.

— Я этого не могу.

— Ну, скажите же! Назовите то, что не есть любовь.

— Любовь не красота, потому что вы не прекрасны; она не гений, потому что вы едва остроумны; она не добродѣтель, такъ какъ понятія о ней очень шатки; это не твердость воли, вѣдь вы слабы; она не рядъ добрыхъ качествъ,— это просто явленіе и больше ничего. Я люблю васъ, хотя вы не прекрасны, не умны и не обладаете сильной волей. Я люблю васъ, хотя мой разумъ и предостерегаетъ меня

отъ васъ; я люблю васъ, хотя и не преклоняюсь передъ вами. Иногда я приписываю вамъ массу качествъ, которыми вы не обладаете, но — но тогда выступаетъ мой острый разумъ и вычеркиваетъ ихъ, а фактъ всетаки остается — я люблю тебя, потому что я — тебя люблю! Твой образъ запечатлѣлся въ глубинѣ моихъ глазъ, такъ что каждый предметъ, который я вижу, является какъ бы твоимъ отраженіемъ; когда я за работой смотрю на фильтръ, я вижу тебя; когда я гляжу на часы, я вижу тебя между стрѣлками; встрѣчаю я даму на улицѣ — она кажется мнѣ тобою! Когда я гляжу на тебя, я вижу совершенство, твои линіи начинаютъ звучать и приводятъ мои нервы (прости, струны моей души) въ гармонію; одинъ видъ твоей походки дѣлаетъ меня счастливымъ, а твой взглядъ опьяняетъ меня! Я почти увѣренъ, что если бы меня теперь убили и сейчасъ же бы атомировали, подъ микроскопомъ увидали бы твой образъ на сѣтчатой оболочкѣ моего глаза, въ каждой клѣточкѣ легкаго, въ каждой ткани сердца, въ спинномъ мозгу; каждая кровинка отразитъ твой образъ, а клѣточки мозга (прости это выраженіе), какъ микрофонъ, передадутъ твой милый голосъ, моя дорогая!

Онъ обнялъ ее и крѣпко прижалъ къ себѣ. Ея мягкій мѣховой воротникъ касался его губъ, и онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Мы должны обручиться, — быстро сказала Бланшъ, отталкивая его.

— Мы обручены, — сказалъ онъ.

— Да, но тетя...

— Какое ей дѣло до этого? Вѣдь не она твой женихъ!

— Но она даетъ мнѣ средства къ жизни.

— Это правда! И именно поэтому!! Да и вообще любовь любить скрывается. Это называется цѣломудріемъ. Мнѣ кажется нецѣломудреннымъ показывать то, что не должно быть видимо, что касается только насъ двоихъ! Ты любишь меня, Бланшъ?

— Я люблю тебя! За то, что ты сильнѣе меня, что ты даешь мнѣ новыя мысли, за то, что ты можешь понести меня, когда я устану, что ты обладаешь всѣми качествами, которыхъ мнѣ не хватаетъ.

— Какая же ты эгоистка, Бланшъ! Ты клеветашь на себя! Такъ ты любишь меня изъ расчета, потому что ты что-то воспринимаешь отъ меня, чѣмъ-то пользуешься, имѣешь во мнѣ опору? Къ счастью, я бѣденъ, иначе я бы подумалъ, что ты любишь меня за деньги.

Бланшъ стало неловко.

— Ну, зачѣмъ ты такъ говоришь?—замѣтила она.

И они разстались.

На слѣдующій вечеръ они снова встрѣтились въ паркѣ. Мѣсяцъ былъ уже на ущербѣ.

— Ты слышала, что палата депутатовъ намѣревается вотировать законъ о правахъ на наслѣдство внѣбрачныхъ дѣтей?—спросилъ Эмиль.

— Нѣтъ, это уже давно пора сдѣлать.

— Какъ всѣ полуреформы, она является слишкомъ рано или слишкомъ поздно. Сколько появится наслѣдниковъ престола, сколько принцевъ и принцессъ! Впрочемъ, это дѣлается скорѣе въ цѣляхъ доброты, чѣмъ разума. Отцовство ни-

когда нельзя доказать; можно быть увѣреннымъ только въ материнствѣ. Но у женщины въ распоряженіи нѣтъ средствъ къ существованію, поэтому она превратила мужчину въ раба, работающего на нее. Такъ поступаетъ она съ незапамятныхъ временъ; но рабство всегда деморализировало рабовладѣльца, поэтому женщина — существо вырождающееся, эгоистичное, почти невозможное для общественной жизни. Она остановилась на семейной стадіи развитія. А благодаря попыткамъ работать самой и этимъ освободить мужчину, она выступаетъ его конкуренткой, а переполненный рынокъ труда станетъ кровавой ареной битвы за хлѣбъ, на которой оба пола сойдутся врагами. Это обезпечитъ общество и, можетъ быть, ускоритъ созданіе новаго соціальнаго строя, а можетъ быть, и замедлитъ. Выступать съ новыми законами о наслѣдствѣ, когда наслѣдство должно быть уничтожено, это далеко не прогрессъ. Разницу между брачными и внѣбрачными дѣтьми уничтожить только новое общество, когда государство всѣхъ ихъ возьметъ подъ свое попеченіе.

Бланшъ слушала его невнимательно, ей хотѣлось говорить о чемъ-нибудь другомъ. Снѣгъ растаялъ; въ паркѣ было сыро и неуютно; съ озера дулъ рѣзкій влажный вѣтеръ.

— Здѣсь неприятно гулять,—сказала она.

— Конечно, было бы гораздо уютнѣе сидѣть въ теплой комнатѣ, устланной коврами,—отвѣчалъ онъ,—но какъ это сидѣть?

— Мы должны обручиться,—произнесла она.

— И сидѣть съ теткой и злословить о людяхъ? Не говорить ничего изъ того, что мы думаемъ, не бесѣдо-

вать другъ съ другомъ, а изъ вѣжливости разговаривать съ ней.

— Тогда мы должны повѣнчаться.

Эмиль помолчалъ.

— Да, конечно, — сказалъ онъ. — Мы должны повѣнчаться. Мы не можемъ всю жизнь бѣгать въ темнотѣ по улицамъ! Но твоя дѣятельность?

— Это ей, вѣроятно, не помѣшаетъ.

— Ну, а если? Или если она помѣшаетъ намъ? Мужъ уходитъ утромъ. Къ обѣду приходитъ домой. Дома жена? Нѣтъ, она вышла. Послѣ обѣда жена возвращается домой. Мужъ дома? Нѣтъ, онъ ушелъ. Наконецъ, вечеромъ они встрѣчаются. Огонь пылаетъ въ каминѣ, лампы зажжены. Теперь они могутъ поболтать. Въ это время раздается звонокъ, жену зовутъ на практику. И больше они не видятся, потому что мужъ спитъ, когда возвращается жена. Они играютъ въ прятки и никакъ не могутъ найти другъ друга.

— А если я откажусь отъ своей дѣятельности? Откровенно говоря, я не чувствую къ ней большого влеченія!

— Да, но тогда тебѣ придется цѣлый день сидѣть одной дома, и встрѣчаться мы будемъ только за столомъ! Какъ мы устроимъ это?

— Ты меня спрашиваешь? Ты долженъ отвѣчать, когда я спрашиваю.

— Только будущее можетъ дать намъ отвѣтъ! Только будущее можетъ освободить насъ; теперь мы всѣ рабы, и каждая попытка разорвать цѣпи наказывается еще болѣе крѣпкой тюрьмой. Прощай! Бьютъ часы! Тюремщики ждутъ!

Въ Цюрихѣ царило сильное волненіе. Передъ политехникумомъ стояли группы студентовъ, горячо разговаривая между собой. На улицахъ и въ ресторанахъ толпились студенты. Русское правительство прислало ректору университета заявленіе, въ которомъ увѣдомляло, что студенты обоого пола, опозорившіе націю своимъ безнравственнымъ поведеніемъ, но желающіе всетаки сохранить за собой права русскаго гражданства, должны немедленно вернуться на родину. Было произведено слѣдствіе, и многіе даже не русскіе студенты были скомпрометированы и высланы.

Ассистентъ химической лабораторіи Эмиль Сюшаръ находился въ числѣ высланныхъ! Это произвело тѣмъ болѣе тяжелое впечатлѣніе, что онъ пользовался всеобщей любовью, и всѣ знали, что за свое ученье онъ платилъ изъ ничтожнаго жалованья, которое онъ получалъ какъ ассистентъ.

Въ это утро Эмиль сидѣлъ у себя въ комнатѣ и писалъ письмо. Не къ роднымъ — ихъ у него не было.

Ладья его потерпѣла крушеніе. Надо было строить новую. Онъ еще не кончилъ всѣхъ экзаменовъ, и ему оставалось только искать мѣсто на какомъ-нибудь заводѣ. Но гдѣ?

Въ дверь постучали. Вошла Бланшъ. Красная, заплаканная.

— Теперь я твоя! Тетя все знаетъ! — сказала она и бросилась, рыдая, на диванъ.

— Что же она знаетъ? — спросилъ Эмиль.

— Все!

— Что ты ходила къ русскимъ?

— Да!

— Что мы встрѣчались въ паркѣ?

— Да!

— Больше она ничего не можетъ знать, потому что больше ничего и не было. Что же теперь дѣлать?

— Уѣхать!

— Куда?

— Куда бы то не было.

— А потомъ?

— Повѣнчаться!

Эмиль съ минуту помолчалъ.

— Какъ и другіе,—наконецъ произнесъ онъ.

— Не какъ другіе,—возразила Бланшъ,—а такъ, какъ мы понимаемъ это.

— Какъ мы! Что это значить, какъ мы? Какъ бы мы ни смотрѣли, возможны только два строя: или у насъ будутъ дѣти, и ты будешь ихъ служанкой; или дѣтей не будетъ, и тогда ты будешь моей служанкой.

— У насъ не будетъ ни дѣтей, ни хозяйства; я слѣ-
лаюсь врачомъ.

— Какимъ же образомъ?

Бланшъ опустила глаза и пристально смотрѣла на полъ.

— Да, это правда,—заговорила она,—мой ресурсы истощились.

— И мои тоже,—сказалъ Эмиль.

Бланшъ, ничего не зная о денежныхъ дѣлахъ Эмиля, казалось, была неприятно удивлена. Она считала, что у него, разумѣется, должны быть средства. Было очень тяжело касаться денежнаго вопроса, но въ эту минуту все бу-

душее зависѣло отъ него. Она подняла глаза на Эмиля, прося его взглядомъ разрѣшить вопросъ. Но онъ не поднималъ глазъ. Какъ разъ теперь, когда препятствія были разрушены, узы порваны, и они должны были упасть въ объятія другъ другу, встала эта непрошенная преграда.

Бланшъ пришла великодушная, гордая сама собой, показать ему, что она приноситъ для него жертву, и теперь, когда души ихъ должны были слиться въ небесномъ, яркомъ общеніи, они сидѣли смущенные, стыдясь друга друга; она была уничтожена, какъ будто ей отказали въ займѣ.

А онъ читалъ ея мысли, онъ страдалъ и терзался за нее, но не видѣлъ никакого выхода.

Но онъ долженъ былъ избавить ее отъ ужаснаго молчанія, говорившаго краснорѣчивѣе всякихъ словъ.

— Во всякомъ случаѣ,—заговорилъ онъ,—если мы даже не бросимъ нашей карьеры, я вѣрю въ бракъ между двумя врачами такъ же мало, какъ въ бракъ между столярами или сапожниками. То, что случилось, случилось не по нашей винѣ, Бланшъ, пути наши расходятся; возвращайся къ своимъ. Продолжай свое дѣло.

— Вернуться? Я не могу! Это тюрьма!

— Но за ней стоитъ свобода! А со мной ты на всю жизнь останешься въ тюрьмѣ!

— Чего же ты хотѣлъ отъ меня? Ты подвелъ меня къ пропасти, а теперь говоришь: возвращайся.

— Потому что я вижу, ты никогда не рѣшишься на отважный прыжокъ.

— На какой?

— Черезъ устарѣлыя понятія! Ступай и работай; ты можешь быть учительницей, швеей, продавщицей...

— Я — швейей?!

— Почему я знаю? Я буду варить мыло или перемалывать кости. Вѣдь надо же жить! Что бы ты ни дѣлала, старайся стать свободной, освободиться отъ меня, только когда ты станешь свободной, я смогу вернуться къ тебѣ; и тогда я назову тебя своей женой!

— Такъ, значитъ, я должна была стать твоей возлюбленной?

— А я твоимъ любовникомъ! Это не совсѣмъ то же, что быть мужемъ и женой!

— И тебѣ не стыдно обращаться ко мнѣ съ такимъ предложеніемъ! Я — швея и твоя любовница! Ты говоришь серьезно? Эмиль! Эмиль!

— Такъ же серьезно, какъ я долженъ стать мыловаромъ и твоимъ любовникомъ! Развѣ это не равная игра?

— Я не понимаю тебя.

— Я начинаю это замѣчать! Поэтому я и прошу тебя вернуться домой къ теткамъ!

— И ты еще насмѣхаешься надо мной?

— Нѣтъ, надъ самимъ собой. О, старые, лживые идеалы, смѣлые порывы, которые затуманиваютъ намъ зрѣніе и притупляютъ нашъ здравый разумъ. Ты отвергла мои предложенія, значитъ, у тебя были другія. Что же ты думала, когда шла сюда?

Бланшъ встала и начала застегивать перчатку.

— Я должна вамъ сказать, милостивый государь, — заговорила она дрожащимъ голосомъ, — что мужчина, увлекающій дѣвушку, беретъ на себя нѣкоторую отвѣтственность...

— Да! Я знаю. Возмѣщеніе убытковъ, вознагражденіе...

Нѣтъ, нѣтъ, Бланшъ, между нами не должно быть такихъ счетовъ. Или ты, можетъ быть, хочешь подать мнѣ счетъ за твою любовь, счетъ за измятые воротнички и манжеты! Нѣтъ, не будемъ говорить объ этомъ! Чего ты хочешь? Чтобы мы поженились? Двѣ постели, обѣденный столъ, шесть плетеныхъ стульевъ. Раздѣваться въ одной комнатѣ, ссориться за однимъ столомъ, причесываться одной гребенкой! О, я скорѣе согласился бы умереть!

Бланшъ стояла, держась за ручку двери.

— Ты думаешь, что не имѣешь никакихъ обязанностей за ту жертву, которую я принесла.

— Жертву? Ты принесла мнѣ въ жертву свою любовь, а я тебѣ свою! Если бы у насъ былъ ребенокъ, то моей обязанностью было бы заботиться о немъ и о тебѣ, потому что женщина не имѣетъ никакихъ обязанностей по отношенію къ своему ребенку, да и не можетъ ихъ имѣть, такъ какъ она не имѣетъ или не хочетъ имѣть полной свободы на рынкѣ труда! Но вернемся къ дѣлу! Твоя дѣятельность еще не прервана, вернись къ ней! Я предлагаю тебѣ свободу, а ты просишь тюрьмы!

— Я вернусь,— сказала Бланшъ твердо.— И уже ни одинъ мужчина никогда не увлечетъ меня. Прощай!

Она вышла.

Онъ слышалъ, какъ стучали по ступенямъ ея маленькіе каблучки; все ниже и ниже по высокой лѣстницѣ и наконецъ смолкли. Потомъ хлопнула входная дверь, тяжело и глухо, какъ вздохъ.

Онъ побѣждалъ къ окну, распахнулъ его и высунулся. Онъ снова увидалъ ее, но съ высоты она казалась въ уменьшенномъ видѣ. Благодаря перспективѣ, фигура ея

искажилась, и она напоминала смѣшное отраженіе въ тѣхъ стеклянныхъ шарахъ, которые выставляются въ садахъ. Всѣ ея изящныя линіи искажились, и весь обликъ былъ испорченъ.

Такъ шла своимъ путемъ его прекрасная мечта, превращаясь во что-то уродливое и оставляя по себѣ воспоминаніе, какъ о чемъ-то безобразномъ.

* * *

— Докторъ дома? — спросилъ пациентъ, постучавшись въ дверь, на которой была прибита мѣдная дощечка съ надписью: «Докторъ медицины Бланшъ Шапю».

— Она больна, — отвѣчала тетя Берта, — но я спрошу, можетъ быть, она приметъ.

Мадемуазель Берта, сильно постарѣвшая за нѣсколько тяжелыхъ лѣтъ послѣ потери капитала, вошла въ комнату Бланшъ спросить, приметъ ли она больного. Въ комнатѣ было темно, и Бланшъ лежала на диванѣ съ обвязанной головой. Ее мучила обычная мигрень; она уже два дня ничего не ѣла и не была въ состояніи пошевелинуться. Разъ въ мѣсяцъ она становилась трупомъ, по ея выраженію, и не было никакихъ средствъ помочь этому.

— Тамъ пришелъ больной, — сказала тетка, какъ можно мягче.

— Оставь меня въ покоѣ, — простонала бѣдная женщина, поворачиваясь къ стѣнѣ.

— Но, дорогая Бланшъ, ты вѣдь знаешь, какъ намъ трудно приходится.

— Знаю, знаю! Это лавочникъ или мясникъ? Я не могу больше.

— Но, дорогое дитя, вѣдь намъ надо же жить, и тебѣ не слѣдуетъ отказывать паціентамъ. Ты должна принять это во вниманіе!

— Благодарители челоѳчества должны жить его же страданіями,— простионала Бланшь.— Сколько противорѣчій, сколько фальши.

— Но, моя милая, разъ челоѳкъ родился, онъ долженъ жить, и, если бы ты не была такъ сурова и не отъучивала паціентовъ, намъ тоже жилось бы недурно.

— Да, если бы я не сказала той богачкѣ, что ея истерія одни капризы, то у меня была бы дамская практика. Я вылѣчила ее однимъ графиномъ холодной воды, и ея мужъ будетъ мнѣ вѣчно благодаренъ за это лѣченіе, если даже не будетъ благодарна сама жена! Охъ, дай мнѣ мою записную книжку. Что у меня назначено на сегодня? Я не могу читать сама. Нервная горячка на Rue de Mont-Blanc, десять визитовъ по три франка: вѣроятно, заплатятъ. Корь у Портъе на Route de Carouge: не заплатить. О, нѣтъ, тетя, объ этомъ позаботься сама, это слишкомъ унижительно. Кто тамъ еще пришелъ? Скажи ему, что сегодня я не могу принять! Не могу, понимаешь? И уходи! Я хочу быть одна!

Тетя Берта вышла и отказала паціенту.

Послѣ тяжелаго кризиса въ Цюрихѣ Бланшь пережила не мало горькихъ дней и потеряла много иллюзій. Два послѣдніе года въ университетѣ она провела подъ непрерывнымъ надзоромъ и въ ожесточенной борьбѣ. Она работала и работала, чтобы распилить тѣ желѣзныя оковы, кото-

рыми недостатокъ средствъ къ существованію приковальъ ее къ старухамъ; и когда, наконецъ, она окончила экзамены и должна была наступить свобода, она, какъ и раньше, была прикована къ старухамъ, ставшимъ обузой, которую ей приходилось нести теперь, въ свою очередь, какъ раньше онѣ несли ее. Теперь онѣ не могли больше этого дѣлать, такъ какъ потеряли свое состояніе.

Въ Женевѣ, куда она переѣхала, чтобы заняться практикой, было уже много женщинъ-врачей, и честь быть первой была отнята у нея. Кромѣ того, ей нечего было ждать помощи, совѣта или дружескаго участія отъ товарищей, будь то мужчины или женщины. Борьба за существованіе была упорная, и всюду она наталкивалась на совѣтъ: заботься самъ о себѣ. Врачи-мужчины встрѣчали ее нелюбезно, какъ даму, и холодно, какъ конкурента.

Она, разумѣется, больше всего расчитывала на дамскую практику. Но и тутъ она ошиблась въ расчетѣ, потому что дамы больше довѣряли врачамъ-мужчинамъ или же находили удовольствіе въ этихъ маленькихъ интимныхъ *têtes-à-têtes*, которыя хотя и задѣваютъ нѣсколько стыдливость, но зато дѣйствуютъ такъ укрѣпляюще. Заниматься наукой ей не хватало времени, — заботы о существованіи отнимали все время, и послѣ двухлѣтней непрерывной борьбы съ своимъ чувствомъ деликатности, играя роль то благодѣтеля, то дѣловаго человѣка, Бланшъ постепенно сошла на роль посредственнаго врача, который беретъ за все, что попадетъ подъ руку. Къ ней обращались много бѣдныхъ, а иногда въ тяжелыхъ случаяхъ ее приглашали, какъ акушерку. Она едва ли ощущала гордость ѣсть свой собственный хлѣбъ, такъ какъ добываніе его было свя-

зано со столькими униженіями, а свобода, — свобода не имѣть ни одной минуты для себя, не спать спокойно ни одной ночи, — прекрасная греза скоро разсѣялась. Если бы, по крайней мѣрѣ, у нея была свобода поступать по совѣсти, говорить пациентамъ правду; но жестокая рука нужды скоро заставила ее отказаться отъ этого. Она заслужила нерасположеніе дамъ, предписывая имъ не носить корсетовъ и высокихъ каблуковъ; такіе совѣты, по ихъ мнѣнію, каждый могъ давать самому себѣ; врачъ долженъ «прописывать», если онъ хочетъ получить довѣріе и гонораръ. Затѣмъ началась борьба съ самой собой. Она была въ расцвѣтѣ лѣтъ, когда пробуждается женщина, но послѣ разрыва съ первымъ любимымъ человекомъ она не обращала вниманія на мужчинъ, и мужчины избѣгали ее.

Она вела печальное существованіе, главной заботой котораго былъ кусокъ хлѣба. Всѣ ся жизнерадостныя чувства омрачились этой мыслью, отъ которой она никакъ не могла отдѣлаться.

Не было ли бы ей лучше замужемъ, — задавала она иногда себѣ вопросъ, но, наблюдая семейную жизнь, она пришла къ убѣжденію, что и это существованіе весьма жалкое. Она заглянула и въ этотъ тупикъ полумѣръ, предпринимаемыхъ для эмансипаціи женщины. Требовались совсѣмъ другія реформы, чтобы все пошло какъ слѣдуетъ. Но какія?

Однажды она навѣстила одну акушерку, бывшую замужемъ, которая иногда помогала ей на практикѣ. Она не застала дома ни матери, ни отца. Отецъ былъ башмачникъ. Въ комнатѣ за кухней кричало четверо дѣтей, оставшихся одними. Старшей семилѣтней дѣвчкѣ поручено было

«смотреть» за малышами. Она должна была грѣть молоко и наливать его въ рожокъ, носить и укачивать младшихъ, и отъ непосильной тяжести спина ея уже сгорбилась, а нижняя часть туловища выдалась впередъ. Она несла на себѣ все бремя жизни и материнства, прежде чѣмъ она могла даже думать о томъ, чтобы стать матерью.

— Но, дорогая, какъ же вы могли выйти замужъ?—съ упрекомъ спросила Бланшъ, когда мать, наконецъ, вернулась.

— Нужно же имѣть мужа, — отвѣтила акушерка, бывшая дома разсудительной и хорошей матерью.

Бланшъ не видѣла необходимости имѣть мужа. Но акушерка объяснила ей, что ея дѣтямъ живется не хуже, чѣмъ другимъ дѣтямъ бѣдняковъ, родители которыхъ ходятъ на работу.

И это, думала Бланшъ, идеальный, реформированный бракъ, гдѣ оба супруга работаютъ, и жена освобождена отъ рабства у мужа! Здѣсь была мнимая свобода матери, купленная рабствомъ семилѣтняго ребенка. Долой рабство! А если благодаря достатку родителей ребенокъ и избавляется отъ рабства, то только цѣною новой рабы — служанки.

Изъ женщинъ - врачей только одна была замужемъ. Бракъ былъ бездѣтный и кончился побоями и разрывомъ. Одна русская, жившая внѣ брака съ однимъ господиномъ, потеряла репутацію, а вмѣстѣ съ ней и практику и принуждена была выѣхать изъ города.

Если бы Бланшъ была одинока, она, можетъ быть, и рѣшилась бы идти своимъ собственнымъ путемъ, но теперь она должна была влечь за собой двухъ старухъ. Иногда

она сознавала себя глубоко неблагодарной по отношенію къ нимъ. Она исполняетъ свой долгъ благодарности и послушанія, такъ какъ она обязана имъ за все, что онѣ сдѣлали, а теперь онѣ требуютъ за это еще денежнаго вознагражденія. И теперь она должна свою жизнь, свою потребность быть честной въ своемъ призваніи принести въ жертву этимъ двумъ никому не нужнымъ существамъ, безъ которыхъ міръ прекрасно бы существовалъ.

Потомъ наступили еще болѣе тяжелые дни. Бланшъ не посчастливилось: ей не удалась одна операція. Враги поспѣшили заклевать конкурента. Практика упала. Нужда стучалась въ дверь. Кредитъ былъ закрытъ, и Бланшъ въ первый разъ увидѣла, какъ страшно трудно жить безъ опредѣленнаго заработка. Голодъ снимаетъ съ человѣка всѣ его внѣшніе признаки существа духовнаго, и онъ становится лицомъ къ лицу съ самимъ собой, какъ съ вѣчно пожирающимъ животнымъ, которое безъ ѣды и питья скоро перестаетъ сопротивляться химическимъ силамъ и идетъ навстрѣчу своему превращенію въ прахъ. Она не спала ночей въ безпокойствѣ за кусокъ хлѣба. Надвигалась нищета! Безъ хлѣба ее ждуть страданія и смерть, безъ хлѣба нѣтъ ни души, ни «возвышенныхъ» мыслей, ни «идеаловъ». А идеалисты еще проповѣдуютъ противъ «грубой пользы» матерьяльныхъ стремленій, вѣроятно, потому, что обезпечены всѣмъ тѣмъ, чего ей не хватаетъ.

Тетя Берта, знавшая хорошіе, гордые дни и чувство достоинства, которое покоилось на ея деньгахъ, была въ полномъ отчаяніи. Она проклинала капиталистовъ и, сама того не сознавая, проповѣдывала социализмъ. Быть вынужденной жить, когда средствъ къ существованію не-

хватаетъ на всѣхъ (теперь она причисляла себя ко всѣмъ несчастнымъ), казалось ей такимъ опаснымъ положеніемъ вещей, какое должно быть измѣнено какъ можно скорѣе. Правда, одно мгновеніе ей пришло въ голову, что и она могла бы работать, и она пыталась даже искать шитья, но рабочій рынокъ былъ такъ переполненъ швеями, что ей не нашлось тамъ мѣста. Но тутъ, при всемъ желаніи, она никакъ не могла обвинить мужчинъ въ томъ, что они захватили рынокъ.

Нужда кричала все громче, и за недостаткомъ питанія души готовились перейти въ вѣчный покой, и тогда всѣ бы сознались, что безъ хлѣба нѣтъ и души,—когда Бланшъ, наконецъ, послѣ долгихъ поисковъ получила мѣсто фабричнаго врача въ сѣверной Франціи.

*
* * *

Въ одно прекрасное весеннее утро докторъ Бланшъ Шапюи прибыла въ маленькій городокъ Гизъ департамента Эзнъ, откуда она сейчасъ же отправилась на мѣсто своей службы, большой чугунно-литейный заводъ депутата Годэна. Пройдя въ назначенную ей комнату и поправивъ свой туалетъ, она отправилась въ бюро представиться своему принципалу. Кабинетъ благороднѣйшаго, если не самаго извѣстнаго, челоуѣка Франціи помѣщался въ маленькой пристройкѣ недалеко отъ завода. Бланшъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ ждала встрѣчи съ своимъ хозяиномъ, отъ доброй воли котораго зависитъ ея жизнь. Но пріятная внѣшность старика и его искреннее радушіе сразу успокоили ее.

— Докторъ Шапюи,—заговорилъ онъ,—я васъ знаю, а вы, вѣроятно, не знаете ни меня, ни мѣста, гдѣ намѣреваетесь работать. Не лучше ли вамъ будетъ осмотрѣть сначала нашу маленькую общину, передъ тѣмъ какъ приступить къ исполненію своихъ обязанностей.

— Съ удовольствіемъ, господинъ принципаль,—отвѣчала Бланшъ.

— Я для васъ не принципаль и не хозяинъ,—возразилъ старикъ,—здѣсь всѣ хозяева, и вы будете такимъ же, но только мы,—хозяева-работники.

Онъ взялъ шляпу и палку и вышелъ со своей гостьей на улицу.

— Бросьте сначала общій взглядъ на все,—сказалъ онъ,—на внѣшній видъ. Здѣсь, направо, *perçus regim*, литейныя мастерскія; тамъ, сзади, общественный дворецъ или фамилистеръ: три прямоугольных зданія со стеклянными крышами надъ дворами; въ нихъ помѣщается двадцать тысячъ человѣкъ.

— Утопіи Фурье и Оуэна,—сказала Бланшъ.

— Реализованная утопія! Одна изъ многихъ реализованныхъ утопій, существованіе которыхъ отрицается людьми другого поколѣнія. Точно такъ же, какъ они отрицаютъ возможность рѣшать войны международными третейскими судами, хотя мы и видѣли это недавно при рѣшеніи Алабамскаго вопроса. Эти преграды ставятся ничтожными людьми, лживой логикой нечистой совѣсти. Дальше идетъ домъ для дѣтей, гдѣ растутъ и воспитываются всѣ дѣти общины; школьныя залы, театръ, ресторанъ, кафэ, биллиардныя, бібліотека, ванны, конюшни, скотный дворъ и сады. Какъ

видите, это цѣлая коммуна. Основаніемъ этой коммуны служить трудъ. Развѣ это не справедливо?

— Да, — отвѣчала Бланшъ, — но трудъ безъ капитала?

— Совершенно вѣрно. Трудъ безъ капитала можетъ создать капиталъ, потому что такимъ путемъ возникли всѣ капиталы, но капиталъ безъ труда — ничто. Я научился этому, но уже слишкомъ поздно. Мой отецъ основалъ этотъ заводъ и нажилъ состояніе, которое я наслѣдовалъ. Я продолжалъ это дѣло и сталъ очень богатъ. Я бросился въ крупные подряды и въ началѣ шестидесятихъ годовъ долженъ былъ поставить матерьялъ для городскихъ желѣзныхъ дорогъ. Но рабочіе забастовали, и все мое состояніе было поставлено на карту, потому что одинъ изъ конкурентовъ переманилъ у меня рабочихъ. Тогда я увидѣлъ безсиліе капитала и понялъ, что только трудъ — постоянная движущая сила, дающая власть капиталу. Въ тревожные дни, которые я пережилъ тогда, моимъ глазамъ открылась истина; и, рискуя стать такимъ же бѣднякомъ, какъ послѣдній изъ моихъ рабочихъ, я прозрѣлъ, что я былъ воромъ. Всѣ эти машины и зданія, которыя я унаслѣдовалъ отъ отца, вѣдь были построены ему отцами этихъ рабочихъ; чего же естественнѣе, чтобы всѣ они стали наслѣдниками и участниками созданнаго ими капитала. Понявъ это, я созвалъ рабочихъ и объявилъ имъ, что они собственники завода, который они создали своей движимой и недвижимой собственностью. Мы образовали компанію, и дѣло наше процвѣтаетъ уже двадцать лѣтъ.

— Теперь, когда я слышу это отъ васъ, — сказала Бланшъ, — я нахожу это вполне естественнымъ, тогда какъ прежде я держалась противнаго мнѣнія.

— Да,—сказаль фабрикантъ,—это такъ, вы видите изъ этого какъ сильно истина окутана всякой ложью, если ей такъ трудно выйти на свѣтъ. Но прошу васъ, спрашивайте меня, я все разъясню вамъ.

— Да, меня немного удивляетъ, что всѣ эти люди охотно живутъ въ казармахъ, не стремясь имѣть что-нибудь свое.

— Мы — люди прошлаго, стремились къ своему собственному очагу, пока не увидали, какъ ненадеженъ нашъ собственный очагъ и какъ все «мое» враждебно всему «чужому» и что, наконецъ, самое надежное — это наше «общее».

— Но принужденіе... — возразила Бланшъ.

— Тутъ нѣтъ никакого принужденія! У насъ шесть-сотъ семействъ. Представьте себѣ шестьсотъ кухонь, шесть-сотъ бѣдныхъ хозяекъ, стоящихъ у очага; сколько даромъ потраченныхъ силъ. Теперь у нихъ одна общая кухня и столовая для желающихъ быть въ обществѣ; кто предпочитаетъ одиночество, обѣдаетъ въ своей комнатѣ. Здѣсь мы имѣемъ освобожденіе женщины отъ кухни. Большинство предпочитаетъ обѣдать въ столовой, потому что *tête-à-tête* даже между супругами подъ конецъ становится скученъ. Мы видимъ даже, что женатые охотнѣе посѣщаютъ столовую, чѣмъ холостые!

— Ну, а дѣти?

— Да, намъ удалось разрѣшить и этотъ трудный вопросъ. У насъ есть особый домъ для дѣтей.

— О, какая же мать пожелаетъ отдать въ этотъ домъ своего ребенка!

— Всѣ! Да, да, всѣ! Слышите? Когда мы говоримъ о

дѣтскомъ домѣ, то не слѣдуетъ представлять себѣ коммунальные пріюты, гдѣ родители никогда не видятъ своихъ дѣтей. Весь вопросъ сводится къ слѣдующему: вмѣсто шестисотъ дѣтскихъ у насъ одна, доступъ и наблюдение за которой открыто для всѣхъ. Что было раньше? Раньше, говорю я, словно мы уже покончили со старымъ устройствомъ! Что мы видимъ у бѣдняковъ въ капиталистическихъ государствахъ? Дѣтей запираютъ въ одну тѣсную комнату, пока родители уходятъ на работу.

— Да, но, по крайней мѣрѣ, ночью мать съ ними.

— Точно такъ же, какъ и здѣсь. У каждаго ребенка по двѣ колыбельки или постельки; одна стоитъ здѣсь, другая у матери. Но я хочу подѣлиться съ вами однимъ моимъ наблюдениемъ: материнская любовь покоится, по видимому, главнымъ образомъ на боязни за благополучіе своего ребенка. Здѣсь, когда этотъ страхъ устраненъ, материнская любовь, обычно сильно преувеличенная, нѣсколько уменьшается. Только очень незначительное число матерей берутъ къ себѣ дѣтей на ночь. Вы видите, какъ мы разрѣшили труднѣйшій изъ вопросовъ.

— Ну, а семейная жизнь?

— Раньше... ну, въ старомъ свѣтѣ какова семейная жизнь? Дома душно, благодаря совмѣстной жизни многихъ людей и нечистоплотности дѣтей. Мужъ стремится въ кабакъ. Что такое кабакъ? Очагъ разврата? Нѣтъ, нисколько! Это общественное мѣсто, гдѣ они приносятъ законную жертву инстинкту общности. Но мужъ никогда не веселится тамъ искренно. Онъ знаетъ, что дома его ждутъ и скучаютъ. Если же, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, онъ беретъ жену съ собой, то оба они беспокоятся о дѣтяхъ и

скучаютъ. А что мы видимъ здѣсь? Вечеромъ и мужъ и жена идутъ на лекцію, въ театръ, въ кафэ. Если они беспокоятся, то спрашиваютъ по телефону, что съ ихъ ребенкомъ, и имъ беспокоиться нечего. Иногда мать уходитъ на минуту успокоить или укачать ребенка.

— Но здѣсь есть пробѣлъ,—замѣтила Бланшъ.

— Укажите мнѣ на него,—сказалъ фабрикантъ.

— Матери сваливаютъ свое бремя на чужую женщину.

— Согласенъ, это пробѣлъ! Вѣдь у насъ не совершенный, а только улучшенный строй. Впрочемъ, эту заботу не берутъ на себя женщины, не имѣюща къ этому склонности, а такъ какъ есть люди съ прирожденной любовью къ дѣтямъ, то обязанность эта не является особенно тяжелой.

— Но кому же охота возиться съ чужими дѣтьми? — спросила Бланшъ.

— У кого нѣтъ своихъ дѣтей или кто не можетъ ихъ имѣть, тѣ обыкновенно переносятъ свою любовь на чужихъ дѣтей! Кто слѣдуетъ своей склонности, тотъ не чувствуетъ тягости труда. Но перейдемъ къ вамъ: сможете ли вы ужиться при нашемъ общественномъ строѣ? Въ наше время встрѣчаются сильныя индивидуальности, которыя не переносятъ постоянного общенія съ чужими; черезчуръ нервныя, они страдаютъ, ощущая чуждое имъ электричество; если вы принадлежите къ таковымъ, сначала вамъ будетъ очень не по себѣ, но изъ этого вы не должны заключать, что вы никогда не отдѣляетесь отъ этого. Наша способность приспособляться прямо невѣроятна.

— Я еще не могу судить объ этомъ,—отвѣтила Бланшъ,— но я всю жизнь прожила неразлучно съ двумя особа-

ми, образъ мыслей которыхъ былъ совершенно отличный отъ моего, и поэтому я надѣюсь, что свободное общеніе съ людьми, одинаковыхъ со мной взглядовъ, не будетъ мнѣ тяжело. Вѣдь у васъ нѣтъ ни казармъ, ни стѣнъ, ни барабаннаго боя, ни регламента.

— Такъ сдѣлаемъ опытъ,—сказалъ фабрикантъ.—Что же касается условій, то они временныя, пока вы не рѣшите вступить въ общину какъ полноправный членъ. Вы не будете получать жалованья, но вы удовлетворяете всѣ ваши потребности за счетъ общины; вы можете кушать и пить, что хотите и гдѣ хотите, одѣваться по вашему вкусу, развлекаться чѣмъ угодно и выписывать за нашъ счетъ книги и инструменты. Кромѣ того, вы застрахованы противъ несчастныхъ случаевъ, болѣзни, старости. Итакъ, жизнь ваша обезпечена, насколько она вообще можетъ быть гарантирована. Но денегъ въ руки вы не получаете: мы упразднили деньги, такъ какъ это фальшивый измѣритель цѣнности, и, кромѣ того, съ ними очень трудно обращаться.

— Я всегда мечтала притти къ этому,—сказала Бланшъ, —и деньги, такъ необходимыя при настоящихъ условіяхъ жизни, всегда казались мнѣ чѣмъ-то ненадежнымъ и нечистымъ. Я съ благодарностью принимаю ваше предложеніе.

— Нѣтъ, не благодарите. Если вы въ нуждѣ, то и наша нужда во врачѣ не менѣ велика. Я не буду говорить о вашихъ обязанностяхъ: онѣ, какъ вы сами понимаете, заключаются въ уходѣ за больными и въ насколько возможномъ предупрежденіи заболѣваній у здоровыхъ. Никакихъ провѣрокъ и наблюденій. Однимъ словомъ, вамъ предо-

ставляется полная свобода дѣйствовать согласно вашей совѣсти. Теперь я отпущу васъ. Меня вы будете видѣть только когда пожелаете. Прощайте!

И г. Годэнъ оставилъ Бланшъ у входа въ домъ.

* * *

Теперь для Бланшъ началась новая жизнь. Избавившись отъ мысли о заработкѣ и нуждѣ, живя спокойно, безъ боязни завтрашняго дня, она могла всецѣло посвятить себя своему призванію, не заботясь о капризахъ и причудахъ пациентовъ. Она жила для другихъ, но пользовалась полной свободой мыслей, желаній и совѣсти. Ей нечего было больше бояться высказывать свое мнѣніе, и она могла, наконецъ, смотрѣть на своихъ пациентовъ только какъ на больныхъ, не думая о томъ, заплатятъ ли они ей. Никакихъ конкурентовъ, никакихъ научныхъ докладовъ факультету.

Это была вполне покойная жизнь. И ее окружали все люди покойные и тихіе. На лицахъ ихъ отражался душевный покой, чего раньше она никогда не встрѣчала, и они двигались безъ того лихорадочнаго безпокойства, которое замѣчается повсюду. Они спали безъ тяжелыхъ сновъ о нуждѣ, безработицѣ, старости въ нищетѣ и униженіяхъ. Въ домѣ царилъ порядокъ безъ всякаго регламента; спали съ незапертыми дверями, потому что не боялись никакихъ воровъ; если бы кто кралъ, онъ украсть бы у самого себя. Ни ссоръ, ни зависти; всѣ владѣли всѣмъ тѣмъ, чего можно достигнуть: всѣмъ, что имъ необходимо. Въ главномъ совѣтѣ, гдѣ рѣшались финансовыя

дѣла общины, засѣдали всѣ, и мужчины и женщины, и господа и слуги. И слуги также были членами общины, избравшими, по своему желанію, домашнюю жизнь; мужчины встрѣчались также въ кухнѣ, прачечной и дѣтской.

Никогда не встрѣчалось ни одного пьянаго, хотя въ ресторанѣ и подавались крѣпкіе напитки. Положимъ, первая десять лѣтъ спиртные напитки были запрещены, но это была только временная мѣра, и ее скоро отмѣнили; а затѣмъ алкоголь давался такъ легко, что онъ потерялъ всю свою привлекательность; къ тому же теперь не приходилось прибѣгать къ нему, какъ къ утѣшителю въ отчаяніи, потому что никто не отчаивался.

Изящныя искусства тоже занимали свое мѣсто, но только какъ развлеченіе въ свободные часы. Въ театрѣ давались пьесы, написанныя членами общины и трактующія вопросы новой жизни. Стѣны въ столовой и комнатахъ были расписаны какъ для украшенія, такъ и для того, чтобы доставить пріятное зрѣлище.

Церкви не было. Религія, бывшая раньше суррогатомъ того, что не могла дать жизнь, и иногда служившая даже для запугиванья имѣвшихъ основаніе быть недовольными, проникла теперь въ жизнь; каждый исповѣдывалъ свою религію и молился у себя въ комнатѣ.

Браки въ общемъ были весьма продолжительны. Большая часть поводовъ къ раздору исчезла. У мужа и жены были отдѣльныя комнаты. Жена не зависѣла отъ мужа, а мужъ пересталъ быть вьючнымъ скотомъ жены. Мелкія ссоры между супругами происходили или благодаря охлаждѣвшему чувству или недостаточному духовному развитію одной изъ сторонъ. Разводъ при такихъ условіяхъ былъ

не затруднителенъ и происходилъ безъ всякой горечи. Супруги просто переставали жить вмѣстѣ, а судьба дѣтей не мѣнялась, потому что ихъ воспитывало общество. Наслѣдственное право также не вызывало никакихъ споровъ, потому что единственнымъ наслѣдникомъ являлось общество.

Единственной заботой Бланшъ были тетки. Она получила позволеніе предложить имъ мѣсто надзирательницъ въ гладильномъ помѣщеніи, но съ обязательствомъ принимать участіе въ работѣ, потому что тунеядцы не были терпимы. Тетушка Берта пришла въ негодованіе, когда ей предложили поступить въ «рабочный домъ», но нужда постепенно сломила ее. Онѣ поступили, наконецъ, на это мѣсто, но никакъ не могли примириться съ этимъ. Онѣ были слишкомъ стары, чтобы признать, что рабочій — равный имъ человѣкъ, но имъ не оставалось другого выбора. Тетя Берта продолжала считать, что прежде было гораздо лучше, когда за ней оставалась рента, которую ее отецъ нажилъ «честно» — чужой нуждой.

Въ домѣ всегда было оживленно, всѣ были беззаботны и могли веселиться. Иногда читались лекціи, но не слишкомъ часто, потому что въ школѣ преподавалось все необходимое для современной жизни, и никто не заботился о прошломъ, которое старались забыть. На пустыя разсужденія о будущей жизни не было времени; всѣ были согласны въ томъ, что земное существованіе требуетъ достаточно заботъ, а неизвѣстность, есть ли еще другая жизнь послѣ этой, побуждала всѣхъ какъ можно полезнѣе и пріятнѣе использовать свою жизнь. Порядокъ сохранялся разумнымъ общепонятнымъ интересомъ. Никто

ночью не шумѣлъ въ своей комнатѣ—по той простой причинѣ, что этимъ онъ могъ вызвать у сосѣда тоже желаніе шумѣть.

Все зданіе было обнесено паркомъ и садами съ площадками для игры въ мячъ, гимнастикой, качелями и тому подобнымъ; поэтому всѣ большую часть своего времени проводили на открытомъ воздухѣ, хотя и въ закрытыхъ дворахъ дома тоже часто устраивались праздники. Праздники, посвященные исключительно удовольствію, а не прославленію какого-нибудь великаго человѣка, потому что всѣ были такъ же далеки отъ поклоненія людямъ, какъ и теоріямъ; не поклонялись даже новымъ теоріямъ естествознанія, грозившимъ стать такими же догматами, какъ и прежнія религіозныя теоріи. Остерегались даже присвоивать себѣ какое-либо сужденіе, потому что, по закону развитія, завтра оно можетъ быть ниспровергнуто, и признающій его долженъ стараться искоренить его.

* * *

Снова наступила весна. Однажды вечеромъ Бланшъ гуляла въ паркѣ. Члены общины скоро поняли, что постоянная совмѣстная жизнь можетъ принести съ собой вынужденное общеніе, и поэтому у нихъ само собой вошло въ обычай заговаривать съ другимъ только тогда, если видишь, что и этотъ другой склоненъ къ бесѣдѣ. Поэтому Бланшъ могла гулять по большой аллеѣ одна среди другихъ гуляющихъ, не кланяясь и не вступая изъ вѣжливости въ разговоръ, когда ей хотѣлось побыть одной со своими мыслями.

Огромные каштаны дали уже почки, и темныя очертанія вѣтвей начинали покрываться прекраснѣйшей зеленью. Земля была сухая, а вѣтеръ ласкалъ кожу, какъ теплая вода; но на легкія и кровь онъ дѣйствовалъ сильно, какъ хорошее вино. Бланшъ вспомнила весну на Женевскомъ озерѣ, мечты, унаслѣдованныя ею отъ прошлаго болѣзненнаго поколѣнія, окружающаго дѣйствительность поэзіей, и мозгъ котораго со своей высокой температурой превращалъ всѣ твердыя тѣла въ газообразное состояніе, такъ что они становились недоступны чувствамъ. Благодаря близкому общенію съ настоящей дѣйствительностью, благодаря изученію науки о жизни, т.-е. біологій, мысли ея спустились на землю и чувствовали себя спокойнѣе, чѣмъ высоко въ воздухѣ. Но тѣ мечты? Къ чему онѣ стремились? Къ недостижимой дѣйствительности. Мечта о мужчинѣ видѣла передъ собой осуществленіе, но изъ страха она отогнала ее.

Она свернула съ аллеи и прошла въ садъ. Тамъ цвѣли вишневыя деревья, бѣлыя съ зеленымъ, точно невѣсты, но она, по обыкновенію, шла, опустивъ глаза, и не видѣла ихъ.

Она сѣла на скамью и начала смотрѣть, какъ садовникъ вскапываетъ заступомъ землю, чтобы она лучше поддавалась растворяющему вліянію воздуха и своимъ разложеніемъ и смертью дала бы, какъ минералъ, жизнь высшимъ породамъ растеній. Рядомъ съ садовникомъ стояла тачка съ навозомъ; время отъ время онъ забиралъ его на заступъ и мѣшалъ съ землей. Маленькій сынишка садовника игралъ возлѣ него и по временамъ останавливался и слѣдилъ за его работой.

— Послушай, отецъ,—спросилъ онъ,—что это у тебя въ тачкѣ?

— Изъ этого, Жанъ, лѣтомъ вырастетъ земляника,—отвѣчалъ отецъ.

— Да вѣдь это грязь,—продолжалъ Жанъ,—развѣ изъ грязи можетъ вырасти земляника?

— Да, дружокъ, можетъ. Изъ грязи вырастаетъ пшеница, а изъ нея дѣлаютъ хлѣбъ, а изъ хлѣба дѣлаются люди. Не говори такъ презрительно о грязи; когда ты умрешь и тебя зароютъ въ землю, ты самъ превратишься въ нее. Неразумные люди унизили твореніе Господа и съ пренебреженіемъ относятся къ обработкѣ земли, думая своимъ бездѣльемъ достигнуть высшаго совершенства.

— Да, а развѣ душу тоже дѣлаютъ изъ пшеницы?

— Да, милый, потому что и у пшеницы есть душа. Пшеничному зерну приходится не мало подумать, прежде чѣмъ выбрать хорошее мѣсто для своихъ корней, вытянуть сокъ изъ земли и впитать изъ него жирнѣйшіе соки; пшеница—растеніе южное, ей надо было много изобрѣтательности, чтобы научиться ограждать себя отъ нашихъ холодовъ постепеннымъ утолщеніемъ кожурѣ; да и колосу пришлось не мало поразмыслить о томъ, что весна—самое подходящее время для цвѣтенія. У пшеницы есть душа!

— Гм...—сказалъ мальчикъ, не получившій никакого религіознаго воспитанія.—А когда пшеница умираетъ, душа ея тоже умираетъ?

— Нѣтъ, она не умираетъ; вообще, ничто не умираетъ. Это только намъ такъ кажется!

— Такъ, такъ! Ну, а когда мы умираемъ?

— Да, тогда, видишь ли, мы перестаемъ жить, но

даемъ жизнь новымъ жизнямъ! Только наше высокомеріе могло додуматься до того, будто мы продолжаемъ нашу эгоистическую жизнь; поэтому-то новое общество и научило насъ жить для другихъ, живя въ то же время и для самихъ себя; это единственный способъ сдѣлать жизнь сносной! Да! Ну, а теперь здѣсь я посажу дыни, а здѣсь цвѣты, и все изъ этой грязи, какъ ты ее называешь!

Бланшъ встала со скамьи и пошла дальше. Это былъ результатъ ея лекцій по органической химіи, которыя посѣщаль садовникъ. У него хватило мужества сдѣлать конечные выводы, а у нея нѣтъ! Онъ правъ,—думала она,—но, но... мечты, мечты еще слишкомъ сильно коренились въ ней. Несбыточные мечты! Вотъ въ чемъ все дѣло! Она чувствовала, что ея собственная жизнь угасаетъ, и скорбя о томъ, что она умретъ, не выполнивъ своего назначенія въ самомъ прекрасномъ и важномъ смыслѣ его, она принудила себя схватиться за якорь спасенія—вѣру въ загробное существованіе!

Она направилась къ пруду и сѣла тамъ помечтать. Жизнь развертывалась передъ ней тихо и спокойно. Она располагала своими мыслями и своей совѣстью. Она увидѣла относительную цѣнность своего призванія, какъ помощи въ нуждѣ, и это призваніе исчезнетъ, когда уничтожатся причины болѣзней. Это вычеркнуло честолюбіе изъ ея души; но прожить самую жизнь—это тоже что-нибудь да значило, можетъ быть самое главное, но она жила только половиной жизни. Она жила только половиной жизни, на которую имѣли права всѣ другіе; тою же половиною жизни, которая принадлежала только ей и которую она также обязана была изжить, она не жила.

Солнце садилось и ярко горѣло изъ-за вершинъ деревьевъ; черные дрозды громко пѣли, а пѣночки цѣловались послѣдній разъ, прежде чѣмъ заснуть. Изъ парка доносилось веселое пѣніе, а изъ оконъ залы вырывались отдѣльные аккорды репетиціи музыкальнаго кружка. Это была увертюра изъ Вильгельма Телля. Интродукція виолончели съ акомпаниментомъ кларнета доносилась неясно и тихо плыла въ тепломъ благоухающемъ воздухѣ. Бланшъ не слушала музыки, она прислушивалась къ тихому волненію крови, которая приливала къ груди и охватывала сердце чуднымъ трепетомъ, который боролся съ обычнымъ теченіемъ ея мыслей. Но вотъ раздалась ясная трели флейты съ ея звуками альпійскаго рога; мысли ея были нарушены, и она начала прислушиваться. Милые, давно знакомые звуки Альпъ, бѣлоснѣжныхъ горъ, видныхъ изъ Лозанны и Цюриха. Горы, куда съ наступленіемъ весны стремилась вся молодежь, и въ тотъ весенній вечеръ на Женевскомъ озерѣ, и въ тотъ другой на Цюрихскомъ и гдѣ сама она никогда не бывала. Она бы тоже поднялась туда, если бы онъ послѣдовалъ за ней, но онъ покинулъ ее. Развѣ онъ это сдѣлалъ? Нѣтъ, они были разлучены, разлучены сильной рукой, которую они тогда не могли сбросить съ себя, и которая теперь уже не разлучала ихъ.

Гдѣ онъ? Онъ не съ ней? Какъ онъ могъ уйти отъ нея? Онъ словно взялъ половину ея существа и пошелъ своей дорогой! Онъ не имѣлъ на это права! О, она была такъ несчастна, такъ несчастна!

И она заплакала, словно сидя у трупа возлюбленнаго; слезы текли ручьями, и платье на груди стало мокрымъ! Вдругъ она поднялась, какъ бы принявъ твердое намѣ-

реніе отыскать его, какъ будто ей стоило только пойти къ нему навстрѣчу и броситься въ его объятія, словно она знала, что онъ гдѣ-то тутъ, возлѣ нея.

Въ это время раздался колоколъ къ ужину. Бланшъ отерла лицо платкомъ, намочивъ его въ прудѣ, и отправилась домой.

Бланшъ сидѣла за столомъ въ большой залѣ ресторана. Она такъ привыкла быть среди людей, что ей трудно было оставаться одной, и въ то же время она избѣгала общества тетокъ, которыя обѣдали въ своей комнатѣ, «обливая свой хлѣбъ (мясо, зелень и десертъ) слезами униженія».

Она сѣла на свое обычное мѣсто возлѣ большого камина, откуда ей была видна вся свѣтлая зала съ расписаннымъ потолкомъ, изображающимъ виноградныя лозы, и стѣнами, украшенными во всю ихъ величину веселыми, солнечными ландшафтами. Кругомъ нея весело и мирно болтали мужчины и женщины, супруги не ссорились между собой за столомъ, мужъ не сердился за испорченное кушанье, а жена не возражала ему тѣмъ же, сознавая свою вину. Здѣсь не было къ этому ни малѣйшаго повода, и дѣти не нарушали ничьего покоя своимъ крикомъ, такъ какъ пользовались для этого полной свободой въ своихъ дѣтскихъ.

Бланшъ сидѣла одна, ѣсть ей не хотѣлось. Мысли ея текли своимъ путемъ спокойно и плавно, словно увѣренныя встрѣтить того, къ кому онѣ относились. Вдругъ она подняла глаза отъ тарелки, взглянула въ залъ и увидѣла

передъ собой подвижную темную массу лицъ; глаза ея блуждали по залѣ, и, наконецъ, взглядъ ея остановился невдалекѣ, словно онъ нашелъ то, что искалъ. Съ спокойствіемъ, давно ей невѣдомымъ, она смотрѣла на обращенное къ ней лицо, въ глаза, пристально и глубоко смотрящія на нее. Грудь ея стиснуло, и дыханіе замерло. Онъ это или кто другой, такъ страшно похожій на него? Та же манера носить волосы, то же выраженіе въ глубоко сидящихъ глазахъ, борода, мягко окаймлявшая его нѣсколько грубыя черты. Когда, благодаря внезапному душевному волненію, лицо ея измѣнилось, лицо его измѣнило свое выраженіе, и всѣ ея чувства отразились на немъ: это не могъ быть никто другой.

Тогда онъ всталъ, вѣжливо подошелъ къ ея столу и остановился за нѣсколько шаговъ, взглядомъ спрашивая, можетъ ли онъ подойти. Вѣроятно взглядъ отвѣтилъ утвердительно, потому что въ слѣдующее мгновеніе онъ уже подошелъ и пожалъ ея руку.

— Вы узнали меня и удивляетесь, почему я здѣсь? — сказалъ онъ. — Я ѣздилъ по дѣламъ, вообще же я служу здѣсь инженеромъ. А какъ вамъ живется?

— Благодарю васъ, хорошо, — отвѣчала Бланшъ. — Если бы я знала, что вы здѣсь, я не была бы настолько не-деликатной, чтобы остаться здѣсь. — И затѣмъ прибавила, видя, что это обидѣло его: — Такъ вы не избѣгаете меня, вамъ не непріятна встрѣча со мной?

— Нѣтъ. А вамъ не будетъ непріятно, если послѣ ужина я случайно встрѣчу васъ въ паркѣ, гдѣ вы гуляете?

— Мнѣ всегда было пріятно ваше общество, — отвѣчала Бланшъ, — а здѣсь дѣвушка можетъ свободно гулять съ

мужчиной по вечерамъ. Я жду васъ у выхода.

Онъ поклонился и вернулся къ своему столу.

* * *

— Что теперь раздѣляетъ насъ?— говорилъ Эмиль, гуляя съ ней вечеромъ по большой аллеѣ. — Прежде это было положеніе, шесть плетеныхъ стульевъ...

— Обѣденный столъ и кухонная посуда,— продолжала Бланшъ.— Здѣсь намъ нечего думать о квартирѣ.

— А дѣтей мы отдадимъ въ пріютъ, какъ Руссо,— сказалъ Эмиль.

— Да, съ большимъ удовольствіемъ, потому что тогда они у меня будутъ больше на глазахъ, чѣмъ въ моей комнатѣ,— добавила Бланшъ.

— Какое чудовище — мать, отдающая своихъ дѣтей въ пріютъ!

— Да, при прежнемъ строѣ! Или, вѣрнѣе, несчастныя матери, которымъ приходится отдавать своихъ дѣтей. Вамъ, вѣроятно, было тяжело развѣзжать по старому міру? Я уже цѣлый годъ не выѣзжала отсюда!

— Мнѣ казалось, что я посѣтилъ Геркуланумъ и Помпею! О, я не хочу вспоминать объ этомъ. Страдающія дѣти, больныя, голодныя; безкровныя раскрашенные трупы богачей въ экипажахъ посреди улицы. Лица бѣдняковъ искажены ненавистью и заботами, лица богачей боязнь потерять свое золото! Мы не замѣчали этого, живя среди нихъ, но теперь я ясно увидѣлъ все это.

— И все-таки мы еще далеки отъ совершенства,— замѣтила Бланшъ.

— Да, далеки! Потому что наше гордое зданіе не-надежно стоитъ на старомъ фундаментѣ. Подумайте, вѣдь мы производимъ предметы роскоши; наши стойки для зонтиковъ, вазы, фигуры для фонтановъ, канделябры и другіе предметы роскоши станутъ излишними, когда наступитъ великій переворотъ. И мы останемся ни при чемъ.

— Что же тогда дѣлать?

— Тогда мы начнемъ новую, трудовую жизнь, но мы будемъ жить, потому что нашъ неисчерпаемый фондъ—въ землѣ, мы произошли отъ земли и землей можемъ мы жить. Но пережить этотъ кризисъ будетъ тяжело. Объ этомъ уже думаютъ, когда обучаютъ всѣхъ дѣтей земледѣлію, потому что мы, можетъ быть, и не доживемъ до этого великаго дня! Такъ будемъ же жить, Бланшъ, пока мы живы! Вѣдь мы живемъ одинъ разъ! Хочешь ты прожить жизнь со мной или безъ меня?

— Съ тобой, Эмиль, безъ тебя я не живу!

— Свободная, какъ моя жена, свободная, какъ человекъ, ты сама зарабатываешь свой хлѣбъ — вотъ мы и осуществили нашу утопію, и пусть посмотрятъ на насъ люди, увѣрявшіе, что это осуществленіе невозможно.

— Потому что они не хотѣли этого!

— Или, можетъ быть, не умѣли!

Передъ смертью.

Переводъ

В. Саблина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. Дюранъ, завѣдуетъ пансіономъ, раньше служилъ на желѣзной дорогѣ.

Адель, 27 лѣтъ.

Анетта, 24 лѣтъ.

Тереза, 18 лѣтъ.

} Его дочери.

Антоніо, лейтенантъ итальянскаго кавалерійскаго полка.

Французская Швейцарія. Восемидесятые годы.

ДЕКОРАЦІЯ:

Столовая съ длиннымъ столомъ. На заднемъ планѣ дверь, черезъ которую за вершинами кипарисовъ, растущихъ на кладбищѣ, видно Женевское озеро съ Савойскими Альпами и французскимъ курортомъ Эвианъ. Налѣво дверь въ кухню, направо дверь въ жилия комнаты.

ПЕРВОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Г. ДЮРАНЪ И. АДЕЛЬ.

Г. ДЮРАНЪ смотритъ въ бинокль на озеро.

АДЕЛЬ выходитъ изъ кухни, на ней фартукъ, рукава засучены, въ рукахъ кофейникъ и приборъ. Ты за хлѣбомъ еще не ходилъ, папа?

ДЮРАНЪ. Нѣтъ, я послалъ сегодня Пьера. Послѣдніе дни у меня такъ болитъ грудь, что я совсѣмъ не могу подниматься на крутыя горы.

АДЕЛЬ. Опять Пьера? Вѣдь это три су стоитъ! А гдѣ ихъ возьмешь, когда за послѣдніе два мѣсяца въ пансіонѣ всего одинъ постоялецъ?..

ДЮРАНЪ. Совершенно справедливо, но, по-моему, Анетта отлично могла бы ходить за хлѣбомъ!

АДЕЛЬ. Чтобы окончательно подорвать нашъ кредитъ!.. Это ужъ всегда была твоя обязанность!

ДЮРАНЪ. И твоя, Адель!

АДЕЛЬ. Я тоже устала, и я терпѣла больше всѣхъ!

ДЮРАНЪ. Да, ты терпѣла и была чловѣколюбива,

тогда какъ Тереза и Анетта мучили меня. Мы съ тобою вдвоемъ расширили наше дѣло, когда умерла мать. Тебѣ пришлось Золушкой сидѣть на кухнѣ, а мнѣ служить за столомъ, мести полъ, чистить платье, топить, быть на посылкахъ. Ты устала... А какъ долженъ я себя чувствовать?

Адель. Ты не имѣешь права чувствовать усталости, потому что у тебя трое непристроенныхъ дѣтей, приданое которыхъ ты растратилъ!

Дюранъ прислушивается. Ты не слышишь? Что это? Какъ будто звонять и бьютъ въ барабанъ въ Кюлли? Если пожаръ, то всѣ погибли... Сейчасъ поднимется южный вѣтеръ, — я ужъ по озеру вижу!

Адель. А ты за нашъ домъ страховыя заплатилъ?

Дюранъ. Да, иначе я не получилъ бы послѣднй разъ закладной ссуды.

Адель. А сколько еще остается незаложеннаго имущества?

Дюранъ. Пятая часть страховой суммы. Ты знаешь, какъ упала въ цѣнѣ земля, когда желѣзную дорогу провели восточнѣй, вмѣсто того, чтобы провести мимо нашего дома!

Адель. Тѣмъ это желательнѣй, значитъ!..

Дюранъ строго. Адель! Пауза. Ты разведешь огонь въ кухнѣ?

Адель. Прежде чѣмъ не принесутъ хлѣбъ, — невозможно!

Дюранъ. Да вотъ и хлѣбъ!

ВТОРОЕ ЯВЛЕНИЕ.

ТѢ ЖЕ. ПЬЕРЬ СЪ КОРЗИНОЙ.

АДЕЛЬ смотритъ въ корзину. Нѣкакого хлѣба нѣтъ! Одинъ только счетъ! Другой!.. Третій!

ПЬЕРЬ. Да, булочникъ сказалъ, что онъ не будетъ больше отпускать, пока не получитъ по счету. А потомъ... мясникъ и хозяинъ колониальнаго магазина, когда я проходилъ мимо нихъ, дали мнѣ эти счета. Уходить.

АДЕЛЬ. Господи!.. Теперь все кончено!—А это что такое? Развертываетъ пакетъ.

ДЮРАНЬ. Это я купилъ свѣчи для панихиды по дорогомъ Ренэ. Сегодня день его смерти.

АДЕЛЬ. Это ты, конечно, можешь покупать.

ДЮРАНЬ. На мои собственные чаевыя деньги! Тебѣ не кажется достаточно унижительнымъ, что я вынужденъ протягивать руку, когда постояльцы уѣзжаютъ. Ты хочешь отказать мнѣ въ единственномъ удовольствіи — предаваться моему горю разъ въ годъ. Хоть пожить воспоминаніемъ о самомъ прекрасномъ, что дала мнѣ жизнь.

АДЕЛЬ. Ну, если бы онъ былъ живъ, еще неизвѣстно, нашелъ ли бы ты его прекраснымъ!

ДЮРАНЬ. Очень можетъ быть, что въ твоей проницательности есть и доля правды... Но, во всякомъ случаѣ, тотъ образъ, который живетъ въ моей памяти, совсѣмъ непохожъ на васъ.

АДЕЛЬ. Будь любезенъ, ужъ объяснись самъ съ г. Антоніо, когда онъ придетъ пить кофе безъ хлѣба! О, если бы мама была жива! Она всегда умѣла находить выходъ тамъ, гдѣ ты теряешься.

Дюранъ. У твоей матери были большія заслуги.

Адель. Хотя ты видѣлъ въ ней одни недостатки.

Дюранъ. Г. Антонио идетъ! Уходи... Я поговорю съ нимъ.

Адель. Лучше пошелъ бы да досталъ денегъ во избѣжаніе скандала.

Дюранъ. Я не могу достать больше ни одного су! Десять лѣтъ только и дѣлалъ, что занималъ. Пусть все гибнетъ!.. Разомъ!.. Только бы кончилось!

Адель. Кончилось... для тебя!.. А о насъ ты не думаешь!

Дюранъ. Конечно! Я о васъ никогда не думалъ! Никогда!

Адель. Это ты, конечно, опять о воспитаніи?

Дюранъ. Я только отвѣчаю на несправедливый упрекъ! А теперь уходи. Встрѣчу бурю... какъ всегда... Какъ всегда... Гм... Адель уходитъ.

ТРЕТЬЕ ЯВЛЕНІЕ.

Дюранъ. Антонио.

Антонио изъ глубины сцены. Доброе утро, г. Дюранъ.

Дюранъ. Вы уже выходили, г. лейтенантъ?

Антонио. Да, былъ внизу — въ Кюлли... смотрѣлъ, какъ тушили пожаръ. А теперь съ удовольствіемъ выпью кофе.

Дюранъ. Вы, конечно, повѣрите, какъ мнѣ тяжело, но дѣло мое, за недостаткомъ жильцовъ, дальше итти не можетъ.

Антонио. Какъ же такъ?

Дюранъ. Попросту говоря, мы — банкроты.

Антонио. Неужели же, дорогой г. Дюранъ, нѣтъ никакой возможности помочь вамъ выйти изъ этого, надѣюсь, временнаго затрудненія?

Дюранъ. Нѣтъ, нѣтъ... ни малѣйшей возможности. Дѣла наши уже много лѣтъ въ такомъ ужасномъ положеніи, что полное разореніе для меня легче, чѣмъ всѣ эти волненія и ожиданія дни и ночи напролетъ.

Антонио. Я все-таки думаю, что вы смотрите слишкомъ мрачно.

Дюранъ. Я не хочу никакой помощи. Пусть нужда научить дѣтей, что есть другая жизнь, кромѣ вѣчной игры и забавы. Еще Адель слѣдитъ за кухней!.. А остальные? Что онѣ дѣлаютъ? Игры, пѣнье, прогулки да флиртъ! И пока дома будетъ хоть черствая корка, онѣ ничему не научатся!

Антонио. Пусть будетъ по-вашему, но, пока все положеніе не выяснится, вѣсть все-таки надо! Позвольте мнѣ остаться еще на мѣсяць, и я заплачу вамъ впередъ.

Дюранъ. Нѣтъ, благодарю васъ. Надо кончать этотъ путь... хотя бы онъ и велъ въ озеро. Продолжать это ремесло, дающее вмѣсто заработка одни униженія — я не желаю. Послѣднюю весну — вы не повѣрите — у насъ не было ни одного жильца въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ. Наконецъ, явилось спасеніе въ видѣ какого-то американскаго семейства. На слѣдующее утро послѣ ихъ пріѣзда я случайно увидѣлъ, какъ одинъ изъ сыновей обнялъ на лѣстницѣ мою дочь, Терезу, и хотѣлъ ее поцѣловать. Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ?

Антоніо смущенно. Не знаю...

Дюранъ. Я знаю, какъ я долженъ былъ поступить, какъ отецъ... Но я этого не сдѣлалъ. Слѣдующій разъ я знаю, что мнѣ дѣлать.

Антоніо. Именно поэтому-то вамъ слѣдуетъ обдумать все хорошенько и не предоставлять судьбу вашихъ дѣтей случайностямъ...

Дюранъ. Г. Антоніо, вы еще молодой человѣкъ... Самъ не знаю, почему, но я питаю къ вамъ симпатію. Дорого это вамъ или нѣтъ, я прошу васъ объ одномъ: не смотрите съ предубѣжденіемъ на меня и мое поведеніе...

Антоніо. Обѣщаю вамъ, г. Дюранъ, но отвѣтите мнѣ на одинъ вопросъ: вы прирожденный швейцарецъ или нѣтъ?

Дюранъ. Я швейцарскій гражданинъ.

Антоніо. Это я знаю, — я васъ спрашиваю, родились ли вы въ Швейцаріи?

Дюранъ нетвердо. Да!

Антоніо. Я спрашиваю это, потому что... потому что это меня интересуесть. Кстати... разъ вы говорите, что вамъ приходится закрыть вашъ пансіонъ, я хочу заплатить вамъ свой долгъ. Всего десять франковъ... Но уѣхать, не покончивъ съ дѣлами, я не могу!

Дюранъ. Я не увѣренъ, дѣйствительно ли вы должны мнѣ, потому что счетовъ я никакихъ не веду. Но если вы меня обманываете, вы мнѣ отвѣтите! А теперь пойду за хлѣбсѣмъ! А что дальше будетъ, — увидимъ! Уходить.

ЧЕТВЕРТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

АНТОНИО. Сейчас же входит ТЕРЕЗА съ мышеловкой въ рукѣ, въ капотѣ, съ распущенными волосами. Затѣмъ АДЕЛЬ.

ТЕРЕЗА. Ахъ, Антонио!.. А мнѣ послышался голосъ отца!

АНТОНИО. Да, онъ пошелъ за хлѣбомъ.

ТЕРЕЗА. Онъ все еще не ходилъ? Нѣтъ, это просто невыносимо.

АНТОНИО. Ты такая хорошенькая сегодня, Тереза! Вотъ только мышеловка ужъ совсѣмъ не идетъ.

ТЕРЕЗА. Тѣмъ болѣе такая!.. Цѣлый мѣсяцъ ставлю ее, и хоть бы разъ попалась! А приманку каждый день сѣдаютъ! Ты не видалъ Мими?

АНТОНИО. Твою отвратительную кошку? Обыкновенно она вертится передъ глазами съ утра до ночи... Но сегодня судьба надо мною сжалилась!

ТЕРЕЗА. Во-первыхъ, объ отсутствующихъ дурно не говорятъ, а во-вторыхъ, — кто любитъ меня, любитъ и мою кошку! Ставить мышеловку на столъ и поднимаетъ съ пола изъ-подъ стола пустую чашку. Адель! Адель!

АДЕЛЬ, въ кухонныхъ дверяхъ. Что угодно барышнѣ?

ТЕРЕЗА. Мнѣ угодно молока для кошки и корочку сыру въ мышеловку.

АДЕЛЬ. Можешь сама позаботиться.

ТЕРЕЗА. Такъ не отвѣчаютъ барышнѣ.

АДЕЛЬ. Я отвѣчаю на твои слова... Что съ тобой? Передъ постороннимъ человѣкомъ съ непричесанными волосами!

ТЕРЕЗА. Здѣсь только старые знакомые и... Антонио,

поговори полюбезнѣ съ тетей Адель, тогда она дастъ молока Мими. Антонио медлитъ. А, и ты не повинуешься?

Антонио, коротко. Нѣтъ.

Тереза. Это что такое? Хочешь хлыста попробовать?

Антонио. Ахъ, уйди ты ради Бога!

Тереза, смущенная. Что?.. Что такое? Ты хочешь напомнить мнѣ о моемъ унижительномъ положеніи, о моихъ слабостяхъ и моей винѣ?

Антонио. Нѣтъ, я подразумѣваю свое унижительное положеніе, свою вину и свои слабости.

Адель беретъ чашку. Послушайте, друзья... Что это за словоизверженіе?.. Извольте мириться, и я принесу вамъ отличнаго кофе. Уходить въ кухню.

Тереза, со слезами. Я тебѣ надоѣла, Антонио, и ты хочешь теперь бросить меня!

Антонио. Перестань плакать!.. Отъ слезъ у тебя глаза дѣлаются невозможными!

Тереза. Если они не такъ хороши, какъ у Анетты...

Антонио. Ну, вотъ... Теперь Анетта... Однако, не шутя, кофе что-то ужъ слишкомъ долго не даютъ...

Тереза. Ты былъ бы совсѣмъ хорошимъ семьяниномъ, если бы былъ терпѣливѣе относительно кофе...

Антонио. И ты могла бы быть хорошей семьянинкой, если бы могла обходиться безъ глупостей и не ворчать на своего мужа.

ПЯТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же. Анетта — одѣтая и причесанная.

Анетта. Вы, кажется, съ утра уже ссоритесь?

Антоніо. Смотри, Анетта ужъ совсѣмъ одѣлась!

Тереза. Ну, конечно, Анетта во всѣхъ отношеніяхъ — прелесть... И кромѣ всего еще то преимущество, что она старше.

Анетта. Если ты не замолчишь...

Антоніо. Ну, ну... Будь умница, Тереза! Обнимаетъ ее за талию и цѣлуетъ.

ШЕСТОЕ ЯВЛЕНІЕ.

ТѢ ЖЕ. Г-нъ ДЮРАНЪ останавливается, изумленный, въ дверяхъ.

ДЮРАНЪ. Что это?

ТЕРЕЗА вырывается. Что?

ДЮРАНЪ. Мнѣ показалось?

ТЕРЕЗА. Что тебѣ показалось?

ДЮРАНЪ. Я видѣлъ, какъ ты позволяла себя цѣловать...

ТЕРЕЗА. Это ложь!

ДЮРАНЪ. Что же я?.. Лишился зрѣнія?.. Или ты лжешь мнѣ въ лицо?

ТЕРЕЗА. Ты не смѣешь говорить о лжи... Ты самъ лжешь!.. И намъ всѣмъ лжешь, говоря, что ты швейцарецъ, хотя ты на самомъ дѣлѣ французъ!

ДЮРАНЪ. Кто это тебѣ сказалъ?

ТЕРЕЗА. Мнѣ мать сказала!

ДЮРАНЪ, къ Антоніо. Г. лейтенантъ, счеты между нами кончены, и я прошу васъ оставить этотъ домъ... Сейчас же... Иначе...

Антоніо. Иначе?..

ДЮРАНЪ. Выбирайте оружіе!

Антоніо. Не думаю, чтобы вы могли найти оружіе болѣе подходящее, чѣмъ сверкающія пятки!..

Дюранъ. Если бы я не предпочелъ въ данномъ случаѣ палку, я бы взялъ ружье, оставшееся у меня отъ послѣдней войны.

Тереза. Ни на какой войнѣ ты и не былъ, потому что дезертировалъ.

Дюранъ. Это тоже мать сказала?! Съ трупомъ сражаться я не могу, но превратить живого въ трупъ я еще въ состоянїи. Поднявъ палку, илеть на Антоніо. Тереза и Анетта бросаются между ними.

Анетта. Одумайся!.. Что ты дѣлаешь?

Тереза. Кончишь ты на эшафотѣ!..

Антоніо отступаетъ. Прощайте, г. Дюранъ, можете получить мое презрѣніе вмѣстѣ съ десятью франками!

Дюранъ выхватываетъ изъ жилетнаго кармана золотую монету и бросаетъ по направленію къ Антоніо. Шлю вамъ мое проклятіе съ этими деньгами! Негодяй!..

Тереза и Анетта слѣдомъ за Антоніо. Не уходите! Не уходите! Отецъ убьетъ насъ!

Дюранъ ломаетъ палку. Кто не можетъ убивать, долженъ самъ умереть!

Антоніо. Прощайте! Вы еще пожалѣете! Я былъ послѣдней крысой на тонущемъ кораблѣ. Уходить.

СЕДЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тѣ же, кромѣ Антоніо.

Тереза къ Дюрану. Такъ ты обращаешься съ гостями? Нечего удивляться, что дѣло гибнетъ!

Дюранъ. Съ такими гостями — именно такъ. Но скажи, Тереза... скажи, дитя мое... Береть ея голову въ руки. Скажи, любимое дитя мое, мнѣ показалось это, или ты сказала неправду.

Тереза упрямо. Что такое?

Дюранъ. Ты знаешь, о чемъ я говорю... Меня интересуеть даже не самый фактъ... онъ, можетъ быть, далеко не такъ преступенъ... Но вопросъ, могу я полагаться на свой разумъ, на свои чувства, или нѣтъ!

Тереза. Говори о чемъ-нибудь другомъ! Расскажи лучше, что мы будемъ сегодня ѣсть!.. А что онъ будто бы поцѣловаль меня, — это неправда!

Дюранъ. Нѣтъ, правда! Клянусь Богомъ, я видѣлъ своими глазами!

Тереза. Докажи!

Дюранъ. Докажи! Двумя посторонними свидѣтелями или однимъ полицейскимъ?! Обращаясь къ Анеттѣ. Анетта, дитя мое, скажи мнѣ правду!

Анетта. Я ничего не видѣла!

Дюранъ. Отвѣтъ правильный! Нельзя же выдавать сестру! Какъ ты сегодня напоминаешь свою мать.

Анетта. Не смѣй говорить дурно о матери. И ей приходилось переживать такіе дни, какъ сегодняшій.

ВОСЬМОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Тъ же. Адель со стаканомъ молока. Она ставитъ его на столъ.

Адель обращается къ Дюрану. Вотъ тебѣ молоко! Ну, какъ дѣла съ хлѣбомъ?

ДЮРАНЪ. Съ хлѣбомъ ничего не вышло, дѣти! А вообще все пойдетъ такъ, какъ шло до сихъ поръ!

ТЕРЕЗА вырываетъ у отца стаканъ съ молокомъ. Ничего тебѣ не будетъ, разъ ты швыряешь деньги и заставляешь голодать своихъ дѣтей!

АДЕЛЬ. Онъ швырнулъ деньги? Несчастный! Правду говорила мать... Еще тогда надо было его засадить въ сумасшедшій домъ!.. Онъ и тогда уже былъ сумасшедшимъ! Вотъ получай еще счетъ! Дюранъ смотритъ на счетъ, вздрагиваетъ, наливаетъ стаканъ воды, выпиваетъ и закуриваетъ коротенькую трубку.

АНЕТТА. Курить — это онъ умѣетъ.

ДЮРАНЪ усталымъ и покорнымъ тономъ. Ахъ, дѣти, табакъ этотъ стоитъ вамъ ровно столько же, сколько и стаканъ воды... Еще полгода тому назадъ мнѣ подарили его. Не взвинчивайте вы сами себя безъ толку!

ТЕРЕЗА беретъ у него спички. Оставь, въ такомъ случаѣ, спички...

ДЮРАНЪ. Если бы ты знала, Тереза, сколько я потратилъ спичекъ, вставая по ночамъ поглядѣть, не сбросила ли ты съ себя одѣяла! Сколько разъ, Анетта, я помню тебя тайкомъ, когда ты кричала отъ жажды, а мать не давала тебѣ пить, потому что считала это вреднымъ для дѣтей!

ТЕРЕЗА. Это было такъ давно, что я и думать позабыла объ этомъ. А затѣмъ ты самъ говорилъ, что это была твоя обязанность.

ДЮРАНЪ. Да, и я исполнялъ свои обязанности и даже нѣсколько больше!

АДЕЛЬ. Продолжай, продолжай! А что бы иначе вышло

изъ насъ? Бросить трехъ молоденькихъ дѣвушекъ безъ ласки, безъ защиты, безъ всего?!.. Ты знаешь, куда гонить нужда?

Дюранъ. Это я говорилъ еще десять лѣтъ тому назадъ, но никто не желалъ меня слушать. Двадцать лѣтъ тому назадъ я предсказалъ, что придетъ этотъ часъ, но помѣшать этому я былъ не въ состояніи. Я — какъ тормазъ на курьерскомъ поѣздѣ, я видѣлъ, что все идетъ къ разрушенію, но схватить рычагъ и остановить машину я былъ не въ состояніи.

Тереза. И теперь ты требуешь благодарности за то, что разорилъ насъ?

Дюранъ. Нѣтъ, дитя мое, я требую только, чтобы вы не относились съ такой озлобленностью ко мнѣ. Для кошки у васъ находятся сливки, а отцу, который еще ничего не ѣлъ, вы отказываете въ стаканѣ молока!

Тереза. Такъ это ты никогда не оставлялъ ни капли молока кошкѣ?

Дюранъ. Да, я!

Анетта. Можетъ быть, и у мышей все съѣдалъ тоже онъ!

Дюранъ. Тоже я!

Адель. Свинья!

Тереза смѣется. Подумайте только, если бы тамъ былъ ядъ!

Дюранъ. Если бы онъ былъ...

Тереза. Ты бы, конечно, ничего не имѣлъ противъ... Ты столько разъ собирался стрѣляться... хотя и не застрѣлился.

Дюранъ. Почему не застрѣлился?.. Откровенный

упрекъ! А знаете, почему я этого не сдѣлалъ? Потому, милыя дѣти, что вамъ пришлось бы итти топиться тогда! Скажи еще что-нибудь такое же злое! У меня такое чувство, будто я слышу сейчасъ музыку... Знакомую музыку... добраго стараго времени!

Адель. Брось свою безцѣльную болтовню и сдѣлай что-нибудь! Предприми что-нибудь!

Тереза. А ты знаешь, какія были бы послѣдствія, если бы ты такъ оставилъ насъ?

Дюранъ. Могу себѣ представить, — стали бы проститутками. Такъ всегда говорила ваша мать, когда, бывало, истратитъ всѣ деньги вмѣсто хозяйства на лотерейные билеты.

Адель. Замолчи! И не смѣй говорить ни слова о нашей дорогой, любимой матери!

Дюранъ тихо напѣваетъ. Свѣчка засверкаетъ,
Домъ весь озаритъ...
Вѣтеръ пронесется...
Счастье прилетитъ.

Да, ужъ счастье тогда навѣрное прилетитъ!

Вѣтеръ пронесется —
Громъ вдругъ загремитъ.

Гадая, удется или нѣтъ. Да... нѣтъ... да... нѣтъ... Облака сгущаются. Поднимается вѣтеръ. Дюранъ вскакиваетъ и говоритъ Адели. Загаси плиту... Вѣтеръ поднялся.

Адель взглядываетъ ему прямо въ глаза. Никакого вѣтра нѣтъ!

Дюранъ. Загаси плиту! Если начнется пожаръ, мы не получимъ преміи!.. Загаси плиту! Слышишь, загаси!

Адель. Не понимаю.

ДЮРАНЪ смотритъ ей въ глаза и беретъ ея руки. Только слушайся!.. Дѣлай, что я тебѣ говорю! А дель выходитъ въ кухню, дверь оставляетъ открытой. Дюранъ обращается къ Терезѣ и Анеттѣ. Подите, дѣти, закройте ваши окна, да осмотрите заслонки въ печахъ. А раньше поцѣлуйте меня!.. Я собираюсь уѣхать... чтобы достать вамъ денегъ.

ТЕРЕЗА. Ты можешь достать денегъ?

ДЮРАНЪ. Я застрахованъ и собираюсь реализовать полисъ.

ТЕРЕЗА. Сколько же ты можешь получить?

ДЮРАНЪ. Если продамъ—шестьсотъ франковъ... А если умру, пять тысячъ! Тереза смущена. Говори, говори, дитя! Нѣтъ, не будемъ жестоки безъ надобности! Скажи, Тереза, ты такъ сильно любишь Антоніо, что чувствовала бы себя несчастной, если бы не вышла за него?

ТЕРЕЗА. Конечно!

ДЮРАНЪ. Ну, такъ можешь выходить за него,— конечно, если онъ тебя любитъ. Только не будь злой по отношенію къ нему, а то будешь несчастна. Будь счастлива, моя милая, любимая дѣвочка! Обнимаетъ и цѣлуетъ ее въ щеки.

ТЕРЕЗА. Не умирай, отецъ! Не умирай!

ДЮРАНЪ. Развѣ ты не желаешь мнѣ покоя?

ТЕРЕЗА. Конечно... если ты самъ этого хочешь... Прости меня, отецъ... Я часто бывала несправедлива къ тебѣ.

ДЮРАНЪ. Пустяки, дѣвочка!

ТЕРЕЗА. Никто изъ насъ не бывалъ такой злой по отношенію къ тебѣ, какъ я!

ДЮРАНЪ. А въ тебѣ это я меньше всего замѣчалъ,

потому что любилъ тебя больше всѣхъ... За что — не знаю!
Ну, иди и закрой окна!

Тереза. Вотъ спички, папа!.. А здѣсь твое молоко!

Дюранъ съ улыбкой. Ахъ, ты... ребенокъ!

Тереза. А что же мнѣ сдѣлать? Мнѣ больше нечего тебѣ дать.

Дюранъ. Ты мнѣ еще ребенкомъ дала столько радости, что долговъ за тобой нѣтъ! Ну, иди и взгляни на меня поласковѣе... Какъ раньше. Тереза идетъ, оборачивается и бросается ему на шею. Ну, вотъ, моя дѣвочка... Вотъ и хорошо! Тереза убѣгаетъ.

ДЕВЯТОЕ ЯВЛЕНИЕ.

Дюранъ. Анетта. Потомъ Адель.

Дюранъ. Ну, будь счастлива, Анетта!

Анетта. Я не пойму, ты въ самомъ дѣлѣ уѣзжаешь?

Дюранъ. Уѣзжаю.

Анетта. Но вѣдь ты вернешься, папа?

Дюранъ. Никто не можетъ поручиться за одинъ день впередъ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ пожелать другъ другу счастья!

Анетта. Прощай, отецъ!.. Счастливаго пути!.. И ты вѣдь не забудешь, какъ бывало раньше, купить намъ чего-нибудь? Уходить.

Дюранъ. Ты помнишь еще, хотя я уже давно ничего не покупалъ вамъ! Прощай, Анетта! Поетъ про себя.

Слезами пашню поливалъ,

Своею кровью удобрялъ.

А жатву собереть другой!
Таковъ ужъ жребій нашъ людской!
Входитъ Адель.

Адель?! Теперь выслушай меня!.. И пойми! И, если мой способъ выраженія туманенъ, то это значитъ только то, что я не хочу обременять твою совѣсть слишкомъ большими свѣдѣнiями. Не безпокойся... Дѣвочекъ я отослалъ въ ихъ комнату. Теперь прежде всего тебѣ слѣдовало бы спросить, застрахована ли моя жизнь... Ну!

Адель нерѣшительно спрашиваетъ. Застрахована твоя жизнь?
Дюранъ. Нѣтъ, я былъ застрахованъ, но полись свой я уже давно продалъ, потому что замѣтилъ, что нѣкоторыя лица слишкомъ нетерпѣливо ждали получения этой страховой суммы. Но зато у меня застраховано имущество. Видишь это письмо? Припрячь его хорошенько! А теперь я задамъ тебѣ одинъ вопросъ! Ты знаешь, сколько свѣчей полагается на фунтъ въ семьдесятъ пять сантимовъ?

Адель. Шесть.

Дюранъ показываетъ на пачку свѣчей. Сколько тамъ свѣчей?

Адель. Только пять!

Дюранъ. Потому что шестая — наверху... И совѣмъ близко...

Адель. Господи!

Дюранъ вынимаетъ свои часы. Приблизительно минутъ черезъ пять она догоритъ!

Адель. Не можетъ быть!

Дюранъ. Нѣтъ, можетъ. Ты видишь еще какой-нибудь выходъ изъ нашего положенiя? Нѣтъ! Слѣдовательно...

Это о дѣлахъ... Теперь еще одно!.. Что г. Дюранъ уходитъ изъ жизни шепчетъ поджигателемъ, это довольно безразлично... Но что въ теченіе всей своей жизни онъ былъ честнымъ человѣкомъ, это дѣти его должны знать... Родился я, правда, во Франціи, но говорить объ этомъ первому встрѣчному я не считалъ нужнымъ. Непосредственно передъ воинской повинностью я влюбился въ твою мать. Чтобы имѣть возможность жениться, пришлось уѣхать сюда и здѣсь натурализироваться! Когда разразилась полѣдная война и казалось, что мнѣ придется идти противъ моей родины, я поступилъ въ партизанскій отрядъ и дѣйствовалъ противъ нѣмцевъ. Я никогда не дезертировалъ, какъ видишь, и всю эту басню выдумала твоя мать.

Адель. Мать никогда не лгала.

Дюранъ. Ну, вотъ... Опять встаетъ между нами этотъ трупъ. Я не хочу обвинять покойницу, но клянусь тебѣ, я говорю правду. Слышишь?.. Относительно вашего приданого, т.-е. наслѣдства матери, дѣло обстоитъ такъ: сначала мать мотовствомъ и глупыми спекуляціями растратила мои наслѣдственные средства, такъ что мнѣ пришлось бросить службу и открыть этотъ пансіонъ. Послѣ этого часть материнскихъ денегъ пошла на ваше воспитаніе... Растратой, надѣюсь, это назвать нельзя... Итакъ, это тоже неправда.

Адель. А мать говорила на смертномъ одрѣ...

Дюранъ. Въ такомъ случаѣ, мать твоя лгала и на смертномъ одрѣ, какъ лгала всю свою жизнь. И это проклятіе, какъ злой духъ, преслѣдовало меня всю жизнь. Какъ вы мучили меня — ни въ чемъ неповиннаго — этими

ложными обвиненіями! Я не хотѣлъ сѣять смуту въ ваши юныя сердца и поколебать въ васъ вѣру въ вашу мать — и потому молчалъ! Я несъ крестъ въ теченіе всей совмѣстной жизни съ женой. Всѣ ошибки ея я выносилъ на собственной спинѣ, бралъ на себя послѣдствія ея неправильныхъ поступковъ... Пока, наконецъ, не началъ самъ думать, что виноватъ дѣйствительно я. А ея совѣсти хватало на то, чтобы вначалѣ чувствовать себя только невиновной, а впослѣдствіи даже какой-то жертвой. Когда она запутывалась въ какую-нибудь исторію, я обыкновенно говорилъ ей:—свали вину на меня! И она сваливала!.. А я принималъ!.. И чѣмъ больше ея вины принималъ я на себя, тѣмъ сильнѣе она ненавидѣла меня съ безграничной ненавистью человѣка, обязаннаго благодарностью другому. Въ концѣ концовъ, чтобы подкрѣпить себя въ убѣжденіи, будто она одурачила меня, она стала относиться ко мнѣ съ презрѣніемъ и, наконецъ, научила и васъ презирать меня... потому что, чувствуя свою слабость, хотѣла хоть чѣмъ-нибудь подкрѣпить ее... Я думалъ и надѣялся, что слабость эта и зло умрутъ вмѣстѣ съ ней, но зло, какъ и болѣзнь, умѣетъ только расти и развиваться. И когда я хотѣлъ измѣнить обычаи нашего дома, то натолкнулся на васъ. Мать... Такъ говорила мать, и, значить, это правда... И для васъ я былъ простакомъ, когда бывалъ добръ, собачонкой, когда бывалъ ласковъ, и безчестнымъ, когда вы предъявляли свои требованія и вели дѣло къ гибели.

А дѣль. Конечно, безчестно обвинять мертвую, которая не можетъ защититься!

ДЮРАНЪ говоритъ быстро и взволнованно. Я еще не умеръ,

но скоро умру! Ты возьмешь на себя мою защиту? Нѣтъ, не стоитъ... Но сестеръ своихъ защищай! Подумай о дѣтяхъ, Адель! Прояви свое материнское сердце по отношенію къ Терезѣ! Она моложе всѣхъ и больше всѣхъ хочетъ жить! Она безхарактерна и безсознательно склонна и къ злу и къ добру! Постарайся, если возможно, выдать поскорѣй ее замужъ. Вотъ ужъ и запахъ горячей соломы!

Адель. Господи, защити насъ!

Дюранъ пьетъ изъ стакана. Защитить!.. А для Анетты отыщи мѣсто учительницы. Она выберется въ люди... въ хорошее общество. Когда выдадутъ деньги, распорядься ими ты! Не скупись и сдѣлай сестрамъ все, чтобы онѣ могли показываться въ обществѣ. Не спасай ничего, кромѣ семейныхъ документовъ—въ среднемъ ящикѣ... Вотъ ключъ!.. Полись у тебя... Сквозь крышу пробивается дымъ. Скоро все исполнится!.. Сейчасъ зазвонятъ у св. Франциска!.. Обѣщай мнѣ только одно. Ничего не говори сестрамъ! Это только нарушить спокойствіе ихъ жизни. И потомъ еще одно: ни одного дурного слова о матери. Портретъ ея—въ шифоньеркѣ... Вы этого не знали... Мнѣ казалось достаточнымъ вѣчное присутствіе ея призрака здѣсь. Поцѣлуй Терезу и скажи ей, чтобы она простила меня. И не забудь... когда будешь покупать платья, покупай ей самыя лучшія... Ты знаешь, какъ она любитъ все это... и куда можетъ завести эта любовь! Скажи Анеттѣ...

Раздается глухой ударъ колокола. Дымъ идетъ сильнѣе. Дюранъ кладетъ руки на столъ и опускаетъ голову.

А д е л ь. Пожаръ! Пожаръ! Отецъ!.. «Что съ тобой?.. Ты сгоришь здѣсь! Д ю р а н ь поднимаетъ голову, и, какъ бы объясняющимъ жестомъ, отодвигаетъ стаканъ. Ты... принялъ ядъ?..

Д ю р а н ь утвердительно киваетъ головой. Полизъ у тебя?.. Скажи Терезѣ и Анеттѣ...

Голова его безсильно опускается. Новый ударъ колокола. Снаружи доносится шумъ.

Занавѣсъ.

УЗЫ.

Переводъ.

В. Саблина.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

ОКРУЖНЫЙ СУДЬЯ, 27 л.

ПАСТОРЪ, 60 л.

БАРОНЪ, 42 л.

БАРОНЕССА, 40 л.

ДВѢНАДЦАТЬ ПРИСЯЖНЫХЪ.

НОТАРИУСЪ.

ЭКЗЕКУТОРЪ.

СУДЕБНЫЙ ПРИСТАВЪ.

АДВОКАТЪ.

АЛЕКСАНДЕРСОНЪ — ФЕРМЕРЪ.

АЛЬМА ДЖОНСОНЪ — СЛУЖАНКА.

СКОТНИЦА.

МОЛОТИЛЬЩИКЪ.

НАРОДЪ.

ДЕКОРАЦІЯ:

Зала суда. Въ глубинѣ сцены дверь и окно, изъ котораго видны пасторскій домъ и церковная колокольня. Направо дверь. Налѣво, на возвышеніи, мѣсто для судьи въ видѣ каяедры, украшенной золочеными орнаментами, изображающими вѣсы и мечъ. По обѣимъ сторонамъ каяедры столы и стулья для присяжныхъ. Посрединѣ зала скамейки для публики. Вдоль стѣнъ тянутся большіе шкафы съ наклеенными на дверцахъ объявленіями.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ.

Экзекуторъ. Судебный приставъ.

Экзекуторъ. Видѣлъ ты когда-нибудь столько народу во время лѣтней сессіи?

Судебный приставъ. Ни разу еще съ тѣхъ поръ, какъ разбиралось знаменитое убійство Альсоёра, пятнадцать лѣтъ тому назадъ!

Экзекуторъ. Да, вѣдь нынѣшня-то исторія стоитъ двойного отцеубійства! И то бѣда, что баронъ и баронесса хотять разводиться... Ну, а ужъ если сюда вмѣшаются ихъ семьи да начнутъ споръ объ имуществѣ и земляхъ, то-то разгорится пожаръ! Недостаетъ только, чтобы они начали ссориться изъ-за своего единственнаго ребенка, — тутъ ужъ самъ царь Соломонъ ихъ не разберетъ!

Судебный приставъ. Въ чемъ же дѣло? Одни говорятъ такъ, другіе этакъ... Вѣдь кто-нибудь да виноватъ?..

Экзекуторъ. Ну, это еще какъ сказать! Часто никто и не виноватъ, когда ссорятся двое, а иногда виноватъ только одинъ, а ссорятся все-таки двое!

Къ тому же здѣсь дѣло вовсе не въ простой ссорѣ, а въ цѣломъ преступленіи, гдѣ есть истецъ, то-есть обижен-

ная сторона, и отвѣтчикъ — сторона обвиняемая. Да, не легко разобрать, кто виноватъ въ этомъ дѣлѣ. Вѣрно то, что обѣ стороны въ одно время и истцы и отвѣтчики!

Судебный приставъ. Да, да, удивительныя настали времена! Точно всѣ бабы съ ума сошли! Вотъ и у моей старухи случаются припадки, когда она вдругъ начнетъ увѣрять, что я бы тоже долженъ родить дѣтей, что это будетъ вполне справедливо... Точно Господь Богъ безъ нея не зналъ, какъ сотворить людей.. Извольте-ка выслушивать длиннѣйшіе разговоры о томъ, что она тоже «человѣкъ», будто я этого и самъ не зналъ или говорилъ когда-нибудь обратное!.. Говорить, что ей надоѣло быть моей служанкой, хотя, на самомъ дѣлѣ, вѣдь слугой-то выхожу я!

Экзекуторъ. А! такъ и у тебя та же исторія! Моя вотъ усердно читаетъ газету, которую ей даютъ иногда на барскомъ дворѣ, и вотъ начинаются розказни, точно о чемъ-то удивительномъ,—о томъ, какъ одна баба принялась за каменщицкую работу, какъ старуха набросилась на своего больного мужа и прибила его... Не понимаю, съ чего это она! Только мнѣ кажется, что она злится на меня за то, что я мужчина!

Судебный приставъ. Удивительно, право! Предлагаетъ ему понюхать табаку. Погода хороша! Хлѣбъ стоитъ въ полѣ густой, какъ шерсть, а утренники любезно миновали насъ!

Экзекуторъ. У меня нѣтъ земли... Мнѣ туго приходится въ урожайные годы! Ни купить, ни продать... Ты знаешь новаго судью, который будетъ предсѣдательствовать сегодня?

Судебный приставъ. Нѣтъ. Говорятъ, что еще всѣмъ молодой человѣкъ, онъ только что сдалъ экзамены и сегодня предсѣдательствуетъ въ первый разъ.

ЭкзекUTORЪ. Я слышалъ, будто онъ ужасный святоша...

Судебный приставъ. Проповѣдь что-то сегодня безконечная!

ЭкзекUTORЪ. Кладеть на мѣсто нотаріуса большую библию и 12 маленькихъ шариковъ на мѣста присяжныхъ. Ну, теперь навѣрно скоро и конецъ! Они сидятъ тамъ уже больше часа.

Судебный приставъ. Да, ужъ нашъ пасторъ, если захочетъ — молодчина въ проповѣдяхъ! Пауза. А что, судруги лично будутъ присутствовать?

ЭкзекUTORЪ. Да, оба. Вотъ будетъ у насъ народу сегодня! Снаружи слышенъ звонокъ. А вотъ и конецъ! Сотрика поскорѣй пыль со столовъ! Можно сейчасъ же начать!

Судебный приставъ. Есть ли чернила въ чернильницахъ?

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ТѢ ЖЕ. БАРОНЪ. БАРОНЕССА.

БАРОНЪ вполголоса баронессѣ. Итакъ, прежде чѣмъ разстаться на цѣлый годъ, провѣримъ, согласны ли мы съ тобой во всѣхъ пунктахъ. Во-первыхъ, не надо взаимныхъ обвиненій передъ судьей!

БАРОНЕССА. Неужели ты думаешь, что мнѣ пріятно

раскрывать передъ этой толпой мужиковъ всѣ подробности нашей интимной жизни?

Баронъ. Хорошо! Хорошо! Дальше: въ теченіе этого года ты оставляешь ребенка у себя, съ условіемъ, что онъ будетъ навѣщать меня, когда я захочу. Кромѣ того — онъ будетъ воспитанъ согласно съ тѣми принципами, которые я изложилъ тебѣ и которые ты одобрила!

Баронесса. Разумѣется!

Баронъ. И, наконецъ, въ теченіе года я буду выдавать тебѣ и ребенку содержаніе въ 3000 кронъ, взятыхъ изъ доходовъ съ имѣнія.

Баронесса. Рѣшено!

Баронъ. Теперь мнѣ ничего не остается прибавить... Позволь только сказать тебѣ — до свиданья! Мы одни знаемъ истинныя причины развода. Ищадя нашего сына, мы должны скрывать ихъ отъ всѣхъ! Но я заклинаю тебя въ послѣдній разъ — ради него не начинай ссоры, чтобы имя его родителей не было втоптанно въ грязь! Позже, все равно, суровая жизненная правда откроетъ ему, что его отецъ и мать были разведены!

Баронесса. Я не начну ссоры, пока буду увѣрена въ томъ, что ребенокъ останется у меня!

Баронъ. Сосредоточимъ всѣ наши заботы на томъ, чтобы сохранить счастье нашему ребенку! Забудемъ все, что произошло между нами! И вотъ обдумай еще... Если каждый изъ насъ будетъ отстаивать свои права на ребенка, или мы оба будемъ доказывать свои способности въ дѣлѣ воспитанія, судья имѣетъ право отнять его у обонхъ и отдать въ руки чужимъ, лицемѣрнымъ людямъ,

которые воспитаютъ его въ ненависти и презрѣнїи къ родителямъ!

Баронесса. Это невысказуемо!

Баронъ. Увѣряю тебя, другъ мой, — это законъ!

Баронесса. Ну, такъ этотъ законъ глупъ!

Баронъ. Возможно! Но онъ еще въ силѣ и можетъ быть примененъ къ тебѣ!

Баронесса. Это противно природѣ! я никогда не подчинюсь подобному закону!

Баронъ. Да вѣдь это и не нужно! Мы рѣшили не противорѣчить другъ другу. Мы ни въ чемъ не могли съ тобой поладить, это единственный случай, гдѣ мы согласны... Постараемся разстаться безъ ссоры! Экзекутору. Можетъ ли баронесса поджидать въ той комнатѣ?

Экзекуторъ. Пожалуйста, войдите.

Баронъ провожаетъ баронессу до двери, ведущей направо, потомъ выходитъ въ среднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Экзекуторъ. Судебный приставъ. Адвокатъ. Скотница. Альма Джонсонъ. Молотильщикъ.

Адвокатъ Альмъ Джонсонъ. Слушай меня хорошенько, голубушка! Я ни минуты не сомнѣваюсь въ томъ, что ты украла... но, такъ какъ у твоего хозяина нѣтъ свидѣтелей, — ты невинна! А такъ какъ твой хозяинъ назвалъ тебя въ присутствїи двухъ свидѣтелей воровкой, онъ виновенъ передъ тобой въ оскорбленїи личности! Итакъ, значить, ты — истица, онъ — обвиняемый... Теперь запомни хорошенько

это правило: главная забота каждого подсудимаго — это заперательство!

Альма Джонсонъ. Хорошо... но господинъ судья уже сказалъ, что виновата не я, а мой хозяинъ.

Адвокатъ. Ты виновата, потому что украла! Но такъ какъ ты взяла себѣ защитника, то мой долгъ выгородить тебя и добиться обвиненія твоего хозяина. Повторяю тебѣ въ послѣдній разъ — запирайся во всемъ. Свидѣтелямъ. Что же касается свидѣтелей, что они должны показывать? Слушайте — хороший свидѣтель долженъ придерживаться сути, исключительно сути дѣла! Помните же, что намъ вовсе не требуется знать, виновата ли Альма Джонсонъ въ кражѣ; намъ важно только, назвалъ ли ее Александерсонъ воровкой, такъ какъ знайте еще, что законъ воспрещаетъ Александерсону доказывать правоту своей жалобы, это право принадлежитъ намъ... а почему — самъ чортъ не знаетъ! Итакъ — придерживайте языки и смѣло кладите руку на библію.

Скотница. Господи Боже! Я такъ боюсь, что ужъ и не знаю, что надо говорить!

Молотильщикъ. Повторяй за мной, навѣрно не соврешь!

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Тѣ же. Судья. Пасторъ.

Судья. Благодарю васъ за вашу проповѣдь, господинъ пасторъ!

Пасторъ. Что вы! Не за что, господинъ судья!

Судья. Нѣтъ, нѣтъ... Вы знаете, что сегодня мое пер-

вое засѣданіе! Я боюсь карьеры, на которую меня толкнули почти противъ воли! Да, господинъ пасторъ, наши законы еще такъ несовершенны, сама юриспруденція такъ сомнительна, а природа человѣка такъ полна лжи и притворства, что я иногда удивляюсь смѣлости, съ которой судья долженъ произнести рѣшающее слово... Сегодня вы разбудили мои сомнѣнія!

Пасторъ. Конечно, совѣсть есть первое условіе вашего званія, но нельзя же ради этого быть такимъ боязливымъ! Все несовершенно въ этомъ мірѣ, а потому мы не можемъ считать совершенными какъ судью, такъ и его рѣшенія

Судья. Все это такъ... а все-таки я чувствую, какъ давить меня ужасная отвѣтственность за судьбу людей, тѣмъ болѣе, что мое рѣшеніе можетъ вліять и на будущія поколѣнія... Въ эту минуту я озабоченъ больше всего разводомъ барона и баронессы... Я хотѣлъ бы васъ спросить... Вѣдь вы предварительно допрашивали уже мужа въ церковномъ совѣтѣ... Каково ваше мнѣніе относительно виновности одной изъ сторонъ?

Пасторъ. Другими словами, вы, судья, хотите меня сдѣлать судьей въ этомъ дѣлѣ, или основать ваше рѣшеніе на моемъ показаніи? Я могу вамъ только указать на протоколъ, подписанный церковнымъ совѣтомъ.

Судья. Ахъ, видѣлъ я этотъ протоколъ! Мнѣ необходимо знать скрытыя причины, а ихъ-то въ протоколѣ и нѣтъ.

Пасторъ. То, въ чемъ супруги упрекали другъ друга во время допроса, должно остаться тайной... Да и потомъ — какъ вы хотите, чтобы я разобралъ, кто изъ нихъ сказалъ правду, кто солгалъ... Отвѣчу вамъ такъ же, какъ я отвѣ-

тилъ имъ: я не смѣю вѣрить одному больше, чѣмъ другому.

Судья. Однако, въ теченіе допроса вы могли составить свое личное мнѣніе?

Пасторъ. Я составилъ мнѣніе послѣ объясненія одной стороны и измѣнилъ его, услыхавъ объясненія другой. Однимъ словомъ, у меня нѣтъ твердо установленнаго мнѣнія въ этомъ дѣлѣ!

Судья. Но вѣдь я то долженъ его имѣть! А между тѣмъ я ничего не знаю!

Пасторъ. Да, въ этомъ и состоитъ трудность задачи судьи! Я никогда не могъ бы ее выполнить!

Судья. Будутъ ли допрошены свидѣтели? вѣдь можно получить доказательства!

Пасторъ. Нѣтъ, супруги не желаютъ обвинять другъ друга публично... Къ тому же два лжесвидѣтеля служатъ достаточнымъ доказательствомъ! Да неужели вы думаете, что можно основывать свое мнѣніе на болтовнѣ прислуги, на сплетняхъ завистливыхъ сосѣдей или на злобѣ родственникововъ?

Судья. Вы опасный скептикъ, господинъ пасторъ!

Пасторъ. Легко быть скептикомъ въ 60 лѣтъ, изъ которыхъ сорокъ былъ духовникомъ! Ложь живетъ въ человѣкѣ, какъ первородный грѣхъ, и я думаю, что всѣ люди лжецы... Ребенокъ лжетъ въ первый разъ изъ бязни, онъ вырастаетъ и продолжаетъ лгать по необходимости, по расчету, или изъ чувства самосохраненія... Я знаю даже такихъ, которые лгутъ изъ милосердія. Въ данномъ дѣлѣ вамъ будетъ крайне трудно узнать, кто изъ супруговъ говоритъ правду! Постарайтесь, чтобы предвзя-

тос. мнѣніе не повліяло на васъ! Вы сами только недавно женились и, вѣроятно, находитесь еще подъ обаяніемъ молодой жены. Смотрите же! Васъ можетъ легко увлечь сочувствіе къ милой, молодой женщинѣ, несчастной женѣ и матери! Вы недавно стали отцомъ, и вамъ будетъ трудно побороть въ себѣ чувство жалости при мысли о разлукѣ отца съ единственнымъ сыномъ! Прежде всего, старайтесь избѣгать жалости... Показать состраданье одному — равносильно жестокости къ другому!

Судья. Къ счастью, мою задачу упрощаетъ то, что судьи согласны между собой относительно главныхъ пунктовъ.

Пасторъ. Гм!.. Не очень-то этому довѣряйтесь! Они всѣ говорятъ такъ, но, какъ только встанутъ лицомъ къ лицу съ судьей, рѣшеніе ихъ ослабѣваетъ, и страсти разгораются какъ могучій пожаръ... Достаточно одной искры, чтобы огонь прорвался... Но вотъ и присяжные! До свиданья!.. Я останусь здѣсь, но не хочу показываться.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же. Нотаріусъ. Двѣнадцать присяжныхъ. Судебный приставъ у средней двери звонитъ въ колоколь. Присяжные усаживаются на своихъ мѣстахъ. Толпа наполняетъ залъ.

Судья. На основаніи главы второй, параграфа шестого и восьмого устава судопроизводства, объявляю засѣданіе открытымъ. Говоритъ тихо нѣсколько словъ нотаріусу, затѣмъ

громко. Господа присяжные, прошу васъ принять присягу.

Присяжные встають и, кладя руку на библію, произносятъ каждый отдѣльно свое имя и фамилію; все остальное говорить вмѣстѣ.

Я, Александръ Эклундъ,
я, Эммануилъ Викбергъ,
я, Карлъ Юганнъ Свѳбергъ,
я, Эрикъ Отто Боманъ,
я, Эренфридъ Сѳдербергъ,
я, Олафъ Андерсонъ изъ Вика,
я, Карлъ Петеръ Андерсонъ изъ Берга,
я, Аксель Валлинъ,
я, Андерсъ Эрикъ Рутъ,
я, Свенъ Оскаръ Эрлинъ,
я, Августъ Александръ Васъ,

я, Людвигъ Эстманъ всѣ вмѣстѣ вполголоса обѣщаюсь и клянусь передъ Господомъ и святымъ его Евангеліемъ праведно судить по душѣ и совѣсти, быть справедливымъ какъ къ богатому, такъ и къ бѣдному и судить по законамъ Господа и моего отечества. Громче, возвышая голосъ. Клянусь, что не искажу закона и не совершу несправедливости ни по родству, ни по дружбѣ, ни изъ мести, ни изъ страха, ни изъ злобы. А также изъ-за подкупа или другой какой-нибудь выгоды не оправдаю виновнаго и не обвиню невиннаго. Еще громче. Клянусь также, что ни до, ни послѣ произнесенія вердикта, ни ищущимъ правосудія и никакимъ другимъ лицамъ не открою рѣшеній принятыхъ судомъ при закрытыхъ дверяхъ. Обѣщаю

честно исполнить свой долгъ, безъ злобы и притворства, какъ честный и справедливый судья! Пауза. И да поможетъ мнѣ въ этомъ Господь!

Присяжные садятся.

Судья судебному приставу. Потребуйте къ слушанью дѣла Альмы Джонсонъ противъ фермера Александерсона.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ. Адвокатъ. Альма Джонсонъ. Александерсонъ. Скотница. Молотильщики.

Судебный приставъ, громко вызывая. Служанка Альма Джонсонъ! фермеръ Александерсонъ!

Адвокатъ. Я имѣю полную довѣренность отъ лица истицы Альмы Джонсонъ... Не желаетъ ли господинъ председатель съ ней ознакомиться?

Судья, просматривая довѣренность. «Служанка Альма Джонсонъ привлекаетъ къ отвѣтственности своего бывшего хозяина Александерсона, основывая свою жалобу на статью шестнадцатой, параграфъ восьмой уложенія о наказаніяхъ, карающей обвиняемаго шестимѣсячнымъ заключеніемъ или денежнымъ штрафомъ, въ виду того, что Александерсонъ назвалъ истицу воровкой, не доказывая правоты своего оскорбленія и не жалуясь на нее въ судъ».

Обвиняемый Александерсонъ, что вы можете сказать въ свое оправданіе?

Александерсонъ. Я назвалъ ее воровкой, потому что видѣлъ, какъ она крада.

Судья. Имѣете ли вы свидѣтелей, видѣвшихъ, какъ она совершила эту кражу?

Александрсонъ. Нѣтъ, господинъ судья, къ несчастью, у меня нѣтъ свидѣтелей. Я всегда выхожу изъ дому одинъ.

Судья. Почему же вы не предъявили къ ней искъ?

Александрсонъ. Потому что я не терплю всякаго рода тяжбы! Да къ тому же у насъ, фермеровъ, вошло въ обычай умалчивать о кражахъ, происходящихъ въ хозяйствѣ; отчасти потому, что это случается очень часто, отчасти же потому, что мы не хотимъ портить навсегда репутацію служащихъ.

Судья. Имѣете ли вы что-нибудь сказать, Альма Джонсонъ?

Альма Джонсонъ. Да-а-а...

Адвокатъ. Молчи! Альма Джонсонъ, которая въ настоящемъ дѣлѣ является истицей, а не обвиняемой, проситъ перейти къ допросу свидѣтелей, чтобы они могли подтвердить оскорбленіе, нанесенное ей Александрсономъ.

Судья. Въ виду признанія Александрсона, считаю излишнимъ допросъ свидѣтелей. Мнѣ важно знать, дѣйствительно ли виновна Альма Джонсонъ?

Если Александрсонъ имѣетъ уважительныя причины для своего обвиненія, мы могли бы принять во вниманіе это смягчающее вину обстоятельство.

Адвокатъ. Къ сожалѣнію, я принужденъ не согласиться съ господиномъ предсѣдателемъ! Опираясь на главу 16, параграфъ 13 уложенія о наказаніяхъ, считаю воз-

можнымъ напомнить, что обвиняемому не дано права приводить доказательства правоты своего оскорбленья.

Судья. Прошу удалиться присутствующія стороны, свидѣтелей и публику. Судъ будетъ совѣщаться.

Всѣ выходятъ.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Судья. Честный ли человекъ Александерсонъ? Можно ли ему довѣрять?

Аксель Валлинъ. Онъ вполне достоинъ довѣрія.

Судья. А какова репутація Альмы Джонсонъ? Слыветъ ли она честной служанкой?

Эрикъ Отто Боманъ. Я рассчиталъ ее въ прошломъ году за грубость.

Судья. Несмотря на это, я долженъ присудить Александерсона къ штрафу... Ничего не подѣлаешь... Онъ бѣденъ?

Людвигъ Эстманъ. Онъ еще не уплатилъ податей, а въ прошломъ году у него былъ неурожай,—думаю, что онъ не въ силахъ уплатить штрафа.

Судья. А все-таки я не могу отмѣнить рѣшенія! Дѣло ясно, такъ какъ Александерсонъ не имѣетъ права доказывать... Кто желаетъ возразить или добавить что-нибудь?

Александръ Эклундъ. Я хотѣлъ бы высказать одно соображеніе: подобныя дѣла, гдѣ не только невинный, но прямо-таки обиженный человекъ подвергается штрафу, тогда какъ воръ возстанавливаетъ свою такъ

называемую честь, могут повести къ печальнымъ послѣдствіямъ. Снисхожденія къ ближнимъ будетъ въ людяхъ все меньше, такъ какъ процессы умножатся!

Судья. Весьма вѣроятно, но замѣчанія подобнаго рода не могутъ быть внесены въ протоколъ. Намъ надо формулировать приговоръ. Итакъ, я спрашиваю присяжныхъ: виновенъ ли Александерсонъ? Подлежитъ ли онъ наказанію по статьѣ 13, главы 16 уложенія о наказаніяхъ?

Присяжные. Да.

Судья судебному приставу. Попросите стороны и свидѣтелей войти.

ЯВЛЕНІЕ ВОСЬМОЕ.

Всѣ входятъ.

Судья. По дѣлу служанки Альмы Джонсонъ противъ фермера Александерсона. Обвиняемый Александерсонъ присуждается къ штрафу въ сто кронъ за оскорбленіе личности.

Александерсонъ. Вѣдь я же самъ видѣлъ, какъ она крала!

Адвокатъ служанкъ. Вотъ видишь! Стоитъ только отрицать! Все идетъ прекрасно.. Александерсонъ дуракъ, что не отрицалъ съ своей стороны! Если бы я былъ его повѣреннымъ, онъ бы отвергъ твое обвиненіе, и я бы тотчасъ же отвелъ свидѣтелей, а ты бы попалась! Ну, пойдёмъ, сосчитаемся!

Уходитъ вмѣстѣ со свидѣтелями и съ Альмой Джонсонъ.

АЛЕКСАНДЕРСОНЪ судебному приставу. Мнѣ еще, можетъ быть, надо выдать этой Альмѣ свидѣтельство въ честности?

СУДЕБНЫЙ ПРИСТАВЪ. Это меня не касается!

АЛЕКСАНДЕРСОНЪ экзекутору. Изъ-за этой исторіи изволь убираться со двора! Вотъ такъ правосудіе! Вору — уваженъе, а потерпѣвшему — штрафъ! Приходи потомъ выпить стаканъ кофе, Омань!

ЭКЗКУТОРЪ. Приду, приду! Только не кричи ты такъ!

АЛЕКСАНДЕРСОНЪ. А вотъ буду кричать! Хотя бы три мѣсяца въ тюрьмѣ пришлось отсидѣть!

ЭКЗКУТОРЪ. Не кричи! Не кричи!

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

ТѢ ЖЕ. ПОТОМЪ БАРОНЪ И БАРОНЕССА.

СУДЬЯ. Пригласите стороны по дѣлу о разводѣ барона Шпренгеля противъ его жены, рожденной Мальмбергъ.

СУДЕБНЫЙ ПРИСТАВЪ. Дѣло о разводѣ барона Шпренгеля противъ его жены, рожденной Мальмбергъ!

БАРОНЪ И БАРОНЕССА вхолятъ.

СУДЬЯ. Въ своей жалобѣ баронъ Шпренгель заявляетъ о желаніи расторгнуть бракъ. Попытки къ примиренію, испробованныя церковнымъ совѣтомъ, не привели къ желаемымъ результатамъ, и баронъ требуетъ развода на годъ. Желаете ли что-нибудь возразить, баронесса?

БАРОНЕССА. Я не возражаю противъ развода, если

мнѣ будетъ дано право оставить у себя ребенка. Это мое единственное условіе.

Судья. Законъ не допускаетъ условій въ данномъ случаѣ. Рѣшеніе вопроса, касающагося ребенка, предоставлено суду.

Баронесса. Вотъ это интересно!

Судья. Вотъ почему суду крайне важно знать, которая изъ сторонъ виновна въ несогласіи, выставленномъ поводомъ къ разводу. При чтеніи протокола церковнаго совѣта мы усматриваемъ, что жена призналась въ своемъ дурномъ, неуживчивомъ характерѣ, тогда какъ противъ мужа не существуетъ обвиненія. Итакъ, баронесса, повидимому, признаетъ...

Баронесса. Это ложь!

Судья. Я не допускаю, чтобы протоколъ церковнаго совѣта, подписанный господиномъ пасторомъ и восемью уважаемыми гражданами, могъ быть неточенъ!

Баронесса. Онъ ложно составленъ!

Судья. Сударыня! подобныя инсинуации на судѣ не могутъ быть допустимы безнаказанно!

Баронъ. Извините! Прошу васъ замѣтить, что я добровольно отдаю баронессѣ ребенка!

Судья. Я повторю вамъ то, что уже сказалъ... Рѣшеніе этого вопроса — дѣло суда, а не присутствующихъ сторонъ. Итакъ, баронесса, вы не признаете себя причиной несогласія?

Баронесса. Нѣтъ, не признаю... Развѣ виноватъ только одинъ, когда двое ссорятся между собой?

Судья. Здѣсь не ссора, а преступленіе! Впрочемъ, ба-

ронесса обнаруживаетъ, кажется, очень сварливый характеръ и дурныя манеры!

Баронесса. О, вы не знаете моего мужа!

Судья. Благоволите же объясниться! Я не могу основать рѣшеніе по однимъ инсинуаціямъ!

Баронъ. Въ такомъ случаѣ, я прошу разрѣшить мнѣ взять свою жалобу обратно, чтобы добиться развода другими путями.

Судья. Разъ дѣло заслушано,— оно должно быть окончено. Итакъ, баронесса заявляетъ, что причиной несогласія является поведеніе барона. Можете ли вы представить доказательства?

Баронесса. Могу.

Судья. Потрудитесь же это сдѣлать, но я долженъ предупредить васъ, что такимъ образомъ нѣкоторымъ личнымъ правамъ барона, равно какъ и отцовскимъ правамъ грозитъ опасность.

Баронесса. Онъ часто бывалъ недостоинъ пользоваться этими правами... Когда, напримѣръ, лишалъ меня пищи и сна!

Баронъ. Ради истины я долженъ заявить, что никогда не лишалъ баронессу «сна»! Я просилъ только не лежать цѣлое утро въ постели, такъ какъ хозяйство и ребенокъ оставались безъ присмотра... Что же касается «пищи», то я всегда предоставлялъ ее на усмотрѣніе хозяйки дома! Мои замѣчанія касались лишь нѣсколькихъ званныхъ обѣдовъ, которые давала баронесса и которые, казалось мнѣ, обременяли нашъ бюджетъ излишними тратами.

Баронесса. Онъ отказался позвать врача, когда я была больна!

Баронъ. Баронесса имѣла привычку заболѣвать всякій разъ, когда не исполнялись ея желанія... Но эти болѣзни скоро проходили! Одинъ разъ я выписалъ изъ города профессора, который подтвердилъ, что болѣзнь была притворствомъ, а потому, когда въ слѣдующій разъ баронесса заболѣла оттого, что новое трюмо стоило на 50 кронъ дешевле, чѣмъ она ожидала, я счелъ медицинскую помощь излишней!

Судья. Въ такомъ важномъ вопросѣ нельзя принимать во вниманіе эти мелочи! Здѣсь должны быть другіе, болѣе глубокіе мотивы!

Баронесса. Надѣюсь, вы сочтете серьезнымъ мотивомъ то, что отецъ запрещаетъ матери воспитывать ребенка?

Баронъ. Во-первыхъ, баронесса поручила воспитаніе ребенка нянькѣ, такъ какъ не умѣла съ нимъ справиться. Во-вторыхъ, она пыталась сдѣлать изъ своего сына какую-то дѣвчонку, вмѣсто того чтобы воспитывать въ немъ мужчину. До четырехъ лѣтъ она одѣвала его, какъ дѣвочку и теперь еще, несмотря на свои восемь лѣтъ, онъ носитъ длинные волосы, его заставляютъ шить, вышивать... Онъ играетъ въ куклы... Все это мнѣ кажется вреднымъ для нормальнаго развитія мальчика! Въ то же время она забавляется, переодѣвая нашихъ крестьянскихъ дѣвочекъ, стрижетъ имъ волосы и заставляетъ работать за мальчиковъ! Однимъ словомъ, я рѣшилъ взять въ свои руки воспитаніе сына только послѣ того, какъ замѣтилъ эти болѣзненные проявленія души, послѣдствія которыхъ привели насъ къ столкновенію съ восемнадцатою главой уложенія о наказаніяхъ!

Судья. Несмотря на это, вы согласны оставить ребенка у матери?

Баронъ. Да, потому что у меня никогда не было безчеловѣчной мысли оторвать ребенка отъ матери; кромѣ того, мать общала мнѣ исправиться... Къ тому же я связалъ себя общаніемъ подъ давленіемъ извѣстныхъ обстоятельствъ, не предполагая, что законъ вмѣшается въ это дѣло! Теперь, когда мы коснулись обвиненія, я мѣняю свое рѣшеніе, потому что изъ истца я превратился въ обвиняемаго!

Баронесса. Вотъ такъ всегда держитъ онъ свои общанія!

Баронъ. Мои общанія, какъ и общанія другихъ, были даны только на извѣстныхъ условіяхъ! Пока эти условія соблюдались, я держалъ общаніе!

Баронесса. Вотъ такъ же онъ мнѣ общалъ личную свободу въ нашемъ супружествѣ!

Баронъ. Да, предполагая, разумѣется, что вы сумѣете держать себя прилично, но, такъ какъ вы перешли границы, и свобода перешла въ своеволие, — я счелъ свое общаніе недѣйствительнымъ!

Баронесса. А потому онъ измучилъ меня чудовищной ревностью. Одной этой ревности было бы достаточно, чтобы сдѣлать невозможной совмѣстную жизнь! Онъ доходилъ даже до смѣшного, ревнуя меня къ врачу.

Баронъ. Ревность выражалась въ томъ, что я запретилъ женѣ лѣчиться у болтливаго и невѣжественнаго массажиста, такъ какъ ея болѣзнь требовала женскихъ услугъ... если только баронесса не намекаетъ вамъ на случай съ инспекторомъ, котораго я выгналъ вонъ изъ дома,

увидавъ, какъ онъ нахально курить въ моей гостиной, да еще угощаетъ баронессу сигарами!

Баронесса. Ужъ разъ мы дошли до такого безстыдства, будемъ лучше говорить правду... Баронъ виновенъ въ прелюбодѣяніи. Я думаю, этого достаточно, чтобы навсегда лишить его правъ на воспитаніе ребенка!

Судья. Можете ли вы доказать это?

Баронесса. Да, я могу доказать. Вотъ письма!

Судья беретъ письма. Отъ какого они времени?

Баронесса. Приблизительно, годъ тому назадъ.

Судья. Обвиненіе, направленное противъ вашего мужа, очень важно, хотя, собственно, юридическая давность уже прошла. Оно можетъ лишить его правъ на ребенка и на законную часть состоянія. Признаете ли вы себя виновнымъ, баронъ?

Баронъ. Да, признаю со стыдомъ и раскаяніемъ, но положеніе, въ которомъ я тогда находился, можетъ мнѣ послужить смягчающимъ вину обстоятельствомъ. Разсчитанная холодность баронессы принуждала меня къ оскорбительному безбрачію, хотя я мягко и осторожно просилъ у нея какъ милости того, что законъ признаетъ за мной по праву! Мнѣ надоѣло, наконецъ, покупать ея любовь! Она низвела нашъ бракъ на степень проституціи, продавая свои ласки за деньги и за подарки. И, наконецъ, я увидѣлъ себя вынужденнымъ взять любовницу съ формальнаго разрѣшенія баронессы!

Судья. Давали вы свое согласіе, баронесса?

Баронесса. Никогда! Это ложь! Гдѣ доказательства?

Баронъ. Это правда, но я не могу ее доказать, такъ

какъ мой единственный свидѣтель — баронесса — это отрицаетъ!

Судья. Недоказанный фактъ не есть ложь! Но подобный договоръ, заключенный вопреки всякому существующему закону, есть растити тигре, а потому онъ недействителенъ. Все говорить противъ васъ, баронъ!

Баронесса. Такъ какъ баронъ со стыдомъ и раскаяніемъ признаетъ свою вину, то я въ качествѣ истицы прошу, чтобы судъ произнесъ свое рѣшеніе, такъ какъ дальнѣйшія подробности излишни.

Судья. Въ качествѣ предсѣдателя суда я желаю, чтобы сперва были выслушаны объясненія или извиненія барона!

Баронъ. Я признался сейчасъ въ прелюбодѣяніи, указавъ на смягчающія вину обстоятельства, принудившія меня послѣ десятилѣтняго брака вести холостую жизнь... Кромѣ того, я имѣлъ согласіе самой баронессы... Но, такъ какъ я имѣю всѣ основанія думать, что это была лишь ловушка, въ которую меня хотѣли поймать, чтобы свалить на меня вину, считаю своимъ долгомъ ради сына итти дальше...

Баронесса невольно. Аксель!

Баронъ. ... и прибавить, что причиной моего прелюбодѣянія была невѣрность баронессы!

Судья. Можете ли вы доказать невѣрность баронессы?

Баронъ. Нѣтъ, такъ какъ для сохранения чести семьи я уничтожилъ всѣ доказательства, бывшія въ моихъ рукахъ... Смѣю, однако, думать, что баронесса не откажется повторить здѣсь свое признаніе!

Судья. Признаете ли вы себя виновной въ прелюбо-

дѣяніи до проступка барона? Такъ какъ, въ такомъ случаѣ, его вина является лишь результатомъ вашей.

Баронесса. Нѣтъ!

Судья. Готовы ли поклясться въ этомъ подѣ присягой?

Баронесса. Да!

Баронъ. Ради Бога! Нѣтъ! Я не хочу, чтобы она сдѣлалась изъ-за меня клятвопреступницей!

Судья. Я повторяю свой вопросъ: согласны ли вы поклясться подѣ присягой?

Баронесса. Да.

Баронъ. Я позволю себѣ замѣтить, что въ данную минуту баронесса истица и не можетъ обвинять подѣ присягой.

Судья. Вы обвиняете баронессу въ преступленіи, слѣдовательно, она обвиняемая. Что думаютъ объ этомъ господа присяжные?

Эммануиль Викбергъ. Такъ какъ баронесса представляетъ одну изъ сторонъ процесса, то, мнѣ кажется, ей будетъ затруднительно свидѣтельствовать въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

Свенъ Оскаръ Эрлинъ. Такъ какъ баронесса будетъ показывать подѣ присягой, то, мнѣ кажется, надо было бы обязать къ тому же и барона! Но тогда показанія взаимно уничтожатся, и дѣло для насъ не станетъ яснымъ!

Августъ Александръ Васъ. Здѣсь дѣло идетъ вовсе не о показаніи подѣ присягой,— просто объ оправдательной присягѣ.

Андерсъ Эрикъ Рутъ. Этотъ вопросъ слѣдовало бы предварительно разрѣшить.

Аксель Валлинъ. Да, но въ отсутствіи сторонъ, такъ какъ пренія суда должны оставаться въ тайнѣ.

Карль Іоганнъ Свѣбергъ. Почему? Совѣщанія присяжныхъ вовсе не должны неизбѣжно оставаться въ тайнѣ!

Судья. Я лишенъ возможности рѣшить вопросъ, въ виду такого разногласія. Преступленіе барона можетъ быть доказано, тогда какъ противъ баронессы нѣтъ уликъ, потому я считаю себя обязаннымъ привести баронессу къ оправдательной присягѣ.

Баронесса. Я готова.

Судья. Извините... можете ли вы, баронесса, въ случаѣ отсрочки, представить доказательства, подтверждающія ваши показанія?

Баронъ. Я не могу и не хочу этого, такъ какъ не желаю выставлять публично свой позоръ!

Судья. Объявляю засѣданіе закрытымъ на время моего совѣщанія съ господиномъ предсѣдателемъ церковнаго совѣта.

Встаётъ и выходитъ въ дверь направо.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ.

Присяжные вполголоса совѣщаются между собой. Баронъ и баронесса въ глубинѣ сцены. Публика расходится группами — вездѣ разговоры.

Баронъ. Ты не отступаешь даже передъ ложной клятвой?

Баронесса. Я ни передъ чѣмъ не отступлю, когда дѣло касается ребенка!

Баронъ. А если у меня есть доказательства?

Баронесса. У тебя ихъ нѣтъ!

Баронъ. Письма сожжены, но у меня остались копии!

Баронесса. Ты лжешь, чтобы испугать меня!

Баронъ. Чтобы доказать тебѣ, какъ я люблю ребенка, а также, чтобы спасти ему мать, разъ гибну я, вотъ, возьми эти доказательства... и будь благодарна! Протягиваетъ ей пачку писемъ.

Баронесса. Я всегда знала, что ты способенъ обманывать, но все-таки не думала, что ты, какъ мошенникъ, станешь переписывать письма!

Баронъ. Такъ вотъ твоя благодарность! Ну, ужъ теперь погибнемъ мы оба!

Баронесса. Что жъ! погибнемъ вмѣстѣ; по крайней мѣрѣ, конецъ борьбѣ!

Баронъ. Такъ неужели лучше, чтобы нашъ мальчикъ остался въ мирѣ одинокимъ, потерявъ родителей?

Баронесса. Этого никогда не случится!

Баронъ. Безумная самоувѣренность заставляла тебя считать себя выше всѣхъ законовъ, выше твоихъ ближнихъ... Она толкнула тебя на борьбу, въ результатѣ которой потерпѣвшимъ окажется нашъ сынъ! О чемъ ты думала, начиная наступленіе, которое неизбежно влекло за собой мою самозащиту? Ты меньше всего думала о ребенкѣ. Местъ и только мести руководила тобой. А за что? За то, что я проникъ въ твою тайну?

Баронесса. Ребенокъ? Думалъ ли ты о немъ, обливая меня грязью передъ этой толпой?

Баронъ. Эленъ! Мы рвали другъ друга на части, какъ дикіе звѣри! Мы обнажили свой позоръ передъ людьми, которые смѣются надъ нами, такъ какъ въ этой залѣ у насъ нѣтъ ни одного друга! Съ этого дня нашъ сынъ уже не можетъ съ уваженіемъ говорить о родителяхъ... Вступая въ свѣтъ, онъ не можетъ искать поддержки у отца или матери! Онъ увидитъ, какъ опустѣетъ нашъ домъ, покинутый всѣми, увидитъ насъ, одинокихъ стариковъ, и самъ убѣжитъ отъ насъ!

Баронесса. Чего же ты хочешь?

Баронъ. Продадимъ все и уѣдемъ за границу!

Баронесса. Чтобы вновь начать ссору? Я предвижу, что случится: ты будешь любезенъ въ теченіе недѣли, а потомъ жизнь станетъ снова невыносимой!

Баронъ. Подумай, въ эту минуту въ сосѣдней комнатѣ рѣшается наша судьба! Ты не можешь рассчитывать на сочувствіе пастора, ты только что назвала его лжецомъ! Я тоже не могу на него положиться, такъ какъ меня считаютъ невѣрующимъ... О, какъ хотѣлъ бы я скрыться гдѣ-нибудь въ лѣсной чащѣ, запрятать свою голову подъ большой камень! Мнѣ такъ стыдно!

Баронесса. Я знаю, что пасторъ ненавидитъ насъ обоихъ. Ты сказалъ правду... Поговори съ нимъ.

Баронъ. О чемъ? О примиреніи?

Баронесса. Все равно — только бы не опоздать... Подумай, можетъ быть, теперь уже слишкомъ поздно!.. Чего хочешь отъ насъ этотъ Александерсонъ? Онъ все время вертится около насъ... я боюсь!

Баронъ. Онъ честный человекъ.

Баронесса. Да, для тебя, но не для меня! Я уже ви-

дѣла гдѣ-то этотъ взглядъ! Пойди къ пастору... только прежде дай мнѣ руку... я боюсь!

Баронъ. Чего же ты боишься, мой другъ?

Баронесса. Сама не знаю, всего и всѣхъ!

Баронъ. Надѣюсь, только не меня!

Баронесса. Нѣтъ, нѣтъ, тебя я теперь не боюсь! Мнѣ кажется, будто мы стоимъ на мельницѣ, наше платье попало въ колеса, которыя рвутъ его! А всѣ эти злобные люди смотрятъ на насъ и смѣются! Подумай, какъ должны они радоваться — баронъ и баронесса дерутся другъ съ другомъ передъ всѣми... У меня такое чувство, будто я голая! Застегиваетъ свое пальто.

Баронъ. Успокойся, другъ мой! Правда, мѣсто выбрано не совсѣмъ удачно, чтобы повторить тебѣ то, что я уже сказалъ! Человѣкъ привязывается только разъ въ жизни... Мы могли бы еще начать новую жизнь! Но нѣтъ, нѣтъ... клянусь Богомъ! теперь это уже невозможно! Мы зашли слишкомъ далеко... Все кончено! Это послѣднее испытаніе будетъ концомъ. Это неизбежное слѣдствіе нашей прежней жизни... теперь мы враги на всю жизнь! О, если я теперь уступлю тебѣ ребенка, ты можешь выйти замужъ... я это вижу! Дать ему другого отца... И я долженъ ждать, какъ другой пойдетъ вмѣстѣ съ моей женой и ребенкомъ... или самъ я долженъ предложить руку любовницѣ другого? Нѣтъ... одинъ изъ насъ долженъ погибнуть! Ты или я!

Баронесса. Такъ гибни ты! Вѣдь если я тебѣ отдамъ ребенка, ты тоже можешь жениться, и я увижу возлѣ моего сына чужую женщину! Одна эта мысль можетъ толкнуть меня на преступленіе!

Баронъ. Ты могла бы подумать объ этомъ раньше! Но ты видѣла, какъ крѣпка та любовная цѣпь, которая приковала меня къ тебѣ... и ты вообразила, что я не въ состоянїи полюбить другую женщину!

Баронесса. Ты, можетъ быть, думаешь, что я любила тебя когда-нибудь?

Баронъ. Одинъ разъ, по крайней мѣрѣ, безусловно! Твоя любовь была великолѣпна... когда я измѣнилъ тебѣ! Внѣшнее презрѣнїе, которое ты старалась показать, дѣлало тебя неотразимой! Ты стала уважать меня послѣ моего проступка! Не знаю, кѣмъ любовалась ты — мужчиной или виновникомъ? Я думаю — обоими, такъ какъ ты вѣдь женщина до мозга костей... Вотъ сейчасъ ты уже ревнуешь меня къ женщинѣ, о которой я и не думаю! Какое несчастье, что я женился на тебѣ! Если бы ты была только моей любовницей, побѣда осталась бы безспорно за тобой, а твоя измѣна придала бы только тонкій букетъ молодому вину.

Баронесса. Твоя любовь была всегда только чувственная!

Баронъ. Чувственная, какъ все безплотное и безплотная, какъ все чувственное! Моя слабость къ тебѣ, бывшая силой моего чувства, дала тебѣ увѣренность въ превосходствѣ твоей силы, тогда какъ на дѣлѣ ты была лишь болѣе порочной, болѣе грубой и болѣе безжалостной, чѣмъ я!

Баронесса. Ты сильнѣе меня? Ты, чьи мысли мѣняются каждую минуту, ты, который никогда не знаешь, чего хочешь!

Баронъ. Я хорошо знаю, чего хочу! Но въ моемъ

сердцѣ хватить мѣста и для ненависти и для любви... Въ эту минуту я тебя ненавижу, а въ слѣдующую люблю... Но сейчасъ я тебя ненавижу!

Баронесса. Ты тоже думаешь о ребенкѣ?

Баронъ. Да, я о немъ думаю сейчасъ, какъ и всегда! А знаешь ли, почему? Потому что онъ живое воплощенье нашей любви... воспоминанье о чудныхъ часахъ... связь, которая соединяетъ наши души! Это мѣсто свиданья, гдѣ мы всегда встрѣчаемся противъ воли! И вотъ почему мы никогда не въ силахъ будемъ разстаться, даже разлученные разводомъ! О, если бы я могъ тебя ненавидѣть такъ, какъ хочу!

ЯВЛЕНІЕ ОДИННАДЦАТОЕ.

Тѣ же. Судья и пасторъ входятъ, разговаривая, и остаются на авансценѣ.

Судья. Я потерялъ всякую надежду быть справедливымъ, или открыть истину! Мнѣ кажется, что наши законы отстали лѣтъ на двѣсти отъ нашего понятія о справедливости! Вотъ, напримѣръ, я былъ принужденъ осудить невиннаго Александерсона и тѣмъ самымъ вернулъ честь воровкѣ... Что же касается этого бракоразводнаго дѣла, то въ эту минуту я ничего въ немъ не понимаю... У меня не хватаетъ духу постановить рѣшеніе!

Пасторъ. Но вѣдь вы обязаны рѣшить что-нибудь!

Судья. Пусть рѣшаютъ другіе! Я подаю въ отставку и изберу другую карьеру!

Пасторъ. Но такой скандалъ сдѣлаетъ васъ смѣш-

нымъ и отрѣжетъ вамъ всѣ пути! Подождите хоть нѣсколько лѣтъ... судите, и вы увидите, что коверкать жизнь людей легче, чѣмъ бить яйца! А ужъ если вы не хотите нести отвѣтственности,—заставьте высказаться присяжныхъ!

Судья. Это вѣрно! Я такъ и сдѣлаю. Я увѣренъ въ томъ, что всѣ они будутъ противъ меня, такъ какъ мое мнѣніе въ этомъ дѣлѣ основано исключительно на чувствѣ... Потому-то я и боюсь ему довѣриться! Благодарю васъ за добрый совѣтъ!

Экзекуторъ, поговоривъ съ Александерсономъ, подходитъ къ судѣ. Заявляю, что фермеръ Александерсонъ желаетъ свидѣтельствовать противъ баронессы Шпренгель.

Судья. Относительно прелюбодѣянія?

Экзекуторъ. Да, господинъ судья.

Судья пастору. Вотъ новый путь къ истинѣ.

Пасторъ. Путей нѣсколько, надо сумѣть найти ихъ!

Судья. Все-таки, ужасно тяжело видѣть, какъ борются на смерть два человѣка, любившіе когда-то другъ друга. Точно вы смотрите на кровавую битву!

Пасторъ. Такова ужъ любовь, господинъ судья!

Судья. Что же тогда называть ненавистью!

Пасторъ Эхъ, Господи! — Это подкладка платья.

Судья идетъ къ присяжнымъ и разговариваетъ съ ними.

Баронесса пастору. Спасите насъ, господинъ пасторъ! Спасите насъ!

Пасторъ. Я не могу, сударыня... я, какъ духовное лицо, не имѣю на это права... Вѣдь я предупреждалъ, что нельзя такъ играть съ серьезными вещами! Вамъ казалось такъ просто развестись... разводитесь же, законъ вамъ не мѣшаетъ, но ужъ теперь нечего сваливать на него вину!

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

Тъ же. Судья.

Судья. Засѣданіе суда продолжается. Согласно заявленію эскутора Викберга, объявляю, что противъ баронессы выступаетъ новый свидѣтель, желающій удостовѣрить ея прелюбодѣяніе. Фермеръ Александерсонъ!

Александерсонъ. Здѣсь!

Судья. Какъ можете вы удостовѣрить свое показаніе?

Александерсонъ. Я былъ свидѣтелемъ прелюбодѣянія!

Баронесса. Онъ лжетъ! Пусть онъ докажетъ!

Александерсонъ. Доказывать? Но вѣдь я свидѣтельствую!

Баронесса. Ваше показаніе еще не доказательство! Даже если вы случайно попали въ свидѣтели!

Александерсонъ. Тогда нужно каждому свидѣтелю найти двухъ свидѣтелей, а тѣмъ еще двухъ другихъ!

Баронесса. Да, это было бы необходимо, и то еще, какъ узнать, не лгутъ ли они всѣ сообща!

Баронъ. Свидѣтельство Александерсона бесполезно! Я желаю представить на судъ всю переписку баронессы, вполнѣ доказывающую ея прелюбодѣяніе! Вотъ подлинники. Копіи находятся у обвиняемой.

Баронесса вскрикиваетъ, но сейчасъ же слерживается.

Судья. И вы хотѣли показывать подъ присягой, баронесса!

Баронесса. Да, но я этого не сдѣлала. Теперь, по крайней мѣрѣ, баронъ и я — квиты!

Судья. Одно преступленіе не исключаетъ другого, — мы должны судить каждаго отдѣльно!

Баронесса. Въ такомъ случаѣ, я сейчасъ же предъявляю къ барону искъ о растратѣ моего приданого!

Судья. Если баронъ дѣйствительно растратилъ приданое баронессы, то это достаточный поводъ для окончанія дѣла!

Баронъ. Баронесса принесла въ приданое шесть тысячъ кронъ въ безвалютныхъ акціяхъ! До нашей свадьбы она служила на телеграфѣ, и такъ какъ она изъявила нежеланіе жить на средства мужа, то въ брачномъ контрактѣ мы обязались лично заботиться о своихъ нуждахъ! Послѣ замужества баронесса потеряла мѣсто, и съ тѣхъ поръ я содержу ее! Конечно, я не заикнулся бы объ этомъ, если бы она не предъявила своего счета. Позвольте же и мнѣ подать свой — онъ заключается въ тридцати пяти тысячахъ кронъ, что составляетъ одну треть нашего бюджета со времени свадьбы... Двѣ трети я принимаю на себя!

Судья. Былъ ли этотъ договоръ изложенъ на бумагѣ?

Баронъ. Нѣтъ, господинъ судья!

Судья. Баронесса, есть ли у васъ бумага, доказывающая растрату вашего приданого!

Баронесса. Я не думала, что нужны какія-нибудь письменныя доказательства. Я предполагала, что имѣю дѣло съ честными людьми!

Судья. Въ такомъ случаѣ, я не могу дать хода вашей жалобѣ. Господа присяжные могутъ удалиться для совѣщанія и окончательнаго постановленія приговора!

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

Тъ же, кромѣ судьи и присяжныхъ, которые выходятъ направо.

Александрсонъ экзекутору. Вотъ ужъ не наберешься ума отъ такого правосудія!

Экзекуторъ. Знаете что? Идите-ка лучше домой, а то съ вами можетъ случиться то же, что съ крестьяниномъ въ Мариенштадтѣ. Вы не слыхали объ этомъ?

Александрсонъ. Нѣтъ!

Экзекуторъ. Онъ пришелъ въ судъ простымъ зрителемъ, потомъ былъ допрошенъ, какъ свидѣтель, оказался вдругъ обвиняемымъ и попалъ въ тюрьму!

Александрсонъ. Ахъ, чортъ возьми! Очень просто, они, вѣдь, на все способны! Уходить.

Баронъ подходитъ къ баронессѣ, стоящей на авансценѣ.

Баронесса. Не легко тебѣ отдѣлаться отъ меня?

Баронъ. Элленъ! Я оскорбилъ тебя и самъ теперь истекаю кровью, такъ какъ твоя кровь — это и моя кровь!

Баронесса. Ты хорошо умѣешь писать счета!

Баронъ. Это только встрѣчный искъ! Вѣдь твоя храбрость — это отчаяніе человѣка, приговореннаго къ смерти! Выходя изъ залы, ты упадешь обезсиленная; а меня уже не будетъ съ тобой, для того чтобы ты могла, какъ прежде, взвалить на меня всѣ невзгоды! Тогда-то проснется твоя совѣсть! Знаешь ли ты, почему я не убилъ себя?

Баронесса. Потому что у тебя не хватаетъ мужества!

Баронъ. Нѣтъ, я не боюсь вѣчныхъ мученій, такъ какъ не вѣрю въ нихъ... Но я вспомнилъ, что даже если ребенка отдадутъ тебѣ—ты умрешь черезъ пять лѣтъ, мнѣ сказалъ это докторъ,—и ребенокъ останется безъ отца и матери! Подумай, совсѣмъ одинъ на свѣтѣ!

Баронесса. Я умру черезъ пять лѣтъ? Ложь!

Баронъ. Черезъ пять лѣтъ! И тогда, хочешь ты или нѣтъ, а ребенокъ будетъ у меня!

Баронесса. Нѣтъ, нѣтъ—тогда моя семья будетъ спорить изъ за него... Я не умру даже послѣ смерти!

Баронъ. Зло не умираетъ—ты права! Но объясни, почему ты не хочешь отдать мнѣ ребенка, а ребенку отдать меня?—Вѣдь я ему необходимъ. Неужели это только безконечная злоба и месть, которыми ты хочешь наказать сына!

Баронесса молчитъ.

Баронъ. Знаешь, что я сказалъ пастору?—Мнѣ кажется, что въ ней шевелится сомнѣнье относительно отца ребенка, вотъ отчего она не хочетъ его уступить, боясь, что моя честь можетъ покоиться на ложномъ основаніи! Но пасторъ отвѣтилъ:—Я не могу предположить у нея такой деликатности!—Я думаю, ты сама не объяснишь своей нетерпимости въ этомъ вопросѣ... У сына твоя виѣшность, но моя душа. Ты не можешь отнять ее у него, и ты найдешь меня въ немъ, когда меньше всего будешь этого ждать! Ты найдешь въ немъ мои мысли, мои вкусы, мои страсти—тогда ты возненавидишь его, какъ ненавидѣла меня... Я боюсь этого!

Баронесса. Ты, кажется, боишься того, что онъ будетъ моимъ!

Баронъ. Какъ у жены и матери, у тебя есть преимущества передъ этими господами судьями! Правда, что правосудіе бросаетъ кости съ закрытыми глазами, но кости то всегда мѣченныя!

Баронесса. Даже въ минуту разлуки ты находишь для меня любезности! Ты, можетъ быть, больше притворяешься въ своей ненависти ко мнѣ?

Баронъ. Сказать тебѣ правду: я думаю, что сильнѣе всего я ненавижу свой позоръ, хотя это не мѣшаетъ мнѣ ненавидѣть и тебя! Отчего эта страшная ненависть? Можетъ быть, я забылъ, что ты приближаешься къ сорока годамъ, что въ тебѣ стало проглядывать что-то мужское... Можетъ быть, я почувствовалъ этотъ элементъ мужчины въ твоихъ объятіяхъ и поцѣлुяхъ, а потому они стали мнѣ такъ противны?

Баронесса. Можетъ быть! Ты не зналъ, что величайшимъ несчастіемъ моей жизни было то, что я не родилась мужчиной!

Баронъ. А можетъ быть, это было тоже несчастіемъ и моей жизни? Теперь ты мстишь природѣ, воспитывая сына, какъ женщину? Послушай — обѣщай мнѣ!..

Баронесса. Нѣтъ, лучше обѣщай ты мнѣ!

Баронъ. Какая въ этомъ польза? Все равно мы не исполнимъ своихъ обѣщаній?

Баронесса. Хорошо! Не будемъ больше ничего обѣщать.

Баронъ. Отвѣтишь ты мнѣ откровенно на одинъ вопросъ?

Баронесса. Вѣдь, если я скажу даже святую истину, ты будешь думать, что это ложь!

Баронъ. Это вѣрно!

Баронесса. Теперь ты видишь — все кончено и навсегда!

Баронъ. Да, навсегда! Навсегда, какъ мы когда-то клялись любить другъ друга!

Баронесса. Надо съ ума сойти, чтобы давать такія клятвы!

Баронъ. Почему? Это все-таки связываетъ.

Баронесса. Я не выношу цѣпей!

Баронъ. Ты думаешь, было бы лучше, еслибы мы не связали себя?

Баронесса. Для меня — да!

Баронъ. Сомнѣваюсь! Тогда ты не могла бы привязать меня!

Баронесса. А ты меня!

Баронъ. Тогда все было бы гораздо проще! И такъ, законъ не виноватъ, не виноваты ни мы, ни другіе, а все-таки мы должны нести тягость вины! Къ нимъ подходитъ судебный приставъ. Нашъ приговоръ постановили! Прощай Элленъ!

Баронесса. Прощай, Аксель!

Баронъ. И разставаться тяжело, и жить вмѣстѣ невозможно! Что дѣлать!.. По крайней мѣрѣ, — конецъ борьбѣ!

Баронесса. О, если бы она кончилась! Я боюсь, что это только начало!

Судебный приставъ. Прошу удалиться присутствующія стороны на время совѣщанія суда.

Баронесса. Аксель!.. одно слово! Пока еще не поздно... Возможно, что ребенка отнимутъ у обоихъ... Поѣзжай до-

мой, отвези его къ своей матери... Мы убѣдимъ далеко, далеко!

Баронъ. Кажется, ты хочешь еще разъ посмѣяться надо мной?

Баронесса. Нѣтъ, нѣтъ!.. Я не думаю ни о тебѣ, ни о себѣ самой! Я забыла о мести! Только бы спасти ребенка! Слышишь... Спаси его!

Баронъ. Хорошо... Но если ты меня обманываешь! Все равно... я иду! Баронъ быстро уходитъ. Баронесса выходитъ въ среднюю дверь.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

Судья и присяжные усаживаются на свои мѣста.

Судья. Дѣло разсмотрѣно, но я попрошу господъ присяжныхъ высказать свое мнѣніе, прежде чѣмъ постановить приговоръ; съ своей стороны, я нахожу, что ребенокъ долженъ остаться у матери, такъ какъ супруги виновны въ равной степени, но мать кажется мнѣ болѣе способной дать воспитаніе ребенку. Молчаніе.

Александръ Эклунъ. Согласно дѣйствующему закону, жена должна дѣлить положеніе и состояніе мужа, а не мужъ положеніе и состояніе жены!

Эммануилъ Вижбергъ. Мужъ естественный опекунъ жены!

Карлъ Иоганнъ Свѣбергъ. Въ обрядѣ вѣнчанія, освящающемъ союзъ, говорится, что жена обязана повиноваться мужу, и это даетъ мужчинѣ перевѣсъ надъ женщиной.

Эрикъ Отто Боманъ. Дѣти должны воспитываться въ религіи отца...

Эренфридъ Сöderбергъ. И это доказываетъ, что дѣти должны слѣдовать за отцомъ, а не за матерью!

Олафъ Андерсонъ изъ Вика. Но, такъ какъ въ этомъ дѣлѣ виновны оба супруга и по даннымъ дѣла выясняется, что оба они неспособны къ воспитанію ребенка, я нахожу, что надо отнять его у обоихъ.

Карлъ Петеръ Андерсонъ изъ Берга. Присоединяюсь къ мнѣнію Олафа Андерсона и напоминаю, что въ такомъ случаѣ судъ долженъ назначить двухъ уважаемыхъ людей, которые возьмутъ на себя воспитаніе ребенка и управленіе имуществомъ, доходами котораго они должны содержать отца, мать, а также и ребенка.

Аксель Валлинъ. Я предложилъ бы въ качествѣ опекуновъ Александра Эклунда и Эренфрида Сöderберга, извѣстныхъ своей честностью и христіанскимъ образомъ мыслей!

Андерсъ Эрикъ Рутъ. Присоединяюсь къ Олафу Андерсону относительно разлученія ребенка съ отцомъ и матерью; я одобряю также мнѣніе Акселя Валлина относительно опекуновъ, которые своей благочестивой жизнью заслуживаютъ особеннаго довѣрія, какъ воспитатели ребенка.

Свенъ Оскаръ Эрлинъ. Присоединяюсь къ предыдущимъ мнѣніямъ.

Августъ Александръ Васъ. Присоединяюсь.

Людвикъ Эстманъ. Присоединяюсь!

Судья. Такъ какъ мнѣніе присяжныхъ противорѣчитъ моему мнѣнію, то я прошу голосовать предложеніе Олафа

Андерсона о разлученіи ребенка съ отцомъ и матерью и о назначеніи двухъ опекуновъ. Это единогласное рѣшеніе присяжныхъ?

Присяжные. Да.

Судья. Пусть тотъ, кто имѣетъ что-либо противъ, подниметъ руку! Молчаніе. Мнѣніе присяжныхъ одержало верхъ! Я приложу къ протоколу особое мнѣніе, такъ какъ нахожу этотъ приговоръ излишне суровымъ. Итакъ, супруги разлучаются на годъ. Если въ теченіе этого времени они возобновятъ совмѣстную жизнь, то присуждаются къ тюремному заключенію. Судебному приставу. Пригласите присутствующія стороны войти.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

Тъ же. Баронесса. Народъ. Потомъ баронъ.

Судья. Баронъ Шпренгель не являлся?

Баронесса. Баронъ сейчасъ вернется.

Судья. Кто не является во-время, теряетъ свои права. Судъ постановилъ: развести супруговъ Шпренгель на годъ, отнять у родителей ребенка и поручить его воспитаніе двумъ опекунамъ въ лицѣ присяжныхъ — Александра Эклунда и Эренфрида Сöderberga.

Баронесса вскрикиваетъ и падаетъ безъ чувствъ. Экзекуторъ и судебный приставъ поднимаютъ ее и усаживаютъ на стулъ.

Баронъ входитъ. Я уже слышалъ приговоръ суда и прошу позволить мнѣ отвести присяжныхъ, которыхъ счи-

таю своими личными врагами, а также Эренфрида Сöderберга и Александра Эклунда, какъ неспособныхъ управлять моими имѣніями... Кромѣ того, я возбуждаю жалобу противъ судьи за его невѣжество при отправленіи обязанностей, такъ какъ онъ не сумѣлъ понять, что тотъ, кто первый совершаетъ прелюбодѣяніе, является нравственной причиною второго преступленія, слѣдовательно — проступки сторонъ не равны.

Судья. Тотъ, кто недоволенъ приговоромъ, можетъ апеллировать въ палату. Господа присяжные, прошу васъ сопровождать меня на церковный дворъ для осмотра зданій и рассмотреть дѣло противъ таксаторовъ общины.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

Баронъ. Баронесса. Толпа понемногу выходитъ изъ залы.

Баронесса, вставая. Гдѣ Эмиль?

Баронъ. Его уже тамъ не было.

Баронесса. Ты лжешь.

Баронъ. Да, я не отвезъ его къ матери, такъ какъ не могу ей довѣрить ребенка. Онъ въ церковномъ домѣ.

Баронесса. У пастора?

Баронъ. Да, у единственнаго врага, на котораго можно положиться! Кому же я могъ его довѣрить? Я сдѣлалъ такъ, потому что прочелъ въ твоихъ глазахъ, что ты способна убить и себя и ребенка!

Баронесса. Будто ты это увидалъ? О, какъ могла я допустить, чтобы ты еще разъ обманулъ меня!

Баронъ. Ну, что же ты теперь скажешь?

Баронесса. Не знаю, я такъ измучена, что уже не чувствую ударовъ! Мнѣ точно легче послѣ этого смертельнаго удара!

Баронъ. Ты не думаешь о послѣдствіяхъ! Твой сынъ будетъ воспитанъ двумя мужиками... Ихъ необразованность, ихъ грубыя привычки будутъ медленно отравлять его! Ихъ узкій умственный кругозоръ поработитъ его разумъ, а предрасудки задушатъ его духовное развитіе! Его научатъ презирать отца и мать.

Баронесса. Молчи, молчи!.. Или я съ ума сойду! Мой Эмиль — въ рукахъ грязныхъ мужичекъ, которыя никогда не моются; постели ихъ кишатъ насѣкомыми! Онѣ не умѣютъ отличить грязной гребенки отъ чистой... Мой Эмиль! Нѣтъ, нѣтъ! Это невозможно!

Баронъ. Это — неоспоримая истина, и ты одна въ ней виновата!

Баронесса. Я? Да развѣ я сама создала себя такой? Сама я развѣ вложила въ себя дурныя наклонности? Сама посѣяла въ душѣ жгучія страсти? Нѣтъ! А кто отказался дать мнѣ силу и волю, чтобы побороть ихъ? Когда я думаю въ эту минуту о своей судьбѣ — мнѣ безконечно себя жаль?

Баронъ. Ты права, мнѣ безумно жаль насъ обоихъ... Мы попробовали избѣгнуть тяжести супружества и жили внѣ брака, но какую борьбу противъ свѣта пришлось намъ выдержать! Мы были лишены одной изъ лучшихъ радостей жизни — уваженія людей... Чтобы добиться его, мы

поженились, но мы хотѣли передѣлать по-своему законы общества и поженились гражданскимъ бракомъ, отбросивъ церковное вѣнчаніе. Мы не хотѣли зависѣть другъ отъ друга, не хотѣли имѣть общую кассу... Жизнь пошла по старой колѣѣ! И все разбилось... Я прошалъ тебѣ измѣны, и ради ребенка мы жили подъ одной кровлей, но чужіе другъ другу... Свобода! Наконецъ, я усталъ представлять всѣмъ въ качествѣ жены любовницу моего друга, и мы должны были разойтись... Понимаешь ли ты, противъ кого мы боролись? Ты зовешь его Богомъ — а я зову природой! И вотъ этотъ всемогущій повелитель пробудилъ въ насъ ненависть такъ же, какъ онъ внезапно пробуждаетъ любовь въ сердцахъ людей! Мы осуждены ненавидѣть другъ друга, пока въ насъ будетъ тлѣть хоть искра жизни! Все новые и новые процессы въ судѣ, пересмотры дѣла, слушаніе дѣла въ консисторіи, судъ въ высшей инстанціи — вотъ наша судьба! Потомъ послѣдуетъ моя жалоба министру, требованіе опеки, твои возраженія! Встрѣчные процессы. Мы будемъ переходить отъ эшафота къ эшафоту, не находя нигдѣ сострадательнаго палача! Земли наши останутся необработанными, сынъ будетъ дурно воспитанъ... А знаешь ты, почему мы не покончимъ эту ужасную жизнь? Потому что насъ связываетъ ребенокъ... Ты плачешь? Я уже не въ состояннн плакать, даже когда думаю о ночахъ, которыя буду проводить въ нашемъ опустѣвшемъ домѣ! А ты, моя бѣдная Элленъ? Вернешься къ матери, которую оставляла когда-то съ такимъ радостнымъ чувствомъ, чтобы войти въ свой собственный домъ! Быть снова дочерью подъ крылышкомъ мамы... Это, кажется, еще невыносимѣй, чѣмъ быть моей женой!

Годъ! два! Много лѣтъ пройдетъ... Долго ли мы будемъ еще страдать?

Баронесса. Я не вернусь къ матери! Я пойду бродить по дорогамъ, я спрячусь въ лѣсъ и до изнеможенія буду проклинать Бога, который создалъ эту адскую любовь и подарилъ ее міру на мученія человѣчеству! А когда стемнѣетъ, я приду на церковный дворъ и лягу на гумнѣ, чтобы спать вблизи моего ребенка!

Баронъ. И ты еще думаешь, что будешь спать сегодня ночью!

Занавѣсъ.